Российский государсьвенный гуманитарный университет

Orientalia «Classica

Труды Института восточных культур и античности

XVI

История и культура традиционной Японии

Первое жизнеописание императора Мэйдзи

Александр Мещеряков

Правление императора Мэйдзи (жил: 1852-1912, правил: 1868-1912) выдалось длинным. Настолько длинным, что ныне оно кажется более продолжительным, чем физическая длина его человеческой жизни. Это впечатление обусловлено тем, что за сорок пять лет правления Мэйдзи страна пережила поистине драматические перемены: из феодальной островной страны, расположенной на самом краю света, она превратилась в мощное государство, в полноправного игрока на империалистической карте мира. Если раньше японцы говорили об угрозе, исходившей с Запада, то после побед Японии над Китаем и Россией настало время опасаться и Японию. Всего за одно поколение страна сумела создать современную промышленность и армию. Всего за одно поколение прежний комплекс неполноценности был превращен в комплекс превосходства. Когда в 60-х годах XX века Япония начала превращаться в супермощную экономическую державу, заговорили о «японском чуде». Но на самом деле «чудо» случилось еще в правление Мэйдзи. Основа послевоенных успехов Японии была заложена именно при нем.

Время правления Мэйдзи принесло с собой решительное расширение общения, торговли, взаимодействия с миром. Япония стала узнавать мир, мир стал узнавать Японию. Мало того: японцы стали узнавать самих себя, за время правления Мэйдзи была сконструирована японская нация. Ее главным символом стал сам император Мэйдзи. Запад воспринимал его прежде всего как символ реформ и перемен. Однако в сознании японцев он был еще и хранителем древних традиций, которые «уравновешивали» вестернизацию. Канонизация образа Мэйдзи началась еще при его жизни, после его кончины идеализация стала еще заметнее. И эта «внутрияпонская канонизация» актуализировала совсем не те черты правления императора, которые становились предметом рассмотрения на Западе. Западная печать сравнивала эпоху Мэйдзи с правлением Петра Ве-

ликого или же Вильгельма I. Нельзя сказать, что японской публицистике эти оценки оказались чужды, но в их похвалах звучали и совсем другие ноты.

Доказательством этому служит одна из первых биографий Мэйдзи, опубликованных в Японии после его смерти. До сих пор она не привлекала внимание исследователей, данный перевод является первой публикацией на европейских языках.

Непосредственно перед запланированной церемонией восшествия на престол сына Мэйдзи, принца Ёсихито (император Тайсё, 1912-1926), в начале 1913 г. была опубликована книга «Основные установления относительно императорского дома» («Косицу дайтэн»), приуроченная к этому важнейшему событию. Эта объемистая книга в 840 страниц может быть названа «предкоронационным альбомом». Она была весьма дорогой и стоила 3 иены. В книге содержатся самые различные сведения относительно императорского дома: его состав, структура, ритуалы, генеалогии и др. В самом обширном разделе, где приводятся жизнеописания всех японских императоров, начиная с мифического основателя династии Дзимму, помещена и биография Мэйдзи. Она представляется нам чрезвычайно содержательной с точки зрения понимания того, какое место занимал Мэйдзи в структуре массовых представлений о верховной власти. Из этого жизнеописания хорошо видно, что для составителей книги в жизни Мэйдзи основным был не его «реформаторский», а «человеческий» облик. Японская политическая элита создавала «народное государство», государство-нацию (nation state). Одним из средств для достижения этой цели было приближение монарха к «народу» с помощью традиционных образов и таких образов, которые должны восприниматься как традиционные. Император должен был представать как образцовый человек конфуцианского типа, неподражаемый образец для подражания.

Эта книга — не частное мнение ее составителей. В условиях жесткой цензуры она должна была получить одобрение на самом «верху», ее составителями являлись профессора, прежний и нынешний министры двора. То есть приводимое ниже жизнеописание следует считать установочным документом официальной культуры. Культуры, рассчитанной на массовое сознание.

Жизнеописание Мэйдзи разбито составителями на несколько разделов. После каждого из них мы приводим свой краткий историко-культурный комментарий.

Император Мэйдзи (121-е правление)

Общие сведения. Прижизненное имя императора — Муцухито. Он был старшим сыном императора Комэй. Его матерью была наложница императора Накаяма Ёсико, первый ранг. Ее отцом был Накаяма Тадаёси, носивший чин кандидата в старшие советники [дзюн-дайнагон]. Император родился 20-го дня 9-й луны 5-го года девиза правления Каэй, в год старшего брата воды и крысы [1852], и был наречен принцем Сати-но Мия. В седьмой луне 1-го года Манъэн, в год старшего брата металла и обезьяны [1860], его решили назначить престолонаследником, и в 9-й луне он стал наследным принцем, 9-го дня 1-й луны 3-го года девиза Кэйо, в год младшего брата огня и зайца [1867], он получил императорские регалии. 15-го дня 1-й луны 1-го года девиза Мэйдзи в год старшего брата земли и собаки [1868] он прошел обряд посвящение во взрослые, 27-го дня 8-й луны этого же года он прошел обряд интронизации. В то время ему было 16 лет. В 12-й луне он взял в жены Итидзё Харуко. Ее детское имя — Кацуко, она была дочерью прежнего левого министра Итидзё Тадака. В тот же день она была возведена в звание императрицы. В 7-й луне был оглашен указ о переносе столицы в Токио, и замок Эдо стал императорской резиденцией. В 10-й луне император переехал туда на жительство.

В 5-й луне 6-го года [правления Мэйдзи, 1873], в год младшего брата воды и курицы, в императорском замке случился пожар, и император перебрался в отдаленный дворец Акасака [в Токио]. В этом году император перестал подводить себе брови и чернить зубы, сменил прежнюю прическу на стрижку, и его сияющий облик полностью преобразился. С тех пор он неизменно подавал народу пример в части усердия, трудолюбия и облика.

30 июля 45-го года правления он скончался от болезней, а драгоценных лет ему было 61. Еще до этого, 20 июля, было опубликовано сообщение о его тяжелой болезни, и тогда днем и ночью перед дворцом стали собираться толпы людей. Они искренне молились о выздоровлении императора, их преданность, искренность и правдивость заставляли прослезиться бо-

жества. 13 сентября в Аояма состоялась грандиозная похоронная церемония, а затем император был похоронен в гробнице на горе Фусими-Момояма в деревне Хориноути уезда Кии, что в Ямасиро.

Комментарий. Японские императоры обладали несколькими именами: детским (Сати-но Мия), взрослым (Муцухито) и посмертным (Мэйдзи). В случае с Мэйдзи впервые в японской истории посмертное имя императора совпало с девизом его правления (Мэйдзи — «светлое» или «просвещенное» правление). При жизни императора японцы обычно именовали его «нынешним императором», за границей его знали как Муцухито. Рождение будущего императора от одной из наложниц было явлением самым обычным. Японские правители были полигамны, что вызывало возмущение «просвещенных» европейцев. Под их влиянием обычай полигамии был в конце концов упразднен, и Мэйдзи стал последним императором, который обладал гаремом.

Полигамия была не только демонстрацией высоты занимаемого положения, но и жизненной необходимостью. Круг аристократических семей, из которых император имел право получать брачных партнерш, был крайне ограничен, женское бесплодие было явлением самым обыкновенным. Число наследственных заболеваний было огромно. Помимо близкородственных браков, это объясняется и крайне нездоровым образом жизни, который вели императоры и аристократия: полное отсутствие физических нагрузок, «ритуальное» пьянство. Практически любой ритуал, а императору приходилось участвовать в них каждый день, сопровождался возлияниями, что приводило в результате к алкоголизму. Алкоголиками был и сам Мэйдзи, и его отец Комэй. Все это приводило к тому, что детская смертность среди императорских и аристократических отпрысков была очень высокой, а продолжительность жизни, как правило, низкой. Комэй прожил 35 лет, Нинко (годы правления: 1817-1846) — 46, Кокаку (1780-1817) — 69, Гомомодзоно (1771-1779) — 22, Госакурамати (1763-1770) — 73, Момодзоно (1747–1762) — 21, Сакурамати (1735–1747) — 30, Накамикадо (1710-1735) — 36.

Дети императора воспитывались своей физиологической матерью в ее доме. При этом главным лицом, ответственным за воспитание, становился ее отец. Это старинное установление, напоминающее авункулат, ведет свое происхождение по край-

ней мере с VIII в. Император виделся со своими детьми крайне редко, когда те по особым церемониальным случаям посещали его во дворце. Наследный принц переселялся во дворец, как правило, после достижения совершеннолетия.

Мэйдзи родился в Киото в 1852 г., поэтому, согласно европейским нормам, в момент занятия трона ему было 15 лет. Однако согласно порядку счета, принятому в Японии, год, в который родился данный человек, засчитывался за полный. Год смерти также считался за полный. Ко дню кончины Мэйдзи исполнилось 59 лет, но биография утверждает, что он умер в возрасте 61 года.

Церемония интронизации состояла из нескольких этапов. В жизнеописании упомянут, в частности, первый из них — церемония передачи регалий. К их числу относились священное бронзовое зеркало, меч и яшма. Эти регалии должны были всегда находиться при императоре, он брал их с собой всегда, когда покидал пределы дворца больше, чем на один световой день.

После отстранения от власти последнего сёгуна Токугава Ёсинобу император Мэйдзи переехал из Киото в его замок в Эдо, который переименовали в Токио («восточная столица» по аналогии с Киото, который называли также «западной столицей» — Сайкё). Переезд в Токио был обусловлен несколькими причинами: Токио был самым большим городом Японии и обладал наиболее развитой инфраструктурой; окружение Мэйдзи взяло решительный курс на модернизацию, а сопротивление переменам аристократической элиты в Киото было слишком велико; переезд Мэйдзи в сёгунский замок рассматривался как военный триумф. Недаром составители биографии Мэйдзи считают датой его переезда в Токио октябрь 1868 г. На самом деле Мэйдзи стал постоянно проживать там только с весны следующего года. В октябре же он только побывал там, но его «внос» (Мэйдзи тогда путешествовал в паланкине) действительно напоминал триумф над поверженным врагом. Об этом свидетельствует, в частности, такой примечательный факт. На пути к сёгунскому замку для короткого отдыха Мэйдзи остановился в буддийском храме Дзодзёдзи, где находилась одна из усыпальниц дома Токугава. Паланкин не проходил в ворота по высоте, пришлось подкапывать снизу землю. Но остановиться хотя бы на минуту в таком знаменательном месте, чтобы продемонстрировать, кто теперь в Токио «главный», нужно было обязательно.

Император Мэйдзи должен был служить для своих подданных примером, всем своим видом он показывал, что в стране проводятся реформы. С этой целью пришлось решительно изменить его облик. Если раньше он одевался в традиционные одежды и носил традиционную прическу, чернил зубы и выщипывал брови, то с 1873 г. ему пришлось отказаться от обычаев своих предков. Мэйдзи постригся, отрастил усы и бородку, облачился в военный мундир европейского образца. Вслед за ним и все чиновники переоделись в европейское платье.

На отца Мэйдзи, императора Комэй, подданные не имели права смотреть. Изображения императоров были также табуированы. Мэйдзи же представлял собой уже видимый подданным образец. Он совершал путешествия по стране, давал аудиенции, присутствовал на различных публичных мероприятиях. Его похороны также превратились в церемонию, в которой приняли участие миллионы японцев. Основная часть церемонии проводилась на плацу в токийском районе Аояма, где при жизни Мэйдзи имел обыкновение делать смотр войскам. В соответствии с пожеланиями Мэйдзи, его похоронили неподалеку от Киото. Под прямым влиянием российского символического опыта в Японии была принята концепция «двух столиц» (Петербурга и Москвы). Административные функции полностью исполнял Токио, но значительная часть функций церемониальных отошла к Киото. Этот город был должен продемонстрировать древность японской культуры. Раньше в похоронах императора принимали участие только самые близкие люди, об обнародовании медицинского бюллетеня, как то было в случае с Мэйдзи, не могло быть и речи. Сокрытие смерти в течение нескольких дней или даже недель было делом обычным. Теперь же «тело» императора стало видимым не только при жизни, но и после смерти.

О добродетели сыновней почтительности императора

При жизни своего отца императора Комэй император [Мэйдзи] с самого младенчества вступил на путь сыновней почтительности. После кончины отца каждый год 30-го дня 1-й луны он сам обязательно проводил заупокойные службы, каждое утро непременно поклонялся духу покойного, не упуская ни дня,

скорбел о прежнем императоре; для того чтобы покойный император мог следить за тем, как с каждым днем и месяцем правления [Мэйдзи] меняется мир, он без утайки рассказывал ему и о том, как печалят его сердце по сравнению с правлением прежнего государя [изменения к худшему], и о том, что случилось только вчера. Скучными вечерами император часто повторял: «Как мне хотелось бы удостоиться хоть слова похвалы со стороны отца, но этого не случилось — он сокрылся в облаках, о чем я и жалею всю мою жизнь, но теперь по размышлении решил, что и без похвал меня воодушевляет уже одно только то, что соприкосновение с его глубокомыслием является достаточным отцовским подарком».

Как-то раз император увидел во сне прежнего императора и сложил:

Увидел себя Перед вскормившим меня Родителем. Просыпаться было Так жаль.

Вдовствующаей императрице Эйсё стало плохо 11-го января 30-го года Мэйдзи [1897 г.]. В это время сам император был простужен, а потому придворный врач предупредил его, чтобы он не покидал помещения. Однако император не послушал его, и на следующее утро в половине девятого отправился во дворец Аояма. Войдя в комнату больной, он сердечно справился о ее здоровье. В половине одиннадцатого он вернулся к себе.

Все это случилось весьма неожиданно, и император, не желая терять время, не стал вызывать сопровождение, погрузился в экипаж и спешно покинул свой дворец в сопровождении только конной охраны и нескольких знаменосцев. При этом он проезжал не по предназначенной ему широкой дороге, а ближними переулками. В шесть часов вечера была получена весть о кончине Эйсё. Хотя император ввиду простуды пребывал на своем ложе, он немедленно переоделся и покинул дворец. Ничуть не показав своего драконьего лика, он приготовился горевать.

Комментарий. Официальная версия причины смерти Комэй (годы жизни: 1831–1866, годы правления: 1847–1866) — оспа, однако существует и подозрение, что императора отравили. Он был решительным противником открытия страны и по-

тому мешал тем силам, которые рвались к власти и желали модернизации.

В этом разделе Мэйдзи предстает как образцовый конфуцианский сын, который исполняет заупокойные ритуалы и неустанно заботится о памяти отца и о своей «официальной» матери, которая получила посмертное имя Эйсё (физиологическая мать никакого участия в публичной жизни она не принимала). Японская культура настойчиво подчеркивает идею продолжения и преемственности. В связи с этим из всех семейных добродетелей она объективирует прежде всего заботу о родителях. Современный Мэйдзи европейский монарший сценарий непременно делает акцент на любви государя к жене и детям, но в жизнеописании японского императора этот момент полностью отсутствует, забота о родителях (в особенности, об отце) является всепоглощающей. «Любовь» вообще не входит в словарь японской официальной культуры. «Любовь» воспринималась как вещь весьма капризная и ненадежная, поэтому ее место занимает понятие долга и верности.

О добродетели гуманности

Император обладал огромной гуманностью, он постоянно заботился о спокойствии народа. Когда происходили природные бедствия, не случалось и дня, чтобы он не отправлял посланника на центральную метеорологическую станцию по нескольку раз в день. Кроме того, во время сбора урожая его большая душа обращалась в сторону полевых работ и никогда ни на миг не отвлекалась от изучения аномальных явлений Неба и Земли. Когда свирепствовали дурные болезни, он неизменно являл глубины своего сердца и изволил говорить о том, что негоже жалеть денег на сострадательную помощь бедным и убогим, жертвам войны и раненым. Когда он слышал о том, что среди народа расцветают сострадание и доброта, его сердце переполнялось радостью.

Благодатным дождем проливалась добродетель императора на птиц и животных, на рыб и насекомых. Когда государю подносили карпов, перепелок или же угрей, он непременно осматривал их и неизменно глаголил: «Позаботьтесь о них». Его августейший пруд кишел карпами, в его августейшем саду обитало столько птах, что они вызывали раздражение. Ёсии

Томосанэ, который служил прежде заместителем министра государева двора, как-то сказал государю: «Ваше величество изволят любоваться предназначенными для съедения карпами, слушают певчих птах и жалеют их, повелевая отпускать на волю, что свидетельствует о небесной доброте Вашего величества. Однако, если подойти к делу с другой стороны, смиренные дарители предназначают их в качестве свежих яств для вашего стола, и ваше сострадание превосходит их понимание, искренние чувства подданных не находят удовлетворения, они не в состоянии оценить широту души государя, к тому же сад и пруд переполнены живыми существами, что создает немыслимые трудности для обслуги». Государь улыбнулся: «Теперь я знаю, чего желают мои подданные — они хотят, чтобы все это попало на мой стол».

После этого случая, когда ему подносили живых существ, он неизменно повторял: «Примите это». Слугам же стало еще труднее, ибо они не могли понять, что им делать. Потом они как бы невзначай доложили: «Полученное от такого-то дома приготовлено и подано на стол». И тогда император промолвил: «Хорошо!» и изволил согласиться. Этот случай ясно показывает безграничное великодушие государя.

Как-то государь совершал поездку по району Тохоку [северовосток острова Хонсю]. Покидая свой путевой дворец в Никко, он отправился к святилищу. Когда он пребывал в управлении делами святилища, местные крестьяне преподнесли ему огромного живого оленя. Сопровождавшие государя люди подивились и немедля объявили о том государю. Тот немало расчувствовался и щедро одарил крестьян. После же призвал придворных и велел немедленно отпустить оленя на волю. Те поняли, что оленю не быть на государевом столе в этот вечер и, получив повеление отпустить оленя, прониклись чувством, что добродетель государя и вправду достигает птиц и зверей, и пролили слезы умиления.

Один раз в месяц император обязательно отправлял своего посланника на государеву ферму в Сибуя, чтобы тот осведомился, в каком состоянии пребывают коровы. Во время японорусской войны генерал Ноги преподнес государю свинью китайской породы. Государь распорядился отправить ее на свое пастбище в Босю [восточная часть нынешней префектуры Яма-

гути] и каждый месяц осведомлялся о ее самочувствии. Особенно любил он своих лошадей, к которым относился почти как к людям. Любил он и собак, которых содержал во множестве. Собаки охраняли императора и потому могли покусать незнакомых людей. В связи с этим слугам приходилось на время аудиенции привязывать их. Во время войны 27–28 годов его правления [японо-китайская война 1894–1895 гг.], императору преподнесли доставленного из Порт-Артура китайского мопсика. При выходе императора, когда объявляли: «Государь император!», собачка всегда пробиралась меж придворных и подбегала к императору. Таким образом, гуманность императора ощущали даже малые животные.

Император всегда чутко прислушивался к пожарному колоколу, и когда раздавался его тревожный звон, он в великом беспокойстве выходил в сад и, понаблюдав за заревом на небе, немедленно осведомлялся об обстоятельствах и печаловался. В апреле 44 года Мэйдзи [1911] в [токийском районе] Ёсивара случился ужасный пожар. После того, как тогдашний министр внутренних дел любезно осмотрел место происшествия, он немедленно подробно доложил государю о разрушениях и о состоянии пострадавших. Государь воспринял это очень близко к сердцу и немедленно распорядился об оказании помощи. Узнав о том, что в том же самом месте в прошлом году случилось наводнение, он стал настойчиво расспрашивать и печалиться о несчастиях, случившихся в его земле, постоянно осведомлялся об оказанной помощи у министра двора и у придворных, безмерно горевал. Ему представляли доклады, а он отдавал приказы об оказании значительной помощи.

Комментарий. В этом разделе Мэйдзи предстает как всесострадательный правитель. Помощь пострадавшим от стихийных бедствий и эпидемий непременно входила в программу действий правителя конфуцианского типа. Японские правители древности часто оказывали такую помощь, и Мэйдзи продолжает эту традицию.

«Гуманное» отношении к животным, на что обращают столь большое внимание составители жизнеописания, имеет несколько культурных источников. Церемония отпущения на волю живых существ была принесена в Японию вместе с буддизмом. Так, именно при буддийских храмах устраивались пруды, куда

монахи отпускали купленных у торговцев рыб. Однако в правление Мэйдзи отношение власти к буддизму было достаточно настороженным (в начале правления Мэйдзи — вплоть до прямых гонений, сопровождавшихся разрушением храмов) — буддизм был учением «иностранным», мало подходил для создания государственной идеологии национального государства. Поэтому добродетель гуманного отношения к животным записывается на конфуцианский счет. Кроме того, в описании отношения Мэйдзи к животным виден и несколько сентиментальный модус поведения европейского типа. Преподнесение же «китайской свиньи» и мопсика из Порт-Артура вписывается в традиционную парадигму «культурный центр — варварская периферия», которые связаны данническими отношениями. Периферия была обязана доставлять дань, носившую, однако, не столько материальный, сколько символический характер. «Варвары» преподносят не рукотворные изделия, свидетельствующие об их искусности, а то, что рождает их земля (минералы, растения, животных). Такая дань служит признанием верховенства «центра», она еще раз подчеркивает пропасть между «культурой» и «варварством». Доставка из Китая во время японо-китайской войны именно животных (в других источниках говорится также о доставке верблюдов) тем более символична, поскольку на протяжении многих веков Китай являлся для Японии культурным донором. Авторы жизнеописания хотели сказать, что теперь Китай и Япония поменялись местами.

Соединение воедино различных культурных традиций хорошо видно и в самом начале раздела, где говорится о том, что Мэйдзи «изучал» природные аномалии. На Дальнем Востоке правитель рассматривался как гарант «правильного» хода времени, чередования сезонов, богатого урожая. Правильный ход времени он обеспечивал с помощью ритуалов. Хотя Мэйдзи действительно участвовал в исполнении таких ритуалов, в данном жизнеописании сделан акцент на научной (европейской) составляющей его поведения. Связь с природой он осуществляет через метеостанцию и научное «изучение» (кэнкю) «аномальных явлений». Этот «исследовательский» мотив получит особенно большое развитие при императоре Сёва (Хирохито), внуке Мэйдзи. Он позиционировался, в частности, как ученый академического типа, который занимался исследованием морской фауны.

Упоминание Никко во время путешествия императора на северо-восток Хонсю (1876 г.) также не случайно. В Никко находится храм, посвященный памяти основателя последнего сёгуната Токугава Иэясу. Мэйдзи свергнул династию военных правителей, но его посещение Никко должно было показать его великодушие по отношению к побежденным.

О добродетели императорской бережливости

Первоначальная смета по строительству дворца в Тиёда составляла 10 миллионов иен. Однако после того, как император осмотрел место строительства и оценил его объем, он изволил сказать: «Пусть даже в стране царит мир и народ богатеет, но только обладатель этого дворца не имеет права на это. И потому не желаю, чтобы только Наш дворец был бы таким роскошным». После этого он велел урезать расходы на строительство.

И это еще не все. При формировании ежегодного бюджета государь призывал к себе соответствующих лиц из министерства двора и заявлял, что ни в коем случае не жалеет больших расходов на ритуалы, связанные с почитанием предков и на благотворительность, но расходы на другие статьи следует сократить. Он всегда настаивал на максимальной скромности расходов двора на ежедневное пропитание, не дозволяя пустого роскошества и излишеств. Когда ковры во дворце изрядно поистерлись, и государю доложили о необходимости заменить их, он ответил, что это противоречит его убеждениям и все оставили, как оно было. По этой частности можно судить и об общем.

Еще одна удивительная вещь — быт государя после японокитайской войны. После беспримерной победы возликовавший народ стал клониться к шикарной жизни, к излишествам в еде и одежде. В противоположность этому император после окончания тягот войны стал отказываться от всех развлечений, даже от лотереи и от «жарко-холодно». До войны на свой день рождения и в день основания империи устраивались пышные банкеты, а после этого вечером во внутренних покоях дворца устраивалось еще и угощение для приближенных лиц, теперь же государь отказался и от этого. Раньше по четвергам и субботам устраивались угощения, на которых присутствовали все придворные дамы, но потом это обыкновение было упразднено, все помыслы государя устремились на то, как помочь бедным. Как известно, ежегодный бюджет императорского дома определяется на совещании парламентской бюджетной комиссии, затем поступает на рассмотрение комиссии по хозяйственным делам императорского дома, после чего решение оформляется в форме императорского указа. Однако после провозглашения указа года Босин государь, желая показать образец экономности, уменьшал свой лист довольствия на 30–40 процентов.

Комментарий. Экономность и бережливость — традиционные добродетели дальневосточного правителя. Еще в VIII в. антибуддийские настроения в Японии питались убеждением, что строительство грандиозных храмов ложится тяжелым бременем на плечи народа. Образ Мэйдзи полностью вписывается в парадигму бережливого государя — он экономит государственные средства сразу начиная после перехода власти от сёгуна, указ «года Босин» (1908) призывает к скромности в быту и экономии. Однако по сравнению с древностью в образе «экономного императора» есть и существенное отличие. Оно обусловлено той ролью «образца для поведения», которая была предписана Мэйдзи. Раньше император мог быть экономным и избегать роскоши, но он не мог играть роль образца для народа — он непосредственно контактировал только с чрезвычайно узким кругом лиц, о его поведении и деяниях «народ» не знал ничего. Теперь же он подавал всей стране публичный пример скромности в быту. Это было весьма актуально, поскольку с модернизацией и развитием капиталистических отношений разрыв между богатыми и бедными стал стремительно возрастать, что было чревато социальным недовольством.

Под «дворцом в Тиёда» имеется в виду дворец на месте бывшего сёгунского замка в Токио. Он был отстроен ко дню провозглашения конституции 1889 г. Как и во всем, что касается правления Мэйдзи, в архитектуре дворца хорошо видна присущая тому времени амбивалентность. Дворец делился на публичное и приватное пространство. Публичное пространство (тронный зал) было устроено на западный манер: ковры и заказанная в Европе мебель. Жилое пространство было целиком японским, там даже отсутствовало электрическое освещение.

О воинских добродетелях императора

Сразу после давней уже теперь реставрации император стал уделять повышенное внимание укреплению армии. В 7–8 годах эры правления Мэйдзи [1874–1875] он стал присутствовать на маневрах. Хотя у него было огромное количество дел, хотя у него почти не было свободного времени, его познания в военном деле заслуживают удивления. Если в газете или в журнале ему попадалась статья, содержащая практические сведения относительно оружия и боеприпасов, и у государя возникали неясности, он немедленно призывал к себе придворного, ответственного за военное дело, и задавал ему вопросы, которые своей глубиной приводили в изумление экспертов.

Когда государь узнал о готовящихся изменениях в уставе сухопутных войск, он призвал во дворец главного инспектора образования Осима и стал милостиво расспрашивать его. Он осмотрел все снаряжение пехотинца — винтовку, нож, ранец — и учинил им проверку. «Это нужно исправить, а это нужно сделать так-то», — распоряжался он. Находясь при полном снаряжении, он пять или шесть раз бодрым шагом обошел скаковой круг в своем саду и изволил сказать, что снаряжение следует сделать более соответствующим силам солдата. Не говоря уже о работе в ставке во время войны, даже когда в мирное время устраивались совещания командиров дивизий, император милостиво призывал их к себе и подробно расспрашивал о самых различных аспектах армейской жизни. Его суждения были всеобъемлющи, командиры дивизий доставали карты и подробно отвечали на расспросы, но тут вдруг следовал вопрос, который поворачивал дело совсем с другой стороны, что частенько повергало военных в трепет.

Поскольку император показывал такое усердие в военном деле, армия становилась с каждым годом все сильнее. Во время великих войн с Китаем и Россией благодаря огромной воинской добродетели императора был отчетливо выявлен воинский дух, национальное достоинство с каждым днем процветало все больше, Япония превратилась в перворазрядную державу. Нигде и никогда никто не правил с такими достижениями и блеском, как он. Воинские добродетели императора превозносят не только его подданные, подданные в других странах также

And the County of the County o

A STATE OF THE PARTY OF THE PAR

поют ему хвалу. Его уподобляют Александру Великому и Петру Великому, и тоже называют великим императором.

Комментарий. Официальные источники периода Мэйдзи утверждают, что император всего лишь «восстановил» военную функцию императора, которой тот был лишен при сёгунах. Однако на самом деле военная функция императора была приобретением Мэйдзи. Императоры были синтоистскими жрецами, коммуникаторами с конфуцианским Небом, но к армии они не имели никакого отношения, им запрещалось смотреть на кровь и даже произносить это слово. Они могли проявлять воинскую доблесть только до ритуала интронизации, как то было, например, с мифическим первоимператором Дзимму. Однако современные Мэйдзи европейские монархи выступали в качестве военных лидеров нации, и политическая элита Японии посчитала, что Мэйдзи следует последовать их примеру. После 1873 г. практически на всех публичных мероприятиях Мэйдзи появлялся в военной форме, он устраивал многочисленные смотры, присутствовал на маневрах, принимал парады. Согласно конституции, он являлся верховным главнокомандующим. Во время японо-китайской войны Мэйдзи временно перебрался в Хиросиму, чтобы у его подданных сложилось впечатление его активного участия в планировании военных операций. Но он всетаки не решился появиться на континенте — до него ни один из японских императоров никогда не покидал пределов подведомственной ему территории, которая находится под охраной синтоистских божеств.

Как и в других разделах, в военных делах Мэйдзи позиционируется как правитель, близкий к повседневным нуждам простого человека (в данном случае — солдата). Создание такого образа было общей тенденцией и для западных монархий. Однако в Европе старались создать впечатление близости монарха к народу без посредничества чиновников. Отсюда — выходы к народу, произнесение речей, общение с «простыми людьми» царственных особ. Однако для Японии это было бы чересчур смелым. Несмотря на стремительное сокращение дистанции между правителем и подданными, которая наблюдается при Мэйдзи, эта дистанция была все равно намного больше, чем на Западе. Визуализация Мэйдзи никогда не доходила до степени европейской. Изображения Мэйдзи мы не найдем ни на де-

нежных купюрах, ни на почтовых марках, ни в кадрах кинохроники, ни на изделиях промышленности. Мэйдзи был узнаваем, но он появлялся перед своими подданными реже, чем европейские монархи, поклонение его портрету в школах и учреждениях совершалось только во время общенациональных праздников. Безудержное приближение к народу чревато полным слиянием с ним и нежелательной десакрализацией. В Японии этого не случилось.

Литературные добродетели

Единственной радостью императора всю его жизнь оставалось сложение стихов. За день он мог сложить до двух-трех десятков стихотворений, а за свою жизнь он сочинил более 84 тысяч стихотворений. Покойный Такасаки Сэйфу как-то сказал: «В древности и в нынешние времена поэтов было много, но никто из них не превзошел императора». Читая стихи императора, видишь все величие его мысли и совершенство души. Только знакомясь с его поэтическим наследием, подданные Японии проникаются величием его литературной добродетельности, уясняют себе, что священное правление Мэйдзи не имеет примеров в прошлом.

Вначале сбором стихов императора занимался покойный Нисисандзё Суэтомо, потом ответственным за стихи был назначен покойный старец Ята Томонори, потом — Такасаки Сэйфу. В их задачу входило обнародование стихов императора. Однако сам государь предупреждал, что нельзя тратить на стихи время, предназначенное для управления. Поэтому, находясь на людях, он не слагал стихов. Когда же удалялся в свои покои, слагал с десяток. В каждом из них запечатлена его природа, ведающая, что происходит в Поднебесной. И в этом отношении по изяществу и силе его стихи превосходят благословенное время Хэйана. С тех пор, как английский профессор Ллойд, состоявший на службе на филологическом факультете Токийского императорского университета, по просьбе издававшейся в Нью-Йорке американской газеты «Индепендент» перевел на английский язык стихи императора, которые были разосланы многим монархам, всюду в мире признали не только его воинские достоинства, но и оценили его как великого поэта, что является радостным фактом, прибавляющим ему почитания еще больше.

Для сочинения стихов император постоянно имел при себе простой карандаш и записную книжку, куда он собственноручно и записывал стихи. Это составляет разительный контраст по отношению к так называемым поэтам, которые усаживаются с прямой спиной за убранным столом и сочиняют за день два или три стихотворения. Нет, император не тратил время, специально занимаясь сочинительством. Придет что-то на ум — запишет одно, потом другое; так стихи и нанизывал. Император сочинял с божественной быстротой, придворные не могли сдержать возгласов восхищения. Император сочинял на самые разные темы, особенно много у него стихов, посвященных делам государственным, образованию, делам военным, пяти злакам, дождям и ветрам. Каждая из этих тем постоянно занимала священные помыслы императора, каждая из них превращалась в его стихах в сокровище. Если бы проводящие в праздности свои дни поэты увидели, как среди леса дел император беспрерывно сочиняет стихи, они бы умерли от позора.

По изяществу, прозрачности и глубине стихи императора находятся на недостижимой для обычных поэтов высоте. Ниже приводятся несколько стихотворений, которые должны продемонстрировать это.

Слива в полном цвету Кони на привязи, Люди идут и идут... Всюду вокруг Высыпали Сливы цветы.

Сакура на ветру
Падает, падает
Цвет вишневый
Под ветром весенним...
Из сада чьего
Он прилетел?

Мандариновое дерево в родном саду
Вышел в сад:
Старое дерево
Вспоминает былое —
Мать,
Что вскормила меня.

Меч На равнине **А**даси Пусть блесн~~е~~т

Острый меч,

Что наточил

Настоящий мужчина...

Молитва в святилище

Божество великое

Из храма Исэ!

Оборони наш свет -

Так молюсь

О мире народном.

Комментарий. Традиция лишала японского императора многих составляющих, которые были неотъемлемой частью образа западных монархов. К таким элементам можно отнести военную функцию, функцию передвижения, функцию визуальной репрезентации и др. Функции, которые выявлены у японских императоров в более полной мере, чем это было в Европе, — образовательная и, в особенности, литературная. Ведущим жанром литературы считалась поэзия, ибо, в соответствии с китайскими представлениями, поэзия является отражением и, одновременно, источником космического порядка. Именно поэтому при дворе находился целый поэтический отдел, в котором и служили поименованные в тексте жизнеописания лица. При этом под «поэзией» понимались только «короткие песни» (танка, 31 слог), демократические хайку (17 слогов) в придворном обиходе не значились.

Японские императоры тщательно изучали стихотворную традицию и много сочиняли сами. В этом смысле образ Мэйдзи действительно соответствует традиционным представлениям о верховном правителе, который своими стихотворными упражнениями приводит страну и природу в гармоничное состояние. Другое дело, что оценка творчества Мэйдзи, которая принадлежит заведующему поэтическим отделом двора Такасаки Сэйфу (Масакадзэ, 1838–1912), выглядит несколько завышенной. Во время жизни Мэйдзи стихотворчество еще было стилем жизни, подавляющее большинство представителей политической элиты оставили потомкам свои поэтические сочинения. Тем не менее, количество стихов, о которых упоминает жизнеописание, вызывает вопросы, тем более, что большинство стихов по

загадочной причине не сохранилось. С другой стороны, выученный стихотворец сочиняет стихи в автоматическом режиме, для этого никакого «вдохновения» ему не требуется. Так что при определенных допущениях Мэйдзи вполне мог сочинить и более 80 тысяч стихотворений. При этом упоминание «простого карандаша» вместо традиционной кисти в качестве инструмента фиксации выглядит вопиющим новаторством, но император на то и император, чтобы иметь право и на это.

Автобиография Саиондзи Киммоти

Н. Овсянников

Вниманию читателя предлагается фрагмент автобиографии одного из интереснейших политиков и государственных деятелей довоенной Японии — Саиондзи Киммоти (1849–1940), двухкратного премьер-министра и ближайшего советника трёх японских императоров: Мэйдзи (1867–1912), Тайсё (1912–1926) и Сёва (1926–1989). Начав государственную карьеру 18-летним юношей на самой заре становления новой Японии, сразу после Реставрации Мэйдзи, Саиондзи на рубеже веков займёт одно из центральных мест в политической жизни страны и будет оставаться в числе лидеров японского государства практически до самой смерти в конце 1940 г.

Впрочем, говоря о Саиондзи, нельзя ограничиваться сухим перечислением его многочисленных титулов и должностей: его личность интересна даже вне того высокого положения, которое он на протяжении нескольких деятилетий занимал в политической жизни страны. Предваряя перевод его автобиографии, мне хотелось бы в большей степени обратить внимание на те качества Саиондзи, которые выделяют его среди выдающихся японских политиков начала XX века и делают уникальным, неповторимым в истории современной Японии.

Оговорюсь: я ни в малейшей мере не хотел бы преувеличивать заслуги Саиондзи как политического и государственного деятеля и, называя его интереснейшим в целой плеяде замечательных государственных деятелей первой половины ХХ в., я отнюдь не пытаюсь приписывать ему некую исключительную политическую роль. Ему, как и любому, было свойственны ошибки и колебания, а среди современников Саиондзи можно найти немало тех, кто в политических делах проявлял больше мужества, упорства или сноровки.

Однако несмотря на это в мире политики современной Японии Саиондзи остаётся ярчайшей и неповторимой фигурой. И, пожалуй, самой противоречивой, поскольку Саиондзи — и как

политик, и как человек — сочетал в себе не сочетаемые, казалось бы, черты и качества.

Во-первых, Саиондзи являл собой удивительный сплав японской культуры с передовым европейским образованием, соединяя в своей душе любовь к традициям страны с глубоким знанием и пониманием западного мира. Как представитель одной из древнейших семей Японии, уступавшей по знатности, пожалуй, лишь членам императорской фамилии, Саиондзи получил при императорском дворе прекрасное классическое японское образование, но, несмотря на это, с юных лет проявлял колоссальный интерес скорее к западной цивилизации. Неоднократно Саиондзи шокировал двор, крайне негативно настроенный в то время по отношению ко всему чужому, открытой демонстрацией своих взглядов.

В 1870 г. Саиондзи, давно мечтавшему о знакомстве с Западом, удалось настоять на своей отправке за границу на стажировку. Проучившись около десяти лет в Париже, а также, спустя ещё некоторое время, проведя почти столько же времени в качестве посланника в ряде европейских стран, Саиондзи был признан на Западе в качестве одного из наиболее просвящённых людей своего времени, и среди его близких друзей был, в частности, будущий президент Французской республики Жорж Клемансо. Заняв пост министра образования в 1894 г., Саиондзи в первую очередь попытался внедрить передовые западные ценности в японскую систему просвещения, сделать её более современной и либеральной. Он даже предпринял смелую попытку пересмотреть принятый ранее императорский рескрипт об образовании, пропитанный духом конфуцианской морали и крайне консервативный по своему характеру.

Во-вторых, крайне необычной представляется диаметральная противоположность политических убеждений, которые Саиондзи, тем не менее, удавалось бесконфликтно сочетать.

Саиондзи был преданнейшим монархистом: во время Реставрации Мэйдзи он лично руководил частями, принимавшими участие в боевых действиях против просёгунских войск — сначала на юго-западе, а затем на северо-востоке Хонсю. Хорошо известно, что он пользовался огромным доверием и уважением всех императоров, которым служил, а с императором Мэйдзи его связывала ещё и личная дружба.

И в то же самое время в обществе Саиондзи слыл либералом: он не стеснялся открыто выступать в защиту социалистов, откровенно, в том числе и в своей автобиографии, признавал свои симпатии к «левому лагерю». Хотя Саиондзи неоднократно и заявлял о том, что центром государственный системы должен быть именно император, он активно выступал за придание самых широких функций парламенту и всячески пытался способствовать тому, чтобы сделать двор более прозрачным и открытым.

Подобная «противоречивость» политических взглядов Саиондзи во многом предопределила и необычность его политической карьеры: как это ни парадоксально, ему удавалось оставаться «своим» и для так называемой олигархии¹, и для политических партий, т. е. сил оппозиционных правящей элите.

Саиондзи фактически был одним из тех, кто стоял у истоков демократического и партийного движения Японии. В 1880 г., по возвращении из Парижа, Саиондзи стал президентом «Тоё дзию симбун», едва ли не наиболее либеральной газеты того времени, присоединившись тем самым к охватившему всю страну опозиционному Движению за свободу и народные права. В 1900 г. Саиондзи принимает участие в формировании Сэйюкай, крупнейшей в стране политической партии, а в 1903 г. возглавляет её и остаётся президентом партии на протяжении десяти с лишним лет, которые становятся переломными в деле утверждения партийной политики в Японии.

Однако подобное прошлое не сделало Саиондзи в глазах старой мэйдзийской элиты «чужаком», какими для них по большому счёту оставались все остальные партийные деятели. Вероятно, одна из причин этого заключалась в том, что Саиондзи, хотя и присоединился на долгое время к либералам из числа партийным политиков, никогда до конца не расставался с идеей трансцендентного, т. е. надпартийного и узкоэлитарного прав-

¹ Олигархией применительно к Японии второй половины XIX — начала XX вв. принято называть те силы, которые пришли к руководству страной в результате свержения Токугава и Реставрации Мэйдзи. Эту политическую элиту зачастую называют также «клановой олигархией», поскольку, за небольшими исключениями, в ней господствовали выходцы из могущественных юго-западных княжеств Тёсю и Сацума, которые сыграли ключевую роль в Реставрации, сформировавшие своего рода земляческие клики в основных органах государственной власти.

ления. И действительно, после того, как в 1912–13 гг. решением высшего руководства его включают в состав гэнро², чрезвычайно узкой группы пожизненных советников императора, которая формировала верхний слой политической элиты страны, Саиондзи начинает заметно остывать к политическим партиям. Впрочем, даже на этом этапе отдаления от партийных сил разрыва с партиями у Саиондзи не происходит: как известно, первое подлинное партийное правительство, образованное во главе с Хара Такаси (1856–1921) в 1918 г., в немалой степени обязано своим появлением именно поддержке Саиондзи.

Кстати, стоит отметить, что после назначения Саиондзи гэнро подобного доверия более не оказывалось никому, и Саиондзи, таким образом, выпала уникальная роль стать последним из гэнро: с 1924 г., когда умер старейший из его коллег-гэнро, и до собственной смерти Саиондзи оставался единственным советником императора.

В-третьих, при ближайшем знакомстве с Саиондзи не может не поражать его специфическое отношение к политике и собственному месту в ней. С одной стороны, Саиондзи был политиком, занимавшим все высшие должности в стране, от министра до пожизненного советника императора, а с другой, как по свидетельству современников, так и его собственным словам, это был человек, едва ли не полностью лишённый политических амбиций и интереса к политике как таковой.

В отличии от того же Хара Такаси, многие годы бывшего ближайшим соратником Саиондзи и действительно жившего политикой, намного больше, нежели перипетии политической борьбы, Саиондзи интересовали искусства, в которых он, как мы можем судить, был больше, чем просто любитель, и размеренное, созерцательное времяпрепровождение. Так, став в 1906 г. премьер-министром, он с несравненно большим энтузиазмом отдавался собиравшемуся у него дома литературному кружку, нежели заседаниям кабинета, которые он находил откровенно утомляющими.

Он даже не пытался скрывать, что и пост председателя Сэйюкай, и премьер-министра был для него не честью и не желанной целью, а тягостной обузой, на которую он нехотя соглашался. И в

² Дословно — государственный старейшина. За всю историю *гэнро* становились лишь 9 человек.

противоположность, скажем, Кацура Таро (1847–1913), также неоднократного премьер-министра того времени, который использовал малейшие возможности для усиления своей власти и влияния, Саиондзи, казалось, не дорожил властью и при первой же возможности старался избавиться от обременительных постов на вершине властной пирамиды. По его же собственным словам, в моменты кризиса он предпочитал не идти до конца, борясь за власть ли или за собственные взгляды, а уступать, «оставляя место для манёвра»³.

Вероятно, в немалой степени причина такого отношения Саиондзи заключается в его аристократическом происхождении: будучи с детства обласкан вниманием, почестями и близостью к императорскому трону, он не нуждался в том, чтобы отстаивать своё право на место в элите, как, например, Хара — «аутсайдер» с северо-востока. Более того, как высший аристократ он испытывал презрение к неизбежным интригам мира политики и не желал принимать в них участие, препоручая повседневные политические заботы своим соратникам.

Подобное равнодушие Саиондзи давало его коллегам и союзникам причину для серьёзных огорчений, а недоброжелателям — повод для иронии. Так, известный историк и публицист того времени Токутоми Сохо, относившийся к конкурирующему политическому лагерю, определил его характер тремя словами: «интеллект, леность и равнодушие» Сам Хара тоже подчас не мог скрыть раздражение пассивностью Саиондзи: в его дневниках мы можем найти массу негодующих записей, подобных следующей: «Я не раз и не два выручал Саиондзи, но ему ... не достаёт усердия и рвения, у него нет воли к власти, он ни разу не выложился полностью ради чего бы то ни было. При этом, по-моему, он даже и не ценит моих усилий. Это просто поразительно» 5.

Причём в автобиографии Саиондзи в полной мере подтверждает критику своих современников: «Я не испытывал возмущения тем, что происходит вокруг, у меня не было каких-либо

³ Кимура Цуёси (ред.) Саиондзи Киммоти дзидэн // Дайниппон юбэнкай коданся, 1949, с. 164.

⁴ Najita Tetsuo. Hara Kei in the Politics of Compromise // Harvard Univ. Press, 1967, p. 18.

⁵ Хара Кэйитиро (ред.) Хара Такаси никки, т. 3. // Фурукава сюппан, 1965, с. 155.

стремлений или амбиций, во мне не говорило отважное желание способствовать прогрессу, и я не испытывал каких-либо иных сильных чувств. И сейчас я всё такой же. ... Возможно, меня можно назвать холодным и бесчувственным, но я не думаю, что это так. Я не иду против тенденций времени, и я не следую им»⁶.

В рамках небольшой вступительной статьи невозможно дать полную оценку подобному парадоксальному для деятеля такого уровня отношения к политике, как и невозможно в полной мере ответить на вопрос о том, что же в таком случае двигало Саиондзи все те годы, что он находился в центре политической и государственной жизни. Отчасти Саиондзи, как он сам признаёт, руководствовался желанием новых и разнообразных ощущений, которые можно было получить, находясь в авангарде политической и общественной жизни, отчасти, вероятно, любовью к эпатажу и стремлением быть в центре всеобщего внимания, а в немалой степени и чувством долга — к его покровителям и наставникам, к стране и трону.

Но одно можно сказать с уверенностью: личность Саиондзи явно выходит за рамки привычного для нас образа «классического» политика и государственного деятеля и заслуживает самого пристального внимания. Однако, несмотря на это, ни в нашей стране, ни на Западе фигура Саиондзи практически не рассматривалась, и информация о нём давалась не более чем в контексте общего развития Японии. Возможно, опубликование отрывков из автобиографии Саиондзи сможет хотя бы отчасти восполнить этот пробел в отечественной историографии пробудить первоначальный интерес к этому незаурядному человеку.

В завершении, мне хотелось бы сказать несколько слов о том, что представляет из себя «Автобиография Саиондзи Киммоти». Стоит отметить, что источников, характеризующих деятельность и личность Саиондзи существует немало, однако подавляющее большинство из них были написаны не самим Саиондзи, а кем-либо из его современников: это и биография, написанная его коллегой по Сэйюкай Такэкоси Ёсабуро, и жизнеописание, составленное Кимура Цуёси, известным публицистом и историком, близко знакомым с Саиондзи, и дневники Хара Такаси, а также многотомные дневниковые записи личного секретаря Саиондзи — Харада Кумао.

⁶ Саиондзи Киммоти дзидэн, с. 73-74.

Однако, не отрицая значимости всех перечисленных источников, мне кажется неоспоримым, что с точки зрения изучения личности Саиондзи именно его автобиография является самым ценным материалом, поскольку в наибольшей степени отражает особенности характера и специфику мышления Саиондзи.

Большой интерес данная автобиография представляет и для изучения истории Японии в целом, поскольку Саиондзи фактически был активным участником и свидетелем целой эпохи — с конца периода правления Токугава и до начала Японией войны на Дальнем Востоке. Множество знаменательных для Японии событий относится к этому времени: и интенсивные мэйдзийские реформы, за короткое время превратившие Японию в современную, мощную мировую державу; и первый опыт строительства конституционного государства с последовавшим вслед за этим резким всплеском демократических настроений («демократия Тайсё»); и приход к власти военных, развязавших губительную многолетнюю войну.

Необходимо отметить, что автобиография Саиондзи, строго говоря, не была написана им самим. Да и вообще, изначально она задумывалась не как автобиография, а как цикл рассказов о Саиондзи. В основе «Автобиографии Саиондзи Киммоти» лежат разрозненные эссе, в которых Саиондзи повествует о некоторых этапах и событиях своей жизни, начиная с детства и заканчивая тридцатыми годами XX в. Эти рассказы-воспоминания со слов Саиондзи были записаны крупным политиком и литератором 1920–30-х гг. Коидзуми Сакутаро, занимавшим видное место в некогда руководимой Саиондзи партии Сэйюкай.

Идея написания биографической книги о Саиондзи возникла у Коидзуми ещё в 1926 г., и в течение нескольких лет после этого он посещал Саиондзи, делая подробные записи своих бесед с ним. Из-за многомесячных перерывов, вызванных как занятостью Саиондзи и Коидзуми, так и противодействием ближайшего окружения Саиондзи, эта работа заняла в общей сложности около 6 лет: последние записи были сделаны Коидзуми уже в 1933 г. Причём характер записей также несколько эволюционировал за это время. Если поначалу беседы велись в свободном стиле, без какой-либо чёткой повествовательной канвы, то постепенно Коидзуми стал придавать им форму тематических интервью, используя в качестве отправных точек для каждой

беседы главы из биографии, написанной Такэкоси Ёсабуро, и единственной работы, написанной лично Саиондзи, — «То:ан дзуйхицу» ^{7} , которая была издана в 1903 г.

В общей сложности автобиография насчитывает 10 глав. Впрочем, какой-либо чёткой внутренней структуры ни эти главы, ни автобиография в целом не имеют. Саиондзи очень вольно переходит от темы к теме, перемежая воспоминания о событиях своими рассуждениями на самые разные темы — от политики до искусства. При этом Саиондзи не задерживается дольше одного-двух абзацев ни на одном событии. И, что любопытно, Саиондзи явно склонен большее внимание уделять всевозможным светским курьёзам и околополитическим происшествиям, нежели останавливаться собственно на важных, рубежных политических событиях.

Но в этой-то беспорядочности и вольности повествования, на мой взгляд, и заключается главное достоинство данной книги. Дело в том, что любая биография ставит перед собой определённую цель и, что называется, «подгоняет» образ деятеля под свою концепцию. Если мы возьмём для примера книгу, написанную Такэкоси Ёсабуро, то увидим, что в ней абсолютно чётко прослеживается желание автора возвеличить своего выдающегося предшественника.

В этих же автобиографических рассказах, абсолютно свободных как по стилю, так и по содержанию, Саиондзи действительно предстаёт перед нами таким, каким он был в действительности. В беседах с Коидзуми, не будучи ограниченным никакими рамками, никакими «законами жанра», он в полной мере даёт волю и своему юмору, и свободомыслию, а также очень живо и хлёстко характеризует ведущих деятелей того периода.

Долгое время эти записи рассказов-воспоминаний Саиондзи, озаглавленные Коидзуми «Дзуйхицу Саиондзи ко:» («Записывая за князем Саиондзи»), так и оставались в личном архиве Коидзуми, и как книга были изданы уже после смерти Саиондзи. В 1949 г., в связи со 100-летия со дня рождения Саиондзи, записи были собраны воедино, систематизированы, разбиты по хронологическому и тематическому принципу на главы и опубли-

 $^{^7}$ То:
ан — псевдоним Саиондзи, поэтому название книги можно перевести как «Записи То:
ан».

кованы Кимура Цуёси, который и является редактором «Автобиографии Саиондзи Киммоти». Таким образом, можно сказать, что эта «автобиография» — плод усилий сразу трёх людей: непосредственно Саиондзи, а также Коидзуми и Кимура.

Наличие соавторства можно заметить и в тексте автобиографии, который изобилует вопросами, уточнениями и замечаниями как со стороны Коидзуми, так и Кимура. Сразу отмечу, что при переводе я постарался передать текст таким, каким он выглядел в японском издании, поэтому все ремарки автора и редактора, как правило, выделенные круглыми скобкам, оставлены в тексте без изменений. Те же комментарии, которые мне показалось целесообразным дать самому, я вынес за пределы исходного текста и привёл их в конце перевода.

В настоящей публикации представлен перевод пяти глав «Автобиографии Саиондзи Киммоти» — «Воспоминания о заслуженных деятелях Реставрации», «Газета "Тоё дзию"», «Период Сэйюкай», «Характеристика деятелей середины эпохи Мэйдзи» и «Став гэнро», в которых рассказывается о наиболее значимых и интересных этапах политической и государственной карьеры Саиондзи, а также о его отношениях с самыми влиятельными и заметными людьми той эпохи.

Воспоминания о заслуженных деятелях Реставрации

-1-

Когда я вернулся из Этиго¹, то недолгое время перед тем, как поселиться в неком подобии общежития при Кайсэйдзё² (предшественник Токийского университета), я жил в гостинице Накамураро. Недалеко от Накамураро, на другом берегу реки находился трактир под названием «Аояги», куда заходил повеселиться Кидо³. Я тоже иногда ходил туда развлечься. Таверна Омурая потом стала преуспевать, и её тыльная часть была расширена, но в то время, когда туда ходил веселиться я, это было маленькое заведение, считавшееся второсортным даже по меркам Симбаси.

Я ходил развлекаться в разные места: Накамураро, Омурая, Хисагоя и другие.

Мой фамильный герб представляет из себя левообращённый $momos^4$; он изображён на повозке из одного стихотворения в

хякунин иссю⁵. Однажды я подарил кимоно с гербом-томоэ гэйшам из Янагибаси, и одна из них особенно радовалась этому подарку. Когда я спросил её о причинах веселья, она ответила, что у неё есть два покровителя, и у обоих гербы в виде томоэ, так что с помощью этого кимоно она сможет радовать обоих. «Ого, вот это да! Ну что ж, тогда и я счастлив сверх ожидания», — ответил я и от души рассмеялся.

После того, как я вернулся из Этиго, я поступил в Кайсэйдзё в Токио — это предшественник Токийского университета, помните? — где стал учиться французскому языку. В то время начальником Кайсэйдзё был Ёдоб из Тоса, мой родственник, а заместителем начальника — Акидзуки Танэтацу⁷, крупный китаевед и талантливый поэт. Во время моей учёбы в Кайсэйдзё произошёл очень смешной случай! Однажды гэйши из Янагибаси подарили мне холодных закусок из рыбы, и я отправил их в Кайсэйдзё, думая угостить других студентов, однако из посудины, в которой эти закуски лежали, выпало коллективное письмо, подписанное примерно десятью гэйшами, что вызвало среди учащихся горячие споры, и некоторые были настолько возмущены, что даже советовали мне сделать сэппуку⁸. Всё это было очень забавно.

Может быть, они считали меня добропорядочным учеником? Хотя на самом деле я был испорченным юношей, и в то время, когда я поступал в Кайсэйдзё, я был нарасхват! Омура Масудзиро⁹ также открыл в Иокогаме собственную школу и, похоже, желал меня в ней видеть, впрочем, он очень быстро изменил своё мнение и согласился на моё поступление в Кайсэйдзё, сказав: «Вам будет лучше изучать юриспруденцию, нежели становиться военным».

После возвращения из Этиго я однажды обратился с просьбой к правительству, где в то время там работал человек по имени Огимати Сандзё¹⁰. Кидо, конечно, там тоже был, но Огимати был придворным, к тому же мы с ним давно дружили, и он был очень знающим человеком, поэтому я попросил его дать мне переводы каких-либо интересных западных книг, если у него есть. Однако на это он мне сказал, что ровным счётом ничего не знает о таких вещах, хотя вы понимаете, что он вовсе не был настолько несведущим. Услышав наш разговор, Кидо сказал: «Я помогу вам», — и практически сразу же послал мне много разных книг.

Выдающихся и по-настоящему хороших книг там не было, но книг было довольно много. Кидо я знал и раньше, но это было не более чем знакомство, и близкими приятелями мы не были, однако после этого случая у нас с ним завязалась тесная дружба. В то время я обитал в Накамураро, и многие осуждали меня за это, а некоторые советовали мне найти за 500 или 1000 иен приличную старинную усадьбу, но Кидо выручил меня и отмёл всю критику, сказав, что Саиондзи-сан не престало селиться в старых помещениях, так что пусть он лучше продолжает свободно жить в Накамураро.

-2-

Возможно, Кидо возлагал на меня какие-то надежды, поскольку он часто меня хвалил, и даже написал обо мне письмо Ивакура¹¹. По словам Омура, Кидо был талантлив, но, к сожалению, очень ревнив. А Кидо в свою очередь, оценивая Омура, говорил, что он трудолюбив, но, к сожалению, не понимает общей ситуации. Мне кажется, что и тот, и другой были в какой-то степени правы.

Кидо был лёгким в общении и жизнерадостным, как студент, и у студентов он пользовался большой популярностью. Он интересовался литературой, иной раз он приглашал к себе Окухара Сэйко¹² либо кого-то ещё, и вместе они занимались стихосложением и рисованием. Кидо был довольно большим дэнди, а также он был очень добрым и отзывчивым человеком. К сожалению, период нашего общения был непродолжительным, и работать вместе нам также не приходилось, поэтому я не могу сказать, что знал его хорошо.

Омура Масудзиро же я знал близко, и даже обучался под его руководством военной науке. Когда я сообщил Омура о своём намерении поехать в Европу, то он поинтересовался — куда именно. Это было перед франко-прусской войной, и французская армия пользовалась большой славой во всём мире, в том числе и в Японии, поэтому Омура сделал поспешное предположение, что я собираюсь стать военным. «Откажитесь от этой мысли, вы совсем не подходите для военного», — предостерёг он меня. Когда же я сказал ему, что и сам никогда не желал становиться военным, а во Францию собираюсь поехать главным образом для изучения французской юридической системы, по-

скольку Франция является центром европейской цивилизации и, как я слышал, имеет развитую юридическую систему, то он всецело меня поддержал.

Возвращаюсь к предыдущей теме. Когда в районе Этиго осложнилась боевая обстановка, туда в качестве подкрепления было решено направить придворного по имени Сидзё (Такаута)¹³. Он обратился к Омура с просьбой несколько увеличить его малочисленный отряд, но Омура ответил ему с холодной усмешкой: «Если вы так боитесь, то можете никуда не ехать». Потом Сидзё сказал мне следующее: «Этот Омура просто мерзавец! Я был так взбешён, что хотел двинуть ему как следует!»

Хотя он иногда иронизировал подобным образом, за что порой его даже ненавидили, по своей натуре он был добрый человек, и даже когда приказывал что-то, то всегда самым подробным образом разъяснял свои распоряжения. Был, например, ещё такой случай. Когда княжество Тёсю подверглось нападению 14, то Омура получил командование на одном из направлений, однако один человек попытался его побудить к более активным действиям, говоря, что не дело находиться всё время в безопасном месте вдали от фронта. Омура же ответил ему на это: «Ничего подобного, таковы армейские правила», — и не стал менять своей дислокации. Уже потом тот человек передал мне этот разговор, назвав Омура хвастуном.

Сайго¹⁵ очень нервничал по поводу боевой обстановки в Этиго, и даже заявил, что сам собирается отправиться туда с подкреплением, на что Омура ему заметил: «Этого делать не нужно: к тому времени, как вы туда доберётесь, ситуация нормализуется». Сайго, тем не менее, не прислушался к Омура и направился в Этиго, однако, как Омура и говорил, всё к тому моменту там действительно уже успокоилось, так что Сайго вернулся ни с чем. Это, впрочем, не более, чем одна из сплетен того времени, лично я об этом происшествии толком ничего не слышал.

В любом случае Омура был человеком, прекрасно осведомлённым в военных делах и умеющим решать большие задачи.

В то время, когда я находился Киото, готовясь к поездке в Европу, Омура также приехал в древнюю столицу и остановился в Киямати¹⁶. И когда я вечером подумывал о том, чтобы пойти навестить его, ко мне пришёл Мадэнокодзи¹⁷ и позвал гулять с

собой, сказав: «Ну, Омура можно и завтра навестить, пойдём сейчас лучше выпьем где-нибудь!» В тот же вечер на Омура было совершено покушение, он был тяжело ранен¹⁸.

От Сэйсон, приёмного сына Хиросэ Тансо, я слышал, что в то время, когда Омура был главой школы Тансо¹⁹, он сделал резкий выговор ученикам, когда те начали беспорядочно скидывать обувь.

Когда-то Омура написал: «Наказание должно быть быстрым, а награда всегда может подождать». Возможно такой подход также навлёк на него нелюбовь и привёл к этой трагедии. Это был человек, хорошо разбирающийся в военной науке, и талантливый реформатор.

Про Ивакура говорили, что он хитрец и коварный человек, так что одно время репутация у него была не очень хорошая, к тому же мы с ним были разного возраста, поэтому каких-либо контактов между нами было мало, и мы впервые познакомились после того, как я стал санъё²⁰ и мог присутствовать вместе с ним на заседаниях правительства. Познакомившись с ним, я увидел, что он весьма надёжный человек, совсем не такой, как о нём говорят. Хотя я и сказал, что мы с ним вместе присутствовали на правительственных заседаниях, но на самом деле у нас была большая разница в возрасте, и знакомство наше длилось не долго, поэтому его истинный характер мне так и не удалось узнать.

-3-

С Окубо²¹ я лично познакомился при следующих обстоятельствах. Однажды моему знакомому из Сацума было приказано оставить государственную службу и возвращаться к себе на родину, однако сам он не хотел возвращаться, поэтому я решил помочь ему и отправился просить за него к Окубо. Когда я пришёл к нему, то Окубо, несмотря на то, что я был гораздо младше его, да и сам вопрос был малозначительным, очень чётко и подробно объяснил мне, почему того человека нужно отправить обратно. На меня очень сильное впечатление произвела его спокойная реакция; к сожалению, после этого случая напрямую встречаться с ним мне больше не приходилось. Я думаю, что он был самой значительной фигурой в правительстве Мэйдзи, хотя это всего лишь моё собственное мнение, основанное на том, что я слышал от Ито²² (Хиробуми), а также на результатах работы Окубо.

Если бы Сайго не удалился тогда в Сацума, а остался работать вместе с Окубо, то мне кажется, что мэйдзийскому правительству удалось бы добиться гораздо большего — я даже не могу сказать, насколько это повредило успешной работе. (Ремарка на полях: «Похоже, что князь Саиондзи весьма сожалеют о разрыве между Сайго и Окубо и часто изволят говорить об этом»). Я очень уважаю Окубо за то, как умело он разрешил многочисленные трудности на начальном этапе существования правительства: после того, как Сайго вернулся в Сацума, он один остался у руля правительства и собрал вокруг себя таких деятелей, как Курода²³ и Мацуката²⁴, а также других выходцев из Сацума, и даже привлёк к работе младшего брата Сайго — Цугумити²⁵.

С Сайго у нас были разные жизненные пути — я его никогда не видел, и мы ни разу даже не встречались. Однако что бы о нём ни говорили, Сайго (Такамори) был самой крупной личностью среди всех государственных деятелей из Сацума. Он заставил самого Ито (Хиробуми) подчиняться себе: ему несомненно было пресуще определённое величие.

Однажды император Мэйдзи рассказали мне о следующем случае. Когда император Мэйдзи упали с лошади и сказали, что им больно, то стоявший рядом Сайго ответил Его Величеству: «Что бы ни случалось, Вы никогда не должны жаловаться и говорить, что вам больно». Поскольку Его Величество были тогда совсем молоды, возможно, они так и не смогли до конца понять, каким человеком был Сайго, но то, что они чувствовали огромный авторитет и достоинство Сайго, не вызывает сомнения.

Если пытаться описать то время, то оно было полно всевозможных дел и трудностей — необходимо было и выстраивать гармоничные отношения между Сацума и Тёсю, и налаживать контакты с другими влиятельными крупными княжествами. Что же касается придворной знати, то даже те из них, кого называли весьма трудоспособными, были не в состоянии решить и довести до конца и одного-единственного вопроса. Это было сборище безвольных и беспомощных людей. Ивакура же можно назвать великой личностью: работая в таком окружении, он проявлял колоссальную энергию и одновременно брался за все дела сразу. Уже со времени битвы при Тоба-Фусими²⁶ Ивакура отличался поразительной решительностью.

Я думаю, что Сандзё²⁷ был по статусу выше Ивакура главным образом из-за более знатного и древнего происхождения своего рода. Похоже, что Ивакура нарочно ставил Сандзё выше себя, стремясь наладить хорошие отношения с императорским родом. Конечно же, Сандзё сам отнюдь не был посредственным человеком. Его, правда, осуждали за нерешительность, но это было во время Совета в Малом Императорском дворце²⁸. Когда было предложено пригласить укрывшегося в Осака Ёсинобу²⁹ войти в состав Дворцового Совета, то Ивакура сказал, что если Ёсинобу станет таким же гидзё, как и они сами, то надежды на единство не останется - я думаю, он очень сильно переживал из-за такого поворота событий. Однако Сандзё был спокоен и с величественной уверенностью сказал: «Нам не следует бояться Ёсинобу, у нас вполне хватит сил держать его под контролем». Я тоже был на том заседании и был восхищён его самообладанием и хладнокровием, поняв, что этот человек достоин уважения. После Реставрации он преданно служил императорскому роду, и свойственное Сандзё нравственное благородство делало его выше остальных людей.

-4-

После Реставрации Ивакура постепенно приобретал всё больший вес, и можно сказать, что первые проекты нового правительства были успешно реализованы в певую очередь благодаря совместной работе Ивакура и Окубо.

Ивакура также пользовался большим доверием со стороны императора. Однажды — хотя это, наверно, дворцовая тайна — Его Величество проявили повышенный интерес к новой фрейлине. Когда же это обнаружилось, то императрица были очень рассержены и, если говорить по-простому, между ними произошла семейная ссора. Тогда для примерения обеих сторон был вызван именно Ивакура, и к большому счастью, этот конфликт был улажен. По этому случаю была устроена вечеринка, и Ивакура как следует выпил. И по возвращении оттуда — так говорят, вы понимаете? — на него напали убийцы. Ивакура был атакован на улице Идзака в Акасака и, получив ранение, выпал из кареты и скатился в ров. Нападавшие решили, что Ивакура убит и скрылись, так что можно сказать, что Ивакура чудом избежал неминуемой гибели (7-й год Мэйдзи)30. Это проишест-

вие, правда, случилось в моё отсутствие, пока я был в Европе, так что лично мне о нём ничего не известно — я узнал обо всём этом от людей только по возвращении.

Спустя примерно год после того, как я приехал во Францию, Ивакура с делегацией также прибыли туда с целью пересмотра договоров³¹, так что смогли увидеться спустя долгое время, однако, насколько я помню, ни о чём серьёзном мы с ним тогда не беседовали. Когда я во второй раз отправлялся в Европу (в 15 г. Мэйдзи с целью изучения европейских конституций) в составе делегации Ито, то Ивакура по-дружески меня проводил до Иокогамы и попросил позаботиться о его сыне Томосада³² (в последствии ставшем министром двора). Уже много лет спустя Томосада мне однажды сказал: «Мой отец был очень высокомерный человек и редко провожал кого бы то ни было, даже не знаю, каким ветром его тогда в Иокогаму занесло и почему он тебе обо мне без умолку твердил?» «Действительно. Ведь это была наша с ним последняя встреча, так что может это ему внутренний голос шепнул о скорой смерти?» — ответил я.

Газета «Тоё дзию»³³

-1-

Когда я вернулся из Франции (март 13-го года Мэйдзи), дела в Японии действительно обстояли из рук вон плохо. Однажды я по какому-то делу зашёл к старому знакомому, который являлся председателем Банка Аристократии³⁴ (15-го Банка³⁵), и вручил свою визитную карточку человеку в приёмной, человек же этот, получив её, окликнул своего товарища и спросил: «Эй, а сколько ещё штук там у шефа сидит?» «Да ещё штуки 4-5 осталось,» — ответили ему. «Да? Ну тогда отнеси-ка вот эту визитку,» — сказал он. Я был просто шокирован подобным обращением с посетителями. Я правда был поражён. Даже не знаю, как это назвать, грубостью или ещё как-то. На мой взгляд, это просто кошмар.

Вот ещё один случай. Пришёл ко мне бондза из какого-то храма с просьбой о пожертвовании и сказал, что, мол, деньги вы можете и не давать, но только напишите, пожалуйста, ваше имя и укажите сумму — 5 или 10 тысяч иен. «Ты же священнослужитель, и ты просишь меня, чтобы я вписал в твою книгу деньги, которых я не давал?! Ты что, собираешься потом использовать

это для мошенничества? Ах ты бессовестный!» — обругал его я, и бондза этот в испуге поспешно ретировался.

Я доглго жил за границей и не привык к подобному, так что я был и удивлён, и раздражён, но как я понимаю сейчас, это были самые обычные в обществе ситуации. Однако тогда я всей душой чувствовал, что с таким положением в обществе и с таким настроением среди людей у Японии не будет будущего.

В такое вот время я и приступил к изданию газеты «Tôë дзию». Насколько я знаю, в обществе существуют различные толки на этот счёт, но по-моему, всё было гораздо проще. Когда я вернулся из Европы, то некоторые мне советовали стать государственным служащим, а некоторые говорили, что будет лучше, наоборот, не поступать на государственную службу. Когда же я всё-таки решил пойти на государственную службу, то не знал, возьмут меня или нет, и поэтому спокойно отдыхал и веселися в своё удовольствие. Тогда-то ко мне и пришёл Мацуда Масахиса (министр юстиции в будущем кабинете Саиондзи)³⁶ — кстати говоря, когда я был во Франции, то он, приехав туда после меня, сказал, что хочет попасть в тот же университет, что и я, поэтому я ему в этом немного помог. Ну и плохая же у него память была! Так вот, он пришёл ко мне и говорит: «Я решил основать газету, и прошу тебя стать её президентом». Я ему ответил, что президентом-то стать это хорошо, но я не привык к ежедневной серьёзной работе. Однако он настойчиво убеждал меня, говоря, что я, мол, прекрасно это понимаю, но если ты выразишь желание стать президентом газеты, то её будет лечге основать. «Ну что ж, раз я всё равно бездельничаю да развлекаюсь, то можно и попробовать, но поскольку одному мне будет тяжело, то прихвачу-ка я, пожалуй, Накаэ³⁷». — «Это тоже годится. Рассчитываю на тебя. Только учти: он очень непостоянный...» — «Но ведь речь идёт о его любимой литературной работе, так что вряд ли он бросит её». Вот такая между нами состоялась беседа.

После этого я посоветовался с Накаэ, и он сказал: «Если платить будут, то я готов стараться изо всех сил». Конечно, он полушутя так сказал! Впрочем, когда мы в конце-концов приступили к работе, то денег мы не получили никаких вовсе. Говорилось, что эта газета была создана по инициативе Накаэ и Мацуда, но на самом деле это не так. Что побудило Мацуда основать газету, я не знаю, но с этой идей ко мне пришёл именно

Мацуда, а Наказ к газете привлёк уже я. Итак, когда мы, наконец, начали издание газеты, то Накаэ стал стержнем писательской деятельности, писал для газеты также Касивада Морибуми³⁸. Мацуда же не писал совсем, поскольку литературная работа ему давалась плохо. Насколько я помню, для первого номера я также написал поздравительное слово и редакционную статью. Принимаясь писать, я полагал, что это совсем несложное занятие, однако быстро обнаружил, что кисть двигается отнюдь не так проворно, как я рассчитывал. Я упорно и мучительно работал, стремясь написать довольно большую статью, и был поражён тем, что после напечатания она оказалась крайне незначительной по объёму. Тогда я впервые осознал, что журналистом тоже быть непросто. Подкреплением мне тогда был один человек, который в то время, кажется, служил в военном министерстве: по моей просьбе он тайком писал для газеты. Я забыл его имя. Он был учеником Хиросэ Сэйсон из школы Тансо, у которого мне также в молодые годы доводилось учиться китаистике и который редактировал мои стихи. Хиросэ Сэйсон был неплохим учёным, хотя стихи он писал неважные (Ремарка Коидзуми: «Слово «тайком» не означает, что Саиондзи втихомолку выдавал сочинения этого человека за свои. Смысл заключается в том, что этот человек, будучи сотрудником Военного министерства, не имел возможности писать открыто и для газеты статьи писал по секрету, так как его об этом просил Саиондзи).

Моё участие в газете не означало, что я ревностно отстаивал народные права или же что я чувствовал сильную приверженность к газетному делу. Это было для меня скорее развлечением, не более чем возможность получить немного удовольствия. После начала издания, тем не менее, газета полчила неожиданно высокие отзывы, и, насколько я слышал, на меня даже делали тайные доносы, сильно преувеличенные и совершенно нелепые, где утверждали, будто я связался с партией народных прав³⁹ и замышляю мятеж с целью свержения правительства. Таким образом в обществе начались неприятные пересуды. Тогда я из отчасти из упрямства и самолюбия, а отчасти ради забавы начал нарочно говорить и делать то, что не нравилось сторонникам правительства. Это вызвало большой резонанс, поползли разные слухи, вдобавок это также переполошило правительство, и в конечном счёте меня вызвали в министерство двора.

Министр двора в то время был Токудайдзи⁴⁰, мой старший брат, отднако вызвал меня не он, а заместитель министра — Хидзиката Хисамото⁴¹. Этот Хидзиката велел мне явиться к нему, и когда я пришёл и встретился с ним, заявил мне: «Уйди с поста президента газеты, на то есть тайное волеизъявление императора», после чего он передал мне что-то вроде памятной записки, содержащей императорское волеизъявление. Поскольку тайное распоряжение императора не подразумевает возражений, то я подчинился и, взяв эту памятную записку, удалился. Позже я слышал от Иноуэ Каору⁴², что Хидзиката считал меня буяном и поэтому, когда передавал мне императорскую волю, очень волновался, не начну ли я спорить, однако, как сам Хидзиката сказал Иноуэ, я уступил неожиданно легко и, поболтав около часа о том, о сём, удалился, так что он успокоился.

-2-

Итак, хотя я тогда был вынужден подчиниться и удалиться, в душе я никак не мог успокоиться, поэтому я составил на втором этаже Омурая обращение к Его Высотчеству императору и отправил его на имя Сандзё. Хотя императорская воля и была мне передана Хидзиката в виде памятной записки, что там точно говорилось, я не помню.

Моё обращение к императору обнаружил Такэкоси (Санса)⁴³ после того, как он был привлечён к административной работе министерства двора, и он сказал мне, что оно каким-то образом оказалось в архиве Арисугава-но Мия⁴⁴. Я думаю, что император показал моё обращение Арисугава-но Мия, желая, вероятно, чтобы тот мне что-либо мне сказал в ответ на него, однако со стороны императора на моё обращение никакой реакции не последовало. И хотя потом я часто получал у императора аудиенции, его мнение на этот счёт так и осталось загадкой.

(Слова Коидзуми: «Далее приведён текст обащения Саиондзи к императору»).

Его Святейшему и Августейшему Императорскому Величеству

Недавно по взаимному недоразумению несколько оппозиционных деятелей обратились ко мне с почтительной просьбой стать президентом газеты, и таким образом, нами была основана газета, названная «Тоё дзию симбун», о чём уже много го-

ворилось в обществе. Ваш покорный слуга стремился с помощью этого незначительного начинания принести пользу государству, однако мною было получено Ваше тайное волеизъявление с требованием оставить пост президента газеты. Я глубоко сожалею о том, что причинил Вам беспокойство. В данной ситуации, на мой взгляд, не может быть никаких возражений относительно того, чтобы незамедлительно последовать Вашему распоряжению. Тем не менее, я осмеливаюсь думать, что Ваше Высотчество могут неверно понимать суть этого дела. Если я в самом деле делаю что-либо не так, то я готов всем принести свои извинения и покорно принять Вашу святую волю. Однако при тщательном размышлении над Вашим тайным повелением мне показалось, что оно допускает двоякое толкование. Говорится, что занятие журналистикой не подобает аристократии, а рассуждения о свободе приводят к ожесточению людских сердец и вредят государственной политике. Ваш покорный слуга осмеливается думать, что это совсем не так, поскольку с тех самых пор, как наше государство начало отношения с западными странами, мы переняли у них духовные и материальные ценности. И раз мы переняли основы западной духовной и материальной культуры, то почему мы не должны также следовать их примеру в области свободы слова? В течение нескольких последних лет по всей стране всё больше и больше мыслящих людей активно выступает с рассуждениями о свободе. Это полностью соответствует логике общественных процессов. Если Ваше Величество считает, что рассуждения о свободе в самом деле вредят делам государства, то почему тогда в своё время был издан императорский рескрипт с обещанием ввести конституционную систему45? К сожалению, среди поборников свободы неизбежно будут и те, кто, не понимая подлинного смысла свободы, пойдут неправильной дорогой. Это является предметом горькой скорби и тяжких размышлений для тех, кому ясна истинная суть свободы. Но если мы уже принли решение о введении конституционной системы и переняли принципы свободы, то должно учить и воспитывать таких людей и наставлять их на верный путь. Сейчас не следует, используя власть, исключать их из общественной жизни. На мой взгляд, в настоящее время невозможно полностью осознать ту роль, которую журналистика играет в изменении народных настроений и в формировании

общественного сознания. Если мы желаем учить и воспитывать радивалов и тем самым помочь им встать на истинный путь, то необходимо прекратить попытки их силового исключения из общественной жизни. Мы, аристократия, не должны оставаться в стороне и безучастно наблюдать за подобными процессами. Ваше Величество всё ещё считает, что журналистика вредит государственным делам? Почему к голосу аристократии не прислушиваются, а в расчёт берутся мнения лишь двух слоёв общества — военного сословия⁴⁶ и простого народа? Тогда и эти сословия надо лишить права выражать мысли. Однако ведь подобной ситуации даже невозможно вообразить. Я боюсь, что Вашему покорному слуге не удалось в данном обращении полностью выразить своё скромное мнение. Я очень прошу Ваше Величество найти немного времени среди Ваших многочисленных дел и в один из дней предоставить мне аудиенцию для того, чтобы выслушать мою позицию и позволить мне в полной мере выразить свои взгляды. Я осмелился подать Вашему Величеству это прощение после получения Вашего сурового распоряжения. Это непростительный проступок с моей стороны. Я смиренно ожидаю Вашего наказания и нижайше кланяюсь Вам в надежде, что Ваше Величество прислушается к моим словам.

30 марта 14 года Мэйдзи

Хотя я в своём обращении использовал фразы из «Сочинений восьми мудрецов»⁴⁷ и других классических китайских текстов, по стилю оно абсолютно не соответствует камбун. Все эти разговоры о том, что это мощное литературное сочинение, — полная ерунда (Саиондзи употребил выражение «мощное литературное сочинение», поскольку оно часто используется в его биографии и попалось ему на глаза).

Вопрос Коидзуми:

«Кроме вас, никто не смог бы обратиться к императору со словами "Прошу Ваше Величество предоставить мне аудиенцию в свободное от Ваших многочисленных дел время, с тем чтобы я лично мог изложить Вашему величеству свои соображения". Вероятно, подобная просьба была для вас естественной с учётом вашего происхождения, а также ваших близких отношений с императором ещё с молодых лет».

Нет, подобные вещи не были редкостью. Часто бывало, что я просто приходил справиться о самочувствии Его Величества, а они подзывали меня: «Подойди-ка на минутку», — и мы непринуждённо беседовали.

После того же, как я покинул газету, Мацуда написал извещение от имени редакции, а Мацудзава⁴⁸ даже распространил обращение к единомышленникам, так что это дело наделало много шума.

(Написанное Мацудзава обращение приводится ниже)

Милостивые государи! Президент газеты «Тоё дзию симбун», г-н Саиондзи Киммоти вчера, 8-го числа был вызван в Министерство двора, где ему совершенно неожиданно министром двора было передано императорское распоряжение уйти из «Тоё дзию симбун», и поскольку противиться приказу императора невозможно, г-н Саиондзи в конце-концов был вынужден в тот же день уйти с поста президента газеты. Тогда же Токудайдзи предостерёг г-на Саиондзи, чтобы тот не показывал эту бумагу никому, даже сотрудникам газеты, поскольку в ней на самом деле содержалось волеизъявление императора. Это действительно очень тёмное дело. Адресат данного распоряжения был выбран не случайно. Когда прошлой зимой основатель данной газеты достиг договорённости с г-ном Саиондзи, то как его родственники, так и аристократия попытались убедить его покинуть газету и предлагали ему высшие государственные должности. Тем не менее, он не прислушался к подобным речам, отвергнув все предложения, и непреклонно следовал данному им обещанию. Однако некоторое время назад правый министр Ивакура, увидев объявление об издании газеты, направил к г-ну Саиондзи человека, чтобы убедить того оставить «Тôë дзию симбун». На это он ответил пришедшему советчику: «Правый министр вмешивается в мою судьбу, хотя мы с ним даже не знакомы. Это просто недопустимо! И если я покину свою должность, то покинет ли правый министр свою?» Услышав это, тот советчик осознал, что убедить г-на Саиондзи невозможно, поэтому он ушёл и больше не возвращался. (Сокращено) Г-н Саиондзи в тайне обратился к правительству и высмеял низость их замыслов, дав аргументированный отпор их подлым поползновениям. После этого он направил петицию императору, в

которой подробно изложил свой взгляд на данную проблему, написав, что он, верноподданный Киммоти, занимается журналистикой с целью исправить представления о либерализме, предотвратить презрительное отношение со стороны зарубежных стран, способстовать просвещению народа и, в конечном счёте, обеспечить вечное существование Японской империи. Вероятно, г-н Саиондзи решил с помощью данного обращения донести до императора свою позицию и переубедить его. Однако на обращение никакой реакции или ответа не последовало, а второго числа Сандзё вызвал г-на Саиондзи. Стоило же г-ну Саиондзи придти к нему, как ему было сказано: «Уходи, оставь газету!» И в то же время он настойчиво советовал г-ну Саиондзи стать чиновником. Эти слова возмутили г-на Саиондзи, и он ушёл, вежливо отклонив подобные предложения. Впрочем, некоторое время после этого его не беспокоили, и г-н Саиондзи даже начал думать, что они отказались от своих планов. Однако восьмого числа его вызвали в министерство двора. Г-н Саиондзи рассчитывал, что в тот день ему точно удастся получить аудиенцию у императора, но в министерстве ему совершенно неожиданно вернули его обращение, а в добавок к этому министр двора лично вручил ему новое распоряжение. В нём г-н Саиондзи прочёл следующее:

«Некоторое время назад, во время образования газеты "Тоё дзию симбун", вы заняли должность её президента. Император считает, что вам следует уйти из газеты, и я, Санэнори, сообщаю вам об этой воле императора.

Министр двора Токудайдзи Санэнори Его Превосходительству Саиондзи Киммоти, полный третий ранг».

Ознакомившись с этим распоряжением, г-н Саиондзи сильно возмутился, сказав, что в этом мире люди должны идти тем путём, который им по душе, и работать там, где считают нужным, это та свобода, которая дарована им небом. (Сокращено) Хотя сейчас под статьями в газете не стоит его имени, ни одна из этих статей и мыслей не противоречит его собственным взглядам. Можете даже не сомневаться в том, что всё это — в его сердце, всё это — его слова. Несмотря на то, что после этого случая на него свалилось много трудностей, я верю, что благодаря своей железной воле он не сломается под их тяжестью. Товарищи, пусть растёт наше негодование, пусть крепнет наша

воля, направим наши силы на то, чтобы мнокократно усилить нашу Дзиюто⁴⁹! Со своей стороны я обещаю, что также не ослаблю своих усилий, не продам свою веру в справедливость ради сиюминутных выгод и не изменю своих убеждений. Возможно, ещё придёт то время, когда мы с вами будем любоваться цветами свободы и наслаждаться её сиянием. И хотя я не могу сказать точно, когда придёт это время, я верю, что оно не за горами. Будем же стараться привнести счастье в государство и свою жизнь!

Искренне ваш, Мацуда Кюсаку

Несмотря на то, что я являюсь одним из основателей газеты, данное обращение выражает только моё личное мнение и мою давнюю привязанность к г-ну Саиондзи. Прошу не рассматривать это обращение как позицию редакции.

В то время Иноуэ Коваси⁵⁰ занимал должность, кажется, секретаря кабинета; установить, что именно это была за должность, труда не составит, однако сейчас не имеет смысла этим заниматься. Похоже, что Иноуэ также кто-то попросил выразить своё мнение по этому вопросу, и совсем недавно из архива в Осака я получил проект докладной записки, составленной собственноручно Иноуэ.

(Далее следует текст данной докладной записки).

Ниже приводится моё скромное мнение.

(Ключевым моментом в данной проблеме является наличие императорского распоряжения, правильность которой не обсуждается ни при каких обстоятельствах).

Г-ном Саиондзи было получено императорское распоряжение, и если правда то, что он, как говорится в обращении Мацуда⁵¹, «оставив газету, продолжает сердцем находится с нею и учавствует в ней с возросшим усердием», то г-на Саиондзи следует признать виновным в неповиновении.

Если же утверждение о том, что г-н Саиондзи после ухода из газеты учавствует в ней с возросшим усердием, является ложным, то в таком случае Мацуда следует подвергнуть наказанию за неподобающее поведение (впрочем, к этой мере можно не пребегать, если Мацуда незамедлительно выступит с исчерпывающим опровержением). Перечисление же неточностей в пе-

редаче диалогов и прочих второстепенных ошибок, допущенных в данном обращении, превращается, по сути, в личные оправдания министра двора, что приводит к игнорированию ключевого момента данной проблемы.

Несмотря на то, что данное распоряжение было отдано лично императором, в странах с конституционной монархией является обязательным следовать, в соответствии с действующим на данный момент законодательством, тем приказам, которые передаются через министра двора.

В случае неподчинения императорскому распоряжению ответственность за неспособность добиться чёткого исполнения оного должен нести министр двора.

Хотя существует точка зрения, что Саиондзи, не взирая на его сочувствие газете, по закону нельзя привлечь к ответственности, так как в действительности он газету покинул, слова о его «возросшем усердии» свидетельствует о том, что на самом деле он не разорвал своих отношений с газетой, и если кто-либо выдвинет против Саиондзи обвинение за его «возросшее усердие», то не исключено, что данным вопросом придётся заняться прокуратуре. Что касается самого обращения, то поскольку оно уже написано и распространено, то существует и предлог для выдвижения обвинения.

Такэкоси назвал эту докладную записку безжалостным сочинением старого чинуши, а самого Иноуэ охарактеризовал как жестокого бюрократа (в работе г-на Такэкоси «То̂анко̂»52), и заявление о том, что «если Саиондзи, покинув газету, продолжает ей сочувствствовать, то его следует обвинить в неповиновении, а если же это не соответствует действиетльности, то Мацуда виновен в неподобающем поведении», было действительно сделано в сторогом соответствии с буквой закона. Однако в нём также подразумевается, что если Мацуда выступит с опровержением, то с него можно будет снять обвинения, и если не будет доказано, что Саиондзи, вне зависимости от его истинных чувств, после ухода из газеты участвует в ней с возросшим рвением, то его можно не привлекать к ответственности, поэтому данную докладную записку можно также трактовать как попытку бесконфликтного выхода из положения в соответствии с правовыми нормами. Совсем не обязательно называть такой

подход юридической жестокостью, скорее, мы имеем дело с политической позицией, демонстрирующей золотую серидину между снисхождением и суровостью. (Не ясно, является ли этот абзац словами Саиондзи или же Сансин⁵³ вписал его в качестве собственного мнения).

Видимо, Такэкоси не любил Иноуэ (Коваси), он сурово критиковал его (в «То̂анко̂»). Тем не менее, Иноуэ также относился к числу моих знакомых, а позднее между нами даже возникла дружба, и я часто обращался к нему за советами в юридических вопросах. Иноуэ же родом из Хиго⁵⁴, да? Он был очень чёткий человек! Кстати, ещё один человек, Такэдзоэ Синъити⁵⁵ ведь тоже, насколько я помню, был из Хиго. Это был весьма эрудированный человек, обладавший к тому же поэтическим талантом. Из Хиго вообще вышло много выдающихся людей, согласны?

Позже я прослышал о том, что Мацудзава этот впал в нищету, и я попросил Токийского губернатора Мацуда — был ведь такоей человек, да? (речь идёт о Мацуда Митиюки⁵⁶) — оказать ему помощь, и то ли на Хатидзёдзима⁵⁷, то ли на ещё каком-то острове ему помог не то деревенский глава, не то управляющий острова.

Утверждения о том, что «Ивакура и Сандзё, посовещавшись, пришли слёзно упрашивать» меня уйти из газеты (во «Второй биографии героев нашего времени» Ито Тию⁵⁸ и в «Биографии Саиондзи Киммоти» Сираянаги Сюко⁵⁹), — полная чушь. За спиной у меня шли разные толки, и, вероятно, моё дело много обсуждалось, но в лицо мне никто ничего не советовал и никто меня не осуждал.

-3-

Я не оставлял у себя выпуски «Тоё дзию симбун». Однако один мелкий чиновник из Министерства двора собрал их все и хранил у себя. Накагава (Кодзюро⁶⁰), который выступил посредником в данном вопросе, сказал мне, что этот человек желает получить моё каллиграфическое произведение, так что я написал ему такое произведение в обмен на номера газеты.

Потом, спустя несколько десятков лет, эта газета вновь попалась мне на глаза. Это была передовица первого номера, мне кажется, что её написал Накаэ. В ней была фраза «...» (похоже, что Коидзуми не успел записать данную фразу: на этом месте в его рукописи стоит пробел), которая мне напомнила следующий эпизод. Человеку, утверждавшему, что использование данной фразы неуместно, Накаэ ответил, что она взята из сочинения Чжуанцзы⁶¹, и в редакции разгорелись споры о том, кто из них прав. Некоторое время назад у меня попросили разрешения опубликовать эту статью (в «Полном собрании японской литературы», выпущенном издательством «Кайдзося» для массового чтения⁶²), и я дал согласие, поскольку мне казалось, что её написал я, однако потом я засомневался, действительно ли я был автором данной статьи. Поздравление от редакции написал точно я. Я это помню, поскольку в нём я процитировал «Ши Цзин»⁶³, и кто-то надсмеялся надо мной, сказав, что «Ши Цзин» слишком устарела.

После ухода из «Тоё дзию симбун» я стал помощником санги⁶⁴. Это была первая моя работа в качестве государственного служащего. Возможно, меня взяли по рекомендации Ито или кого-то ещё. Сандзё, как я слышал, тогда ужасно переволновался и сказал, что Саиондзи, мол, ещё может согласиться на должность советника, но на помощника советника — вряд ли. Я же очень спокойно отнёсся к своему назначению, заметив, что и советник, и помощник советника для меня одно и то же. Впрочем, те, кто возлагали на меня большие надежды, были сильно удивлены и даже возмущены моим решением, меня критиковали за то, что я без сопротивления согласился стать чиновником класса сонин⁶⁵, а некоторые даже лично приходили меня отговаривать.

Может быть, те, кто не знают меня, сочтут, что я просто не желаю мириться с поражением, но я действительно не считал, что между чиновниками класса сонин и тёкунинов существует особенная разница в статусе. Поэтому в принципе у меня не возникло какого-либо недовольства. Это правда, что я иногда делал недовольный вид — забавно, но большинство людей вообще имеют склонность высказывать недовольство по любому поводу. А подобных людей радует, если и я веду себя таким же образом, так ведь? В определённом смысле подобное поведение с моей стороны можно назвать угодничеством, что не к лицу джентельмену, ну да что поделаешь — порой такие вещи случаются.

Примерно в то же время, что и моё участие в «Тоё дзию симбун», я читал лекции в Университете Мэйдзи. Я продолжал читать их некоторое время и после того, как ушёл из газеты и

поступил на государственную службу; мне кажется, я прекратил преподавание только после того, как решился вопрос с моей поездкой в Европу вместе с Ито̂⁶⁷. Лекции в то время я писал на французском, потом я передал рукописи в Университет, так как они хотели сохранить их на память. Хотя я думаю, мой французский в них оставляет желать лучшего.

Период Сэйюкай

-1-

Когда Ито создал *Сэйюкай*⁶⁸, я (примечание Кимура Цуёси: «Хотя слово "я"⁶⁹ принц употреблял очень редко, я пока оставлю всё так, как было записано») первым примчался к нему из усадьбы Мукадэя⁷⁰ в Оисо, которую снимал в то время.

Ито был очень стенительный и имел свойство смущаться по всякому неподходящему поводу. Когда было принято решение о создании Сэйюкай, то заодно решили и перевести из Дзиюто столы, стулья, одним словом, всякое барахло; оставались там и деньги, правда, совсем незначительная сумма, но Ито сказал, что как раз денег он брать не желает, поэтому мне пришлось убеждать его, что так не годится, что с мебелью и вещами можно поступить как угодно, поскольку они ничего не стоят, но именно с деньгами необходимо вести ясную отчётность, иначе начнутся надоедливые розыски в стиле «а куда делись эти деньги?», и обязательно найдутся те, кто будет причинять беспокойство, так что именно чётко приняв деньги, мы не оставим почвы для неприятных разговоров. Ито, однако, из-за этой своей застенчивости отказался брать деньги, и в итоге потом поползли неприятные сплетни, из-за которых некоторые люди оказались в весьма затруднительном положении.

Хара⁷¹ я знал довольно неплохо, частично через Муцу⁷², а также благодаря тому, что он служил в своё время секретарём в Париже, потом я же его послал работать в Корею; позже, кстати, Иноуэ пристроил его в газету «Майнити-симбун» в Осака. Я не помню точно, когда именно мы с ним начали сближаться, но когда Ито образовывал Сэйюкай, я собирался включить Хара в партию в качестве члена общего отдела⁷³, однако на моё рекомендательное письмо в адрес Ито пришёл ответ, где говорилось: «Прошу вас отложить на некотоое время назначение Хара на

должность члена общего отдела», впрочем я, несмотря ни на что, незамедлительно назначил его в общий отдел.

«Я прочитал Ваше письмо от 19 числа. Я согласен в любое время включить Хара в партию, но очень прошу Вас не торопиться с назначением его на должность члена общего отдела. Пока что ещё никто из бывшей Дзиюто не получил должности старшего члена⁷⁴ общего совета, и, как Вам известно, я нахожусь в весьма сложной ситуации; я очень боюсь, что в таких условиях, если рекомендовать одного только Хара, то будет много недовольных. Я очень ценю Ваше мнение и буду крайне благодарен, если Вы и в дальнейшем будете делиться со мной Вашими ценными мыслями.

С уважением.

Его превосходительству маркизу Саиондзи

PS: Что касается той проблемы Токийского муниципального собрания, то я считаю крайне важным как можно скорее разрешить её в Департаменте юстиции, и я очень прошу Вас посоветоваться по этому поводу с министром юстиции⁷⁵».

Пока Хара работал в Министерстве иностранных дел, мы часто вместе отдыхали в чайном доме в Симбаси. Жена Хара была, гэйша низкого разряда из Симбаси, она и на сямисэн неважно играла, и было смешно видеть, как огромный Хара пляшет под её песни. Когда я потом говорил ему об этом, он страшно замыкался, впрочем, после того как эта гэйша вышла за Хара, она стала очень уважаемой и достойной супругой.

С Хоси⁷⁶ я близко познакомился при следующих обстоятельствах. Вернее я его знал и раньше, но когда образовывалась Сэйюкай я случайно оказался в том месте — где же это было? — где были также Ватанабэ Коки⁷⁷, Хоси и ещё 2–3 человека; Хоси мне тогда пожаловался, что Ито в каком-то деле нарушил данное им слово. «Раз было дано обещание, что же ты сразу, там же на месте не сказал ему об этом? А раз не сказал, то он и решил, что данное обещание можно изменить», — ответил я ему, на что он мне сказал — да я, мол, хотел немедленно именно так и поступить, да вот Ватанабэ мешкал; после этого-то случая Хоси и стал испытывать ко мне сипатию. Про него говорили, что он своевольный и прочее, но в действительности он оказался очень

настойчивым, предусмотрительным, а также энергичным и мощным человеком. Он мог бы принести очень много пользы, как жаль, что случилось это несчастье ^{78} .

-2-

На следующий месяц после формиования Сэйюкай Ямагата⁷⁹ распустил кабинет министров, и в данной ситуации не оставалось иного выхода, кроме как образовать 4-й кабинет Ито. Однако Ито был болен, и ему было необхожимо пройти полноценное лечение, поэтому я стал временно исполняющим обязанности премьер-министра. Одним из событий этого периода стало то, что я разобрался с Ватанабэ Кунитакэ⁸⁰ (министром финансов).

Кажется, в то время у Ватанабэ было не всё в порядке с головой. Дело в том, что когда Ито организовывал кабинет, Ватанабэ очень сильно о себе возомнил и счёл, что Ито теперь будет с ним обо всём советоваться. Ито, тем не менее, с ним считался не до такой степени, — вот у Ватанабэ с головой и произошло что-то странное.

Ватанабэ, по-видимому, думал, что тогдашний министр двора Танака Мицуаки⁸¹ в качестве любезности порекомендовал Ито включить Ватанабэ в кабинет, считая что без того кабинет не состоится. Потом, однако, отношение Ватанабэ резко изменилось, из-за чего началось его отдаление от Сэйюкай, и, соответственно, продолжились также непрятности в самом кабинете, что в конце концов и привело к такой ситуации.

Когда этот кабинет ушёл в отставку (законопроект о повышении налогов прошёл Палату Представителей, но был отклонён Палатой Пэров, и хотя с помощью императорского рескрипта удалось обеспечить его прохождение через Палату Пэров, кабинет взял на себя ответственность за произошедшее), то Ватанабэ единственный не подал прошение об отставке, несмотря на то, что это сделал Ито. Я был председателем Тайного Совета⁸², и меня назначили временно исполняющим обязанности премьера. До того времени Тайный Совет и кабинет министров были очень тесно связаны друг с другом, поэтому председатель Тайного Совета посещал заседания кабинета и был равен министру, в частности, такими правами пользовался Курода. Мне также как председателю было дано особое разрешение на посещение заседаний кабинета, впрочем это отнюдь не подразу-

мевало того, что я сам сформирую кабинет. Я был всего лишь временным премьером до тех пор, пока не будет определён преемник. Тем не менее, Ватанабэ продолжал стоять на своём и единственный отказывался уходить со своего поста, поэтому я заверил Его Величество, что обязательно отправлю его в отставку, на что они с улыбкой пошутили: «В отставку-то отправишь, да стоит ли?» Тогда я сказал: «Если вы позволите, я скажу ему, что на то есть ваша воля. Ответственность я, безусловно, возьму на себя, но если возникнут сложности, я бы хотел разрешить эту проблему, сославшись на вашу волю». Его Величество изволили согласиться с моими словами, но спросили, кого я собираюсь назначить на должность министра финансов, и я ответил, что временно возьму на себя и обязанности министра финансов, и Его Величество одобрили и это. Так что я пошёл к Ватанабэ и сказал ему: «Ваше единоличное упорство мешает расмотрению вопроса о следующем кабинете, поэтому будьте любезны подать прошение об отставке.» На это Ватанабэ спросил, кто же тогда станет министром финансов, и когда я ответил, что исполнять обязанности министра финансов буду я лично, то он, похоже, очень растерялся и сразу уступил со словами, что, мол, в таком случае я подам в отставку; таким образом дело обошлось без упоминания об императорской воле. Однако Ватанабэ оказался странным типом и написал два варианта заявления об отставке. В одном он ссылался на болезнь, а во втором — на волеизъявление императора. Он пошёл с этими заявлениями к Токудайдзи, показал их и посоветовался, какой вариант ему лучше использовать. Как мне потом сказал Токудайдзи, Ватанабэ он посоветовал остановиться на стандартном варианте. В то время я относительно свободно получал аудиенцию у императора, к тому же Его Высотчество проявили большую заботу относительно формирования кабинета министров, поэтому я, не стесняясь, обо всём ему доложил.

_ 2_

(Слова Коидзуми) Четвёртый кабинет Ито был кратковременным: он был образован в октябре 1900 г. и ушёл в отставку в мае следующего года. Это было связано с тем, что Ямагата, недовольный тем, что Ито сформировал Сэйюкай, внезапно распустил кабинет, и Ито, у которого не было времени привести

Сэйюкай в полную боевую готовность, пришлось формировать новый кабинет в срочном порядке. Насколько я понимаю, Ито не стал включать вас в кабинет, а назначил председателем Тайного совета, поскольку заранее готовился к последующему развитию событий и, вероятно, дальновидно упрочивал ваше положение, не так ли? Но ведь вы уже были членом Сэйюкай, разве не высказывалось возражений против назначения в Тайный Совет члена политической партии?

Я не знаю, в чём заключались истинные намрения Ито, но мне кажется, что ваши предположения о его дальновидных планах несколько преувеличены. В то время Тайный Совет обладал очень большой властью, и, естественно, на это место пртендовало немало людей. Что же касается Ито, то, на мой взгляд, для обеспечения работоспособности кабинета ему было необходимо сотрудничество со стороны Тайного Совета, и назначение на должность председателя никак не связанного с ним человека стало бы причиной многих осложнений. В этом плане я был самой подходящей для него кандидатурой, к тому же для участия председателя Тайного Совета в заседаниях кабинета министров уже имелся прецедент, созданный Курода. Поэтому я думаю, что приравняв меня по статусу к министру и дав мне право на участие в заседаниях кабинета. Ито разом достигал двух целей. Сейчас председателем Тайного Совета может работать даже Куратоми⁸³, но в то время, хоть я уже и не был молод, назначить на пост председателя меня, человека нового поколения, — это, можно сказать, был необычайный выбор.

Ранее был неприятнй инцидент, когда Окума⁸⁴, являясь советником Тайного Совета, выдавал политической партии различные секреты. Муцу тогда поднял по этому поводу большой шум и сместил его с этой должности. Соэдзима Танэоми⁸⁵ в разговоре со мной высказался против моего назначения: «Поскольку ранее уже был этот случай с Окума, то будет весьма проблематично, если ваше превосходительсво станет председателем Тайного Совета, продолжая являться членом Сэйюкай». Впрочем, я эти замечания пропустил мимо ушей, однако кто-то, я не знаю кто, может быть, Соэдзима, а может и нет, пошёл к обер-камергеру двора и поднял там этот вопрос, а ещё кто-то предложил спросить об этой проблеме у Ито, на что присутствовавший там Такасима (Томоносукэ)⁸⁶ с юмором сказал, что

если кто-нибудь пойдёт к Ито с таким вопросом, то тот его просто обсмеёт, — на этом тема была закрыта. «Тайный Совет — это не такая структура, куда не может войти член политической партии, всё зависит от конкретной ситуации», — спокойно говорил я тогда. Тем не менее, на самом деле, учитывая, что подобная критика действительно может иметь место, в Сэйюкай на всякий случай вычеркнули моё имя из списков партии. Хотя подобная критика была совершенно беспочвенной, мы тем самым предприняли меры на тот случай, если бы споры перешли в юридическую плоскость.

-4-

Когда Кацура⁸⁷ (во время первого кабинета Кацура Ито Хиробуми был для него очень большой помехой, поскольку одновременно являлся и *гэнро*, и председателем Сэйюкай) конфиденциально доложил императору о своей отставке и потребовал у *гэнро* определиться со следующим кабинетом⁸⁸, то между *гэнро* начались длительные дискуссии, и они долгое время не могли придти к какому-либо решению. Так как все они были близкими приятелями с молодых лет, то казалось, что вопрос будет решён безо всякого стеснения, однако этого не происходило. Все только следили за реакцией друг друга и не могли побороть нерешительность. Я этого больше выносить не мог и твёрдо порекомендовал назначить Ито председателем Тайного Совета (было направлено письмо), и в итоге Ито был назначен на эту должность.

Не было практически никаких помех для того, чтобы я стал преемником Ито на посту председателя Сэйюкай. Были и другие желающие, предлагали, в частности, Суэмацу⁸⁹, а Мацуда сказал, что следует созвать общее собрание партии и поставить этот вопрос перед собранием, но Ито не внял подобным советам, и сказал мне: «Работай ты», — так что я согласился, ответив в том духе, что если это ваша воля, то я беру на себя обязанности председателя; после же моего вступления в должность я препоручил почти все дела Мацуда и Хара. Первое время для Хара была характерна некоторая узость взглядов, и большей популярностью пользовался скорее не он, а Мацуда, однако потом ситуация изменилась.

В то время финансовые ресурсы партии были небольшими, насколько я помню, бюджет составлял около 500 тыс. иен. Я

только лишь получал уведомлнеия от Хара и Мацуда относительно тех денег, что поступали извне в качестве пожертвований, всеми же финансовыми вопросами ведал Хара.

-5-

Я помню то время, когда я должен был принять участие в первом для себя съезде Сэйюкай в качестве председателя партии. На мне был белоснежный полотняный сюртук, и когда я встал на трибуну, то, как я потом слышал, многие были весьма удивлены, хотя такой стиль одежды отнюдь не был моей выдумкой. Английские чиновники и знатные купцы, приезжающие в Индию, постоянно так одеваются. Дело было в разгар лета, и в чёрном шерстяном сюртуке было невыносимо жарко, поэтому был специально сшит этот. На самом деле с белоснежным сюртуком носят красный галстук, поскольку они очень гармонично сочетаются, но так как в Японии носить красный цвет не принято, то красный галстук я повязывать не стал. Вообще-то я собирался выглядеть по последнему слову моды, но эту идею никто не поддержал, так что осуществить задуманное мне не удалось.

Я никогда не любил выступать. Я ведь вообще плохой оратор. Однако после того, как я стал председателем Сэйюкай, вставать на трибуну мне приходилось довольно часто. Я не готовил заранее речей и в соответствии со случаем просто излагал свои обычные мысли.

(Вопрос Коидзуми) Похоже, что во время вашего первого кабинета г-н Като⁹⁰ повёл себя очень странно, да?

Като (Такааки) я включил в кабинет с согласия Ито и, кстати, к неудовольствию Ямагата, а посредником в этом вопросе выступил Хара. Хотя Като сам был обрадован своим назначением, позже мы с ним разошлись по вопросу национализации железных дорог⁹¹.

В то время Като подал прошение об отставке, где в качестве причины указал своё несогласие с национализацией железных дорог, на это Его Высотчество сказали, что подобное заявление об отставке отличается от тех, что министры подавали до этого, и тогда я ответил, что в этом нет ничего странного, поскольку намного яснее и лучше, если министр, уходя в отставку, будет не

ссылаться на болезнь, а указывать истинную причину. Это была первая отставка с указанием причины.

Военным министром в моём кабинете был Тэраути⁹², и я стал свидетелем большой ссоры между Ямагата и Тэраути по поводу передачи полномочий военного министерства Генеральному штабу. Хотя Тэраути был протеже Ямагата, он никак не желал с этим соглашаться и горячо возражал, сказав даже, что если функции военного министерства будут настолько урезаны, то он не сможет исполнять обязанности министра и подаст в отставку. Хотя тогда ссору удалось кое-как уладить, после того, как Тэраути ушёл, Ямагата высказал мне свои истинные намерения.

Ямагата сказал мне, что не желает портить отношения с Тэраути, но ведь времена меняются, и сейчас многие уже начинают поговаривать о том, чтобы назначить гражданского чиновника на должность военного министра, а если это в конце концов произойдёт, то необходимо заранее подготовиться к этому и передать все важные функции, так или иначе связанные с военными тайнами, Генштабу, поскольку посторонний человек не должен быть посвящён в военные тайны; такой вот осторожный человек был Ямагата, и так сильно он беспокоился о будущем.

Говорят, что первый кабинет Саиондзи пал либо из-за того, что Ямагата донёс императору о том случае, о котором я рассказал ранее, либо из-за того, что Ямагата обрушил кабинет, будучи недовольным чрезмерной мягкостью мер в отношении социалистов⁹³, но я не почувствовал тогда ни того, ни другого. Или, может быть, Ямагата и донёс императору, но у меня не сложилось ощущения, что это возымело какое-либо действие. С императором Мэйдзи я был близко знаком с ранних лет, к тому же мой старший брат (Токудайдзи Санэцунэ) долгое время служил императору, так что я думаю, что Его Величество скорее оказывали покровительство мне, нежели Ямагата.

(Вопрос Коидзуми) Говорят, что причина падения вашего первого кабинета заключается в том негативном донесении, которое Ямагата сделал императору, говорят также, что причиной явились интриги Кацура. Однако когда я спросил мнение Нагасима⁹⁴, зятя Кацура, относительно слухов о вашем противостоянии и соперничестве с Кацура в то время и о планах Ямагата и а по обрушению кабинета, то он ответил, что это не

соответствует тем отношениям, которые в действительности были между вами и Кацура.

Благодаря знакомству с Кацура я часто встречался с Нагасима, это был очень знающий и полезный человек. Что же касается версии об обрушении кабинета, то ... (отрицание).

Во взглядах я склоняюсь скорее к так называемому в обществе левому лагерю, и я до сих пор стою на этих позициях. Может быть, это прозвучит по-философски, но контроль за подобными мыслями (социализмом) должен осуществлять человек, прекрасно разбирающийся в общественной мысли, в противном случае верное решение принять будет невозможно. Было бы хорошо, если бы таким контролированием занимался знающий человек, но если доверить подобное занятие человеку несведущему, то это будет представлять большую опасность.

Человек, не читающий книги и не способный прочесть подлинники, не знающий личности и идей автора, не знакомый с особенностями эпохи, когда создавались эти книги, не может заниматься подобным контролированием в принципе. В то же время наряду с левыми тенденциями в обществе существуют и правые тенденции, и если не осуществлять определённый контроль за правыми тенденциями, то это приведёт к дисбалансу, поэтому здесь необходимо избрать середину; впрочем, политика невмешательства в данном случае тоже недопустима — подобный контроль необходим с политической точки зрения.

Что касается моего отношения к социализму ... ну, я считаю, что капитал необходим. Если уничтожить капитал, то экономика страны не будет развиваться, тем не менее, если сами капиталисты не будут критично оценивать свою деятельность, то сами же капиталисты и погубят капитал.

-6-

Когда я во второй раз сформировал кабинет, то я обратился к Ямагата с просьбой пересмотреть своё отношение к проблеме формирования двух новых дивизий, но поскольку Ямагата уже согласился с курсом, предложенным армией, то он оказался в таком положении, когда изменить решение было абсолютно невозможно⁹⁵.

Я не был против формирования двух новых дивизий. Речь шла лишь об отсрочке до тех пор, пока не будет полностью за-

вершено финансовое упорядочивание⁹⁶, так что сам Ямагата не возражал против подобного подхода, но так как большая часть армейских кругов уже приняла решение, то изменить ситуацию не представлялось возможным даже за счёт авторитета Ямагата.

Ямагата сказал, что если бы был жив император Мэйдзи, то он мог бы как-нибудь разрешить эту проблему, опираясь на волеизъявление Его Высотчества, но раз уж так получилось, то, мол, ничего не поделаешь. Однако это была не более чем отговорка: если бы Ямагата действительно хотел решить эту проблему, то у него в то время ещё было достаточно влияния, чтобы сделать это. Позиция Кацура, в то же время, оставалась неясной "ЭТ. Ну, если говорить одним словом — это была закулисная борьба за власть. Конечно, если бы я приложил все усилия, то разрешить эту ситуацию мне было бы вполне по силам, но поскольку я предпочитаю всегда, что бы я ни делал, оставлять место для манёвра, то я не стал проявлять упорство.

В то же время и Ямагата, и Кацура отнюдь не были глупцами, чтобы вступать со мной в открытое противостояние как с явным врагом. И прежде всего они не собирались прибегать к таким неуклюжим методам, как обрушение моего кабинета с помощью вопроса расширения армии.

На самом деле я не склонен трактовать эту ситуацию в плохом смысле, я думаю, что в действительности они сами находились в сложном положении и чуть сами не обожглись на этой проблеме. После этого случая подобная ситуация возникла ещё один раз. Во время отправки войск в Сибирь я встретился в Киото с Ямагата и заявил ему о невозможности этой экспедиции, и Ямагата со мной согласился. Однако после своего возвращения в Токио, он прислал мне письмо, в котором изложил своё затруднительное положение, написав, что хотя он и пообещал предотвратить отправку войск, но по возвращении в столицу время было уже упущено, и иного выхода не оставалось, поэтому ему пришлось одобрить крупномасштабную отправку войск. Это письмо до сих пор у меня хранится.

-7-

Во время моего второго кабинета ушёл из жизни император Мэйдзи.

Император Мэйдзи был весьма косноязычен, но в его речи иногда проскальзывали замечательные выражения. Например: «Ито болезненно здоров, а Ямагата, наоборот, по-здоровому болен». Или ещё: «Когда слушаешь Ито, кажется, что сидишь на лекции по китаистике». В этих правдивых фразах заключался живой и естественный юмор Его Величества.

Однажды я посетил императора Мэйдзи в его покоях, и на его столе лежала коробка со свитком. «Вот, я дарю тебе,» — сказали Его Величество и собственной рукой пожаловали мне свиток. Это был цветной свиток, на котором была изображена фигура китайца на фоне живописного пейзажа, увы, этот свиток сгорел в моём доме в Суругадай во время землетрясения 98.

Вскоре после того, как мне неожиданно был пожалован императором Мэйдзи этот свиток, было объявлено о болезни Его Величество, так что свиток этот стал прощальным подарком—это произвело на меня глубочайшее впечатление.

Путешествуя по загранице, прежде всего по колониям, я постоянно поражался тому, как мастерски чиновники там превозносят благодетели правителей своей страны. Даже осуждая какой-либо недостаток своего правителя, они совершенно естественно приводят и его достояинства, так что тебе даже начинает хотеться встретиться с тем, о ком говорят; этого как раз совсем не умеют японцы.

Во время болезни Его Высотчества Ока99 подвергался очень суровой критике, но мне было его жаль. Примерно за год до болезни Ока в присутствии трёх человек, меня, Ямагата и Токудайдзи, сказал, что здоровье Его Высотчества ослабло. Мы все трое очень заволновались, и даже поступило предложение оставить это в секрете между нами, но я убедил Ямагата и прочих в обратном, сказав, что необходимо сообщить об этом по крайней мере государственным министрам, поскольку, хотя я и являюсь премьер-министром, этот вопрос слишком важен для того, чтобы о нём не оповестить никого, кроме премьера. Таким образом об этом было сообщено министрам кабнета, а особую беседу я провёл с Утида 100 с тем, чтобы по возможности он постарался оградить Его Величество от беспокойств, связанных с внешнеполитическими проблемами, и хотя все государственные министры были чрезвычайно взволнованы, эта информация держалась в полном секрете вплоть до обострения болезни Его Величества.

Характеристика деятелей середины эпохи Мэйдзи

-1-

Ито (Хиробуми) в наибольшей степени проявил свои способности, когда он работал при Окубо, а в наше время, мне кажется, его сила уже шла на спад.

Кстати, он был такой проницательный человек! Та связь, которая родилась между нами в поезде, идущем в Венгрию, не прерывалась вплоть до того дня, когда Ито ушёл из жизни. Позже мне много раз доводилось выручать Ито. В сложных ситуациях я брал ответственность на себя и разрешал эти проблемы за него.

Ито был большой повеса, но вот с женщинами он, говорят, был скуповат. Взять для примера Садаяко, ну ту, что потом стала женой Фукудзава, — она была женщиной Ито ещё с того времени, когда была совсем молодой гэйшей; так вот она говорила, что Ито действительно был очень скуп и щедрым его никак не назовёшь¹⁰¹.

Я уже говорил ранее, что у Муцу с Окума были плохие отношения, и когда по какому-то вопросу между ними возникли большие разногласия, это вызвало сильное беспокойство у Иноуэ, и он решил собрать всех в Икахо для того, чтобы восстановить нормальные отношения. На ту встречу я отправился вместе с Иноуэ и Муцу, а Окума привёл с собой Асабуки Эйдзи, управляющего Мицуи. Нам удалось легко распутать все противоречия, однако потом я слышал от Муцу, что обо мне Окума сказал следующее: «Мне говорили, что Саиондзи радикал, но он даже больший радикал, чем мне говорили». Муцу тогда ужасно рассердился и сказал: «Вот поэтому мне и не нравится этот Окума! Ведь если эти слова дойдут до Ито, то вы с Ито начнёте отдаляться друг от друга». На это я рассмеялся и, напротив, предостерёг самого Муцу: «Послушай, так нельзя. Это слишком несправедливо так думать о нём». Для Муцу была характерна подобная вспыльчивость. Если человек с острым умом может благодаря своей проницательности воздействовать на лучшие струны души собеседника и донести до него своё мнение, не обижая его, то это говорит о благородстве и доброте этого человека. Такая черта была у Ёкота¹⁰², его добродетель заключалась в том, что даже если он говорил грубые и резкие вещи, на

него не сердились и не чувствовали обиды. Муцу некоторое время обучался камбун и в разговоре употреблял красивые и сложные обороты, поэтому речь его была весьма изыскана, у Ёкота же подобного образования почти не было, и речь его по богатству уступала Муцу, и тем не менее, в их манере говорить было что-то похожее. В Ито было что-то детское — в некотрых случаях ему была свойственна несдержанность. Муцу и других раздражало его высокомерие, Муцу даже сказал как-то, дескать, а не лучше ли мне сблизиться с Ямагата — мне кажется, он и правда обдумывал такой вариант. Иными словами, Ито был простодушный, а Ямагата — осторожный. Ито был простодушный, но великодушный, Ямагата же был неуязвим благодаря своей осторожности. Отношения между ними были довольно нестабильными — временами они то сближались, то отдалялись, но эта была не та несовместимость, что характеризовала отношения Окубо и Сайго, они доверяли друг другу вне зависимости, были ли они близки или далеки в данный момент.

Вот тот журнал — «Сэкай-но Нихон», до него под руководством Муцу издавалась газета Сунтэцу¹⁰³, но мы её видоизменили и стали выпускать этот журнал. Я не участвовал непосредственно в основании журнала, моя роль сводилась к тому, что я всецело сочувствовал и симпатизировал этому начинанию, и тогда же я сказал, что подходящим названием будет Сэкай-но Нихон¹⁰⁴, поскольку Япония обязательно должна стать страной для всего мира, а мир должен стать открытым для Японии. Все согласились с моим предложением, и это название было утверждено.

-2-

Ямагата я хорошо знал ещё со времени боевых действий в Этиго¹⁰⁵. Когда я был в Германии, Ямагата также заезжал ко мне в гости и побыл некоторое время. Ямагата втретился в Америке с Муцу (посланником) и очень высоко отзывался о нём, сказав, что Муцу — безупречный человек. Я думаю, что Ямагата поехал на Запад, поскольку наконец-то готовилось решение о назначении его премьер-министром, и чтобы подготовить его к этой должности, Ито и другие порекомендовали отправить его ознакомиться с зарубежными странами. Ямагата я хорошо знал ещё с Этиго. Главнокомандующим в Этиго сперва был я, но потом главнокомандующим стали принц Ниннадзи-но Мия¹⁰⁶, а меня

переместили в штаб. Ямагата, Курода и я были ещё в сущности подростками, да и штаб был — одно название, но Ямагата и другие самураи из княжеств не презирали меня и в разговорах были очень почтительны, может быть, это объясняется моим происхождением или тем, что я был придворным.

Ямагата на самом деле был очень влиятельный человек, и он великолепно умел поддерживать это влияние в одному ему свойственной манере.

Ямагата придерживался во взглядах так называемого в обществе правого уклона, в то время как я — левого, но этот левый уклон отнюдь не означал идей республиканского правления. Я признавал императорский род центром государственной системы и хотел только легко и непринуждённо способствовать тому, чтобы народ принимал всё большее участие в политике, так что и правые взгляды Ямагата и мои левые взгляды совпадали в том, чтобы центром осуществления государственной политики был императорский род. Несмотря на долгую историю закулисной борьбы за власть, благодаря влиянию Ямагата удавалось избежать чрезмерных осложнений и обеспечить чередование власти между Ямагата и Ито, между Кацура и мной. Те люди, которые хотели продвигаться вперёд более решительно, возможно, и были недовольны Ямагата, но это большой вопрос, хорошо ли было бы, если бы всё сложилось так, как они хотели.

(Вопрос Коидзуми) Говорят, что император пожаловал Ямагата чашечку для прополаскивания кисти, сделанную из журавлиного яйца. Вы слышали об этом?

Ито Миёдзи¹⁰⁷ сказал об этом во время обеда, устроенного двором в честь министров. Однако Его Величество возразили со словами: «Это было не журавлиное, а гусиное яйцо, и именно потому, что оно было гусиное, эта чашечка получилась изящной». В результате Миёдзи оказался в неловкой ситуации. Меня самого там не было, но Его Высотчество часто говорили подобные вещи.

Курода (Киётака), как я уже ранее сказал, я тоже знал ещё с Этиго. Я не знаю, насколько он владел искусством управления государством. Его речь и манеры были очень вежливы, если он выпивал, правда, то становился буйным, но в обычной жизни это был очень спокойный человек. Я считал, что в Тайный Совет необязательно обращаться с запросами по внешнеполитическим

проблемам, поэтому когда он был председателем Тайного Совета, один такой вопрос был решён без участия Тайного Совета. В тот же вечер подручный Курода, кажется, Накамура, ну тот человек, который был и губернатором, и заместителем министра, я не помню точно, был ли это именно Накамура, — так вот этот человек пришёл и сказал, что Курода ужасно рассержен и говорит, что возмутительно решать вопросы без привлечения Тайного Совета. Когда я сказал на это, что раз он так сердится, то я сейчас же пойду к нему и как следует всё обговорю, тот человек ответил: «Будет очень неловко, если вы туда пойдёте сейчас. Дело в том, что Курода очень пьян». «Ну тогда передай ему, что я приду к нему завтра утром», — сказал я и выпроводил его. На следующее утро Накамура вновь пришёл, и я спросил его, не возмущается ли Курода, на что мне было сказано: «Нет, нисколько. Я явился к вам по поручению Курода. Меня просили передать, что будет крайне неудобно, если вы пойдёте туда, поэтому давайте оставим тот вопрос, как есть. Вчерашние резкие слова были вызваны алкоголем, так что прошу вас не беспокоится и никуда не ходить». Таким образом всё кончилось благополучно. Вот такая черта была у Курода. Он был очень ненастойчивый и легко сдавался.

-3-

С Итагаки (Тайсукэ) мы были одного мнения относительно необходимости палаты народных депутатов, и благодаря этому мы с ним поддерживали тесные отношения. Однако в том, что касается причин признания парламентской политики, взгляды Итагаки расходились с моими, и, пожалуй, скорее были ближе к взглядам Ито. Я считал, что палату народных депутатов следует учредить, исходя из реальной необходимости, будь то политика или отношения между императорской семьёй и народом. В основе же позиции Итагаки лежал пинцип. И хотя конечный результат один, при разговоре с глазу на глаз мне стало ясно, что наше видение отправных точек различается. Тем не менее, мы были очень дружны с Итагаки!

Во время Реставрации Итагаки использовал имя Инуи Тайсукэ. Ивакура сказал, что поскольку Инуи является честным и хорошим человеком, он произведёт его в *санъё*, и я передал это решение в Тоса. Ёдо (Ямаути Ёдо, бывший *даймё* Тоса), который,

кстати, был моим родственником, принял меня и сказал: «Относительно произведения Инуи в санъё я выскажу своё мнение как гидзё¹⁰⁸: поскольку Инуи — человек с ограниченным мышлением, я бы не рекомендовал вам назначать его». Я передал его слова Ивакура, и от этой идеи отказались. Это абсолютно достоверный факт.

Когда планировалось включение Окума в кабинет Ито, я краем уха слышал, что Итагаки возражал против этого намерения Ито, но я не очень знаю, какой ситуацией было обусловлено желание Ито ввести Окума в свой кабинет (ремарка Сансин: «Вообще-то в книге «Тоанко» говорится, что это были своего рода интриги со стороны Иноуэ и Ямагата»). Итагаки был довольно косноязычен, и он не отличался умением логично и красноречиво выражать мысли, тем не менее, он твёрдо отстаивал своё мнение, и речь его производила на меня хорошее впечатление.

Я помню, что однажды, возвращаясь вдвоём с Ито после просмотра *сумо* в Экоин ^{109} , мы зашли выпить в Токивая, и я сказал ему: «Если вы, сделав Итагаки и Окума *одзэки* ^{110} , не можете ими управлять, значит, у вас нет квалификации *ёкодзуна* ^{111} ».

Прадед¹¹² Коноэ (Фумимаро¹¹³) был моим учителем чистописания, поэтому я был в дружественных отношениях и с Ацумаро¹¹⁴, и когда я отправлялся на службу в Австрию в качестве посланника, я взял его с собой в поездку (18-й год Мэйдзи).

После возвращения со стажировки он дослужился до председателя Палаты Пэров и начал постепенно сближаться с Окума, так что внешне между ним и мной, стоявшим на стороне Ито, началась конфронтация.

Этот самый Коноэ издавал журнал (Сэйсинкай) и сказал мне, чтобы я писал для этого журнала, я же решил, что обычный стиль — это скучно и попробовал писать на камбун. Когда я писал на камбун, мои сочинения вскользь просматривал Ядо (Киндзан¹¹⁵), и эту мою работу Ядо также слегка отредактировал. Я предполагал, что в журнале хотели, чтобы я написал либо о выдающихся людях древности, либо о героях и талантах нашего времени, но я, полушутя, написал о Клеопатре и Аспазии — это несколько расходилось с их ожиданиями, так что они, вероятно, были весьма удивлены.

Кацура был довольно терпеливым человеком. Он обучался в Германии военной науке, а когда вернулся в Японию, полный собственных планов относительно японской армии, то некоторое время его сильно обижало, что его идеи не претворялись в жизнь, но он, тем не менее, продолжал проявлять терпение. Если бы он был либерал, как и мы, то в политически сфере он вполне был бы в состоянии скрестить мечи с Хара. В принципе он не обладал слишком возвышенным характером, но в то же время он был способным и очень полезным человеком. Подчинить его своей власти было сложно даже для Ито. Он был ведь связан с Ямагата, а Ито включил его в свой кабинет благодаря поддержке монархиста Санномия Коан¹¹⁶.

Когда речь заходит о дипломатии, то в связи с Ито часто вспоминают Муцу, а в связи с Кацура — Комура¹¹⁷, не так ли?

Когда шли споры о том, допускать ли американские инвестиции в Манчжурскую железную дорогу или поручить её полностью Америке, то Комура (Дзютаро) — хотя и не он один — наиболее решительно возражал против этого.

Он (Комура) тоже был способный человек, но не очень сообразительный. Ну например, во время той же мирной конференции можно было давать деньги корреспондентам, и если они брали, — умело использовать это в своих целях, а Комура такую возможность упустил. Витте¹¹⁸ имел богатый опыт работы на арене Европейской и Американской дипломатии и хорошо владел различными приёмами в этой области, так что он мог умело манипулировать теми же газетными корреспондентами. Тем не менее, крупной личностью он не был, и Комура, пожалуй, как личность превосходил его. Ито действительно очень хорошо понимал характер Комура и, даже когда Комура ещё не был известен, он высоко оценивал его, отзываясь о Комура как о полезном человеке.

Недавно я перечитал работу Накаэ («Итинэн юхан»¹¹⁹), она оказалась интересной. У него очень хороший слог, но его научные познания ограничены, и он многого не понимает в общей ситуации и житейских делах. В «Итинэн юхан» говорится в том числе о гэйшах, так вот он допускает существование танцовщиц-сёги¹²⁰, в то время как гэйши, по его мнению, — это вредное явление. В Японии и в древности были сирабёси¹²¹, отличавшиеся

благородством и пользовавшиеся большой известностью. Сейчас также можно найти женщин с подобными качествами, на Западе же таких много. Например, и Аспазия, и Клеопатра были прекрасными философами и политиками. И сегодня есть те, кто активно действуют в различных сферах — общественной жизни, политике, искусстве, музыке, делают себе имя и добиваются успеха — для краткости их мы можем назвать гэйшами, женщинами весёлых кварталов, а то, что Накаэ агульно назвал их паразитами, является следствием его неотёсанности и скудного кругозора. Если бы он знал о прославленных гетерах прошлого и настоящего, то, я думаю, и его рассуждения о гэйшах были бы интереснее. Я выписал следующий его отрывок.

Следует освободить всех гэйш, а также женщин, работающих в трактирах, ибо они портят нравы и представляют опасность распространения заразных болезней, такие певички сами порождают сифилис... Их работа заключается в том, чтобы прислуживать на пирушках и создавать веселье на банкетах, но мужчины изначально приглашают их с целью получения чувственных удовольствий, так что у них нет никаких причин испытывать к таким женщинам хоть каплю уважения... В нашей стране мужчины совершенно не знают, как нужно правильно относится к женщине, именно потому, что гэйши научили их смотреть на всех женщин как на гэйш.

Что касается танцовщиц-сёги, то я хотел бы сохранить эту традицию...

Вместе с Накаэ часто вспоминают Накаи Хироси¹²². Во время моей учёбы в Париже мы встречались, однако как талант он прославился позже под псевдонимом Осю Сандзин. Как-то раз мы выпивали в кафе и вели оживлённые беседы. Накаи, охваченный сильным душевным порывом, продекламировал следующий стих Кумои Тацуо¹²³:

Подобно стрекозе, смотреть способной на нос и хвост себе одновременно, ищу я место беспокойно, где мой талант нашёл бы примененье.

На это я усмехнулся и сказал: «Ну если смотреть на мир стрекозиными глазками величиной с горошину, которых достаточно, чтоб обозревать свой нос да хвост, то куда ни кинь взгляд, вряд ли сможешь когда-либо применить свои таланты».

Накаи сразу же покраснел и вскричал, рассердившись: «Что ты такое говоришь, мальчишка?!» Тем не менее потом мы с ним близко сдружились.

Став гэнро

-1-

В переходе Кацура на службу при дворе после кончины императора Мэйдзи свою роль сыграло мнение Ямагата Аритомо. Я не очень хорошо об этом осведомлён: со мной никто специально не советовался, да и в тех редких случаях, когда меня спрашивали, я не высказывал своего мнения и молча следил за происходящим.

Возможно, будет плохо так говорить, но Ямагата стал немного тяготиться Кацура, и хотя он не настолько тяготился им, чтобы отправить служить его во двор, создавалось впечатление, что Ямагата, тяготясь и не зная, что делать с Кацура, с почётом удалил его от себя. Так что я просто наблюдал со стороны, как Кацура переходит во двор, и определённые действия предпринял скорее тогда только, когда он двор покидал. Поскольку Кацура колебался и никак не мог решиться на переход из двора в правительство, я советовал ему покинуть дворовую службу, говоря, что в этом вопросе нечего стыдиться и робеть, что и поступление во двор, и переход в правительство определяются конкретными обстоятельствами. Я убеждал его, что и на Западе также были подобные прецеденты и аналогичные ситуации, и приводил конкретные примеры. Кацура же весьма обрадовался моим словам и сказал: «Если вы изволите говорить такие вещи, то я спокоен». Однако когда он в самом деле наконец оставил службу при дворе, произошли те ужасные беспорядки (осуждение кабинета Кацура и Движение в защиту конституционного правительства) — в той ситуации я просто не мог сказать, что именно я рекомендовал Кацура возглавить правительство, но из положения мне тогда удалось выдти, не признаваясь в этом. Для Кацура было ошибкой отправляться в поездку на Запад и оставить незащищёнными свои позиции дома: если бы он не уехал, то ничего подобного не произошло бы. Да и то, что он стал князем 124, явно было перебором и в определённой степени также пришлось не по нраву Ямагата. (Примечание на полях: «Император Мэйдзи сказал, что Кацура начал задирать нос».)

Мой уход с поста председателя Сэйюкай не означает такого серьёзного шага, как признание своей ответственности за то, что я, получив императорский рескрипт, не смог утихомирить в той ситуации Сэйюкай. Часто повторявшиеся слова о нарушении императорского рескрипта были не более чем пропагандистским шагом моих противников, на самом же деле, хоть это и был императорский рескрипт, Его Высотчество не были столь уж обеспокоены этим вопросом. И хотя моя неспособность призвать к порядку Сэйюкай в соответствии с высочайшим повелением противоречила моим истинным намерениям, я не считал также, что в интересах императора будет насильно менять позицию Парламента и пытаться успокоить возбуждённые сердца. Да и Сэйюкай тоже вполне могла обойтись без меня, или даже наоборот, — без меня партии, возможно, было бы даже лучше. Как я уже говорил, я всегда перед тем, как делать что-либо, обязательно стараюсь оставить некоторое место для манёвра, у меня вообще есть такая ленивая черта: если что-либо может быть полезно, то я готов этому учиться, но если что-то не идёт мне на пользу и к тому же любой другой может справиться с этим, то я предпочитаю уйти в сторону. Таким образом я решил, что пришёл самый подходящий момент оставить пост председателя. Впрочем, в Киото я удалился уже по другой причине. Безусловно, моя отставка не была вызвана ответственностью за нарушение императорского рескрипта, я просто счёл, что настало время передать дела Хара. Ну и к тому же эта работа мне немного наскучила.

-2-

Доказательством того, что я не покидал мира политики под влиянием чувства ответственности за нарушение рескрипта, служит то, что именно я приложил главные усилия при формировании кабинета Ямамото Гоннохёэ¹²⁵.

Когда выдвигалась кандидутура Ямамото (после Кацура был сформирован 1-й кабинет Ямамото) при дворе собрались Мацуката и Ямагата. Вообще-то Иноуэ тоже должен был присоединиться, но по какой-то причине он в это время отсутствовал и не явился. Кацура тоже там присутстсвовал, но сказал, что раз дело касается его самого, то он лучше уйдёт, и хотя я ответил на это, что он вполне может и остаться, он всё же удалился со

словами, что очень неважно себя чувствует. Итак, когда мы собрались, то все начали переглядываться, но рта никто не открывал. Молчание нарушил я, предложив: «Как насчёт того, чтобы поручить формирование кабинета Ямамото Гоннохёэ?» Мацуката, например, на это сказал: «Ну я ранее ведь уже говорил, что хотел бы поручить формирование Ямамото... Так что я не возражаю.» Однако дальше рассуждений о том, согласится ли Ямамото или нет, дело не шло, поэтому я, понимая, впрочем, что беру на себя слишком много, сказал, что сам посоветуюсь с ним, и тем самым положил конец этой дискуссии. Затем я сразу направился к Ямамото, и когда я спросил его мнение на этот счёт, он сказал: «Это словно счастливый сон. Но даже если я соглашусь, то без поддержки со стороны Сэйюкай и, скажем, союза с ней, я не смогу принять это предложение». На это я ему ответил: «На счёт этого беспокоиться не стоит. По правде говоря, я заранее оповестил Хара и Мацуда и позвал их к себе, так что сейчас они должны ждать у меня дома. Я посоветуюсь с ними об этом». Тогда Ямамото в свою очередь сказал: «Рассчитываю на вас. Но я тоже прошу предоставить мне один вечер на размышления, а ответ я дам завтра утром», — и на этом мы расстались. Дома меня ждали Хара и Мацуда, в ходе беседы мы согласовали в общих чертах все вопросы, а на следующее утро мне позвонил Иноуэ и сказал: «Я слышал, вы рекомендовали Ямамото. У меня лично никаких возражений нет, так что прошу вас двигаться по намеченному плану». Вскоре после этого пришёл сам Ямамото, поэтому вопрос решился быстро и без осложнений.

Позже я стал единственным гэнро. Решая, как следует поступить в том или ином вопросе, мне необходимо выслушивать мнения различный людей, но я считаю, что при ответе на императорский запрос полную ответственность я должен брать на себя.

-3-

Во время войны в Европе я оценил то, что Ямагата ни разу не сказал о том, что победит Германия, котя очень многие думали именно так, особенно англичане (ремарка Кимура: «Вероятно, допущена ошибка и имеются ввиду военные») как один верили в победу Германии. Он в целом очень большое внимание уделял тому, чтобы консультироваться как можно с большим числом

людей и не допускать ошибок в суждениях. Впрочем, он не любил левых, в этом ему была свойственна узость... Как же он не любил Като Такааки¹²⁶! Сейчас, однако, нет людей, которые могли бы по силе влияния сравниться с Като, говорят, он очень хорошо контролировал членов своей партии.

В обществе считается, что я решил поехать на мирную конференцию в Версаль благодаря уговорам Хара, хотя на самом деле меня убедил ехать Ямагата. Он и напрямую со мной разговаривал, чуть не плача при этом, и даже Хирата 127 посылал как посредника. Хара тоже меня уговаривал. Хара ни словом не обмолвился о том, что действует по указке Ямагата, но я прекрасно знал, что инициатива исходила от Ямагата. Возможно также, что было предложение направить Като Такааки, — хотя это всё только предположения, — но Хара не желал направлять Като, и в то же время он, вероятно, считал, что если он скажет о том, что идея послать меня принадлежала Ямагата, то это ослабит его позиции в деле выжвижения кандидатур. В любом случае он делал вид, что это исключительно его инициатива, и вдвоём с Утида они часто ко мне приходили — в то время я оставил свой дом в Суругадай и жил в гостинице «Стэйшн» — и настойчиво упрашивали ехать. Я же не желал ехать, поэтому я обратился к Утида со словами: «Ведь будет естественно, если министр иностранных дел лично поедет туда», — на что Хара в свою очередь также сказал: «Ничего не поделаешь: раз Саиондзи так говорит, то лучше будет вам поезать, г-н Утида», так что Утида оказался в крайне затруднительном положении. Ямагата тогда даже заявил мне: «Вы взяли на себя ответственность, рекомендовав Хара, так почему же вы ставите в затруднительное положение премьер-министра, которого сами же рекомендовали?» И хотя я подобным образом упорствовал, постепенно я пришёл к мысли, что было бы неплохо после большого перерыва съездить в заграничное путешествие... Нет, это не было моим достижением, я вообще для этого ничего не сделал, но если и считать это чьим-то успехом, то это был успех не Хара, а Ямагата.

Ямагата в поздние годы стал доверять Хара, и хотя изначально его отношение было иным, потом он мне часто говорил, что правительство должен во что бы то ни стало возглавлять Хара и что Хара надо дать поработать как минимум три года.

Хара был из тех, кто любит деньги. Он не был скупым — тратить деньги он тоже умел, но он любил прикасаться к ним — пересчитывать их, бережно складывать их в бумажник, совсем как мы наслаждаемся каллиграфией и живописью. Все подсчёты я поручал Хара, он тщательно учитывал даже пятиеновые расходы и, горизонтально развернув свиток пищей бумаги, усердно вписывал туда карандашом наподобие подробной большой таблицы все расходы и поступления. Хотя я ему говорил, что мне совсем не нужна такая сложная таблица, он никак не бросал это занятие. В обществе таких людей называют пунктуальными. Ходили заведомо ложные слухи, что он в личных интересах использовал поступавшие Сэйюкай пожертвования, но я хорошо знаю, каким человеком был Хара. Все заблуждаются на этот счёт: несмотря на любовь к деньгам он никогда не злоупотреблял ими в личных целях. Он, как и его супруга, были честны в денежных вопросах. После того, как Хара прибили 128, она пришла ко мне за советом, поступить с деньгами, оставшимися от выборов, по-честному передала их Такахаси¹²⁹. (Слова Коидзуми: «Г-ном Такахаси был получен 1 млн. иен»). Этого я даже не знал, я слышал только о 500 тыс. иен. Бывает, что в подобных ситуациях вдова ведёт себя иначе, переступая грань порядочности, но супруга Хара была действительно очень честной.

После того, как Хирата Тосукэ стал министром-хранителем печати, однажды он мне заявил: «Я считаю, что придворную жизнь следует как можно плотнее закрыть завесой облаков», на что я возразил следующее: «Так поступать не годится. От густых облаков наступает мрак, так что следует разогнать облака, чтобы дать дорогу свету». «Я совершенно с вами согласен», — ответил он со смущением.

-5-

В итоге был расширен доступ для прочтения лекций императору, например, Его Высотчество с большим интересом выслушали лекцию Токутоми¹³⁰ перед совершением поездки на Кюсю. Когда я на днях получил аудиенцию, я спросил Его Высотчество: «Как вам лекция Токутоми?» — на что они ответили: «Я всё хорошо понял, оказалось интересно». Это очень хорошее

дело — выбирать людей из как можно большего числа сфер общественной жизни для прочтения ими лекций импратору.

Я думаю, что ещё никогда при дворе не собиралось такого достойного окружения, как сейчас. Макино¹³¹, конечно, склонен мешкать и колебаться, но у него за плечами большой опыт дипломатической службы, доводилось ему работать и в качестве государственного министра, так что ему можно доверять. Икки¹³² стал министром двора по моей просьбе. Он хороший министр двора. Это решительный человек с твёрдым характером. Некоторые, правда, его не любят, но он чётко разбирается в законодательстве и очень хорошо знает конституцию.

Икки и Окада¹³³ учились в университете, живя у помогавшего им Накагава Кэндзиро, дяди Накагава Кодзюро¹³⁴, и оба выпустились, однако, как я слышал, в науках в то время больше преуспевал именно младший брат. Хотя что было потом — мне неизвестно.

С Икки я познакомился в Германии, так что он знает и то, как обстоят дела на Западе. Ему также доводилось работать минимстром в партийном кабинете, поэтому естественно, что он также хорошо разбирается и в политике.

После того, как кабинет Като 135 (Томосабуро) ушёл в отставку в связи с болезнью и смертью премьер-министра, Хирата (Тосукэ) пришёл сюда (Кодзу) и передал императорский запрос относительно следующего премьера. В то время Хирата стал министром-хранителем печати, поэтому он сильно возомнил о себе и был очень уверен в своих силах. Поскольку у него уже был человек, которого он хотел выдвинуть, то он не столько даже передал мне императорскую волю, сколько сделал какой-то странный намёк. Но я перешёл в контр-наступление, спросив: «Получали ли вы, ваше превосходительство, запрос от императора относительно кандидатуры следующего премьер-министра?» Хирата смешался и, исправившись, сказал: «Нет, запрос поступил вашему превосходительству, мне лишь было поручено передать вам волю императора». Ну а раз так, то я рекомендовал Ямамото Гоннохёэ. С Хирата я даже ни разу не посоветовался. Такая уж у меня манера. Вопросы я люблю решать сам и сразу. И Ито ведь был такой же, да? Ямагата же в подобных ситуациях старался всё сделать мягко. Что до Ивакура — правда, тогда

было такое время, что говорящий начистоту часто оказывался в затруднительном положении — то он всегда разговаривал одинаково дипломатично с любой из противоборствующих сторон. Иной раз в таких случаях всё проходило благополучно, но если они все встречались вместе, то это приводило к осложнениям. В более позднее врем такая черта была у Танака 136 (Гиити). У меня же подобного мастерства нет и в помине.

-6-

Что касается императорских запросов относительно государственных дел, то поскольку нынешний император отличается особым рвением, я считаю, что при решении государственных вопросов император должен давать аудиенцию не только государственным министрам, но и заместителям министров и начальникам департаментов. Я уже говорил серьёзно на эту тему с Като Такааки, - как правило, министры и прочие чиновники боятся представать перед императором. Разумеется, в официальных вопросах распоряжениям императора надо следовать во что бы то ни стало, но в повседневных политических делах, если твоё мнение отличается от императорского, нет никаких ограничений для того, чтобы в случае несогласия, не робея, высказать Его Высотчеству причину своего несогласия. Если всё время идти на попятную, говоря, что противоречить императору слишком страшно, или что ты боишься возразить Его Высочеству, то проработка государственных вопросов будет невозможной: такие вопросы можно прорабатывать только на основе дискуссии относительно того, что верно, а что ошибочно, что полезно, а что опасно. Во время Его высотчества императора Мэйдзи, даже если Его Высотчество высказывали пртивоположную точку зрения, я продолжал упорно отстаивать свою позицию, говоря, что поступать нужно так-то и так-то. Иногда мы очень горячо спорили, что называется, чуть не до ссоры, но иногда мне удавалось хорошо разъяснить свою позицию и получить согласие Его Высотчества. В этом и заключается долг советника императора. Почтение подданных по отношению к государю и разделение верхов и низов не означают, что нельзя не соглашаться с мнением императора или что все во всём обязаны поступать так, как скажет император. Хотя по вопросам внешней политики заместитель министра иностранных дел

изредка предстаёт перед императором для дачи объяснений, крайне мало случаев, когда император давал аудиенцию заместителям министра или начальникам департамента в связи с общеполитическими делами. Подобное положение следует исправить.

(Слова Коидзуми) Само собой подразумевается, что в важных вопросах вы, князь, принимаете всю полноту ответственности на себя. Вот уже более десяти лет вы позволяете мне посещать вас, и во время политических осложнений я всегда внимательно наблюдал за вашим поведением, но вы ни разу за это время не допустили утечки какой-либо секретной информации, и я думаю, что если бы я сам неосмотрительно решился бы допытываться её у вас, то вы бы сделали мне резкий выговор, так что в деликатных ситуациях, требовавших осторожности, я следил за тем, чтобы не перейти грань дозволенного. Когда после смерти Като вы в качестве преемника рекомендовали Вакацуки 137, в тот же день, вскоре после того, как от вас вышел императорский посланник, я посетил вас, и вы изволили мне поведать о некоторых ваших намерениях: т. е. по завершении какого-либо дела вы иногда делились конфиденциальными подробностями, но до этого выражение вашего лица неизменно выражало полную невозмутимость. Когда готовилось назначение Танака (Гиити) премьер-министром, мы с вами ехали на поезде в Западную столицу¹³⁸, и я в то время был несколько недоволен вами, полагая, что если бы вы хоть словом обмолвились мне об этих планах, то я смог бы сразу же вернуться и способствовать беспроблемному формированию кабинета, однако сейчас я прекрасно понимаю, что думать так было ошибкой с моей стороны и что в делах исключительной государственной важности необходимо соблюдать строжайшую тайну.

(Саиондзи говорит с улыбкой) Близкие люди, вероятно, считают, что я мог бы и сказать им несколько слов в дань нашей близости, например, во время подготовки к формированию кабинета Киёура¹³⁹ Ёкота также пришёл ко мне и спросил: «Что вы решили?» «Да ничего, давай отложим это удовольствие на завтра», — ответил я ему, на что он сказал: «Да-да, я понял». В то время, когда я рекомендовал Ямамото, мой сын, который тогда

был у него секретарём, спросил: «Ну что, вы определились?» «Не говори глупостей!» — прикрикнул я на него, и он удалился в сильном смущении. (Ремарка Коидзуми: «Во время землятресения¹⁴⁰ г-н Хатиро¹⁴¹ был приближённым императора и не имел ни секунды свободного времени. Вероятно, речь идёт о 1-м кабинете Ямамото).

Министром иностранных дел стал Утида, помните?... Внешнюю политику оценивают либо как жёсткую и прямолинейную, либо как мягкую и слабую, и таких, как я, относят именно к сторонникам мягкой и слабой политики, хотя я лично не склонен делить внешнюю политику на мягкую или жёсткую. Дипломатия — это взаимодействие с западными странами, или, иными словами, — сотрудничество с державами, поэтому, если взять для примера веер, надо быть не тем, на кого машут, а тем, кто держит рукоять веера и машет сам. Такой рукоятью в настоящее время являются Великобритания и Америка, даже если добавить к ним Францию и Германию, получится, что в центре мировой дипломатии находится маленькая группа стран, и Япония также должна войти в их число, став тем, кто сам держит веер. Когда появляется необходимость в сотрудничестве с Америкой и Англией, то подобные попытки критикуют, говоря, что наша внешняя политика следует в фарватере Америки и Англии. Конечно, бывают неприятные ситуации, когда наша дипломатия фактически подстраивается под других, но ведь для того, чтобы найти точки соприкосновения с теми центральными силами, которые господствуют в большей части мира, или для того, чтобы самим стать частью этих центральных сил, разве не нужно временами проявлять немного терпения и внешне делать некоторые уступки. До последнего времени я думал, что с помощью этого курса мы приблизилсь наконец к достижению данной цели, но... (Слова Коидзуми: «Здесь фраза Саиондзи обрывается, и чувствуется, что он сожалеет о том, что эта тенденция была нарушена).

Даже если хвастаться, говоря, что Япония — это лидер на Востоке и т.д., нельзя забывать, что на Востоке один только Китай имеет государство, в то время, как все остальные большие азиатские страны уже покорились своей судьбе. Я не знаю, возможно, в будущем Япония и станет лидером на Востоке, но сейчас нет оснований кичиться таким образом. Япония в дан-

ный момент расправляет крылья и встаёт в полный рост. Если говорить только о наших связях с Китаем, то мы и действительно в области экономики и торговли расправляем крылья и встаём в полный рост. Но нельзя кичливо говорить, что мы — лидеры и т. п. Я ещё раньше размышлял о том, способны ли японцы, сколько бы мы ни хвалились, сколько бы мы ни старались хвалиться, добиться такого же превосходства над китайцами, как белые люди — над чернокожими... (Здесь слова Саиондзи вновь прерываются) Мне кажется, лучше стремиться стать не лидером на Востоке, а лидером во всём мире.

Утида весьма энергичен, при этом он производит впечатление человека, серьёзно относящегося к делу. В том, что касается Манчжурии, он хорошо ладит с военными, и в дипломатии у него, несомненно, накоплен большой опыт, так что, на мой взгляд, в нынешней ситуации он подходит для занимаемой должности. Он славный парень, жаль только, научных знаний у него недостаточно. Кстати, это я ему помог, как он и хотел, перейти из Тайного Совета в Палату Пэров.

Вопрос Коидзуми: С вашей точки зрения, наверно, не только Утида но и сам князь Ито кажется слабым в науках? Нет, это не так (смеётся).

-7-

Не попадёт ли Палата Пэров в итоге под контроль политических партий? Плохо, если какая-либо идеология станет давлеть над пэрами, но те, кто был назначен в Палату Пэров императорским указом по предоставлению партийного кабинета, естественным образом будут благожелательно настроены по отношению к этой политической партии. В политических же делах лучше разбираются не аристократия и крупные налогоплательщики, а именно пэры, назначаемые императорским указом из числа бывших чиновников, поэтому они как раз и образуют центральную силу в Палате Пэров. Даже если всё останется так, как сейчас, то людям, стоящим во главе правительства, при правильном подходе будет не сложно добиться гармоничных отношений с Палатой Пэров.

Что касается американского Сената, то Вашингтон¹⁴² сильнее всего сердился именно на эгоизм Верхней Палаты. Сейчас Сенат

также продолжает в значительной степени ставить в затруднение правительство, но быстро тут ничего поделать нельзя, и похоже, что к Сенату в американском правительстве относятся с такой же осторожностью, как к болезненной опухоли.

Комментарии

- ^{1} Провинция Этиго, совр. преф. Ниигата (здесь и далее примечания переводчика).
- ² Институт Кайсэйдзё был основан ещё в эпоху правления сёгунов Токугава, в 1854 г. В то время Кайсэйдзё носил название Ёгагусё и выполнял преимущественно функции по сбору и анализу сведений о Западном мире и по переводу западных книг. В 1856 г. Ёгакусё переименовывается в Бансё сирабэсё, а окончательное название Кайсэёдзё получает в 1863 г. К тому моменту функции института значительно расширяются: фактически он выполняет исследования и подготовку современных кадров по всем основным направлениям западной науки. Существование Кайсэйдзё прекратил в 1877 г., став одной из базисных структур для формировавшегося в то время Токийского императорского ун-та.
- ³ Кидо Такаёси (1833–1877) крупнейший политически и государственный деятель конца эпохи Эдо и первой половины эпохи Мэйдзи. Кидо Такаёси родился в княжестве Тёсю в семье врача и, как подавляющее большинство самураев и интеллигенции этого оппозиционного сёгунам Токугава княжества, активно поддержал движение за свержение сёгунского правительства и реставрацию власти императора. Впрочем, Кидо был не просто рядовым сторонником Реставрации Мэйдзи, а её непосредственным вдохновителем и творцом: во многом именно его усилиями была создана коалиция оппозиционных княжеств Сацума и Тёсю, и во многом благодаря его управленческим и организаторским талантам новое правительство оказалось жизнеспособно. Кидо называют одним из Исин-но санкэцу, т. е. одним из трёх столпов Реставрации, наряду с Окубо Тосимити (1830-1878) и Сайго Такамори (1827-1877), которые и сформировали центр новой администрации и инициировали основные реформы по модернизации государства.
- ⁴ Сам по себе *томоэ* это знак, по форме напоминающий жирную запятую. Герб рода Саиондзи официально называется «трёхглавый левообращённый *томоэ*», и представляет из себя три подобные «запятые», заключённые в круг и обращённые «головами», т. е. самыми крупными частями по часовой стрелке, при этом «голова» одной «запятой» фактически упирается в «хвост» следующей, а весь рисунок, таким образом, напоминает водоворот.
- ⁵ Хякунин иссю одна из традиционных форм составления японских поэтических анталогий, при которой от каждого автора берётся по одному стихотворению (дословно «сто людей по одному стиху»). Хотя

всего подобных сборников было создано довольно много, наиболее известным среди них считается антология «Огура хякунин иссю», составленная крупным придворным поэтом, литератором и учёным Фудзивара-но Тэйка (1162–1241) По всей видимости, на одно из стихотворений этого сборника и ссылается Саиондзи.

- ⁶ Ямаути Ёдо (1827–1872) 14-й глава княжества Тоса (совр. преф. Коти). В канун произошедшей в 1867-68 гг. реставрации императорской власти (вошедшей в историю как Реставрация Мэйдзи) Ёдо проявил двойственную позицию, пытаясь, с одной стороны, защищать благоволившее к нему правительство Токугава, а, с другой, не испортить отношения со своими могущественными соседями — княжествами Сацума и Тёсю — и не остаться в стороне от общегосударственных политических процессов. Подобная двойственность послужила причиной шутливой поговорки, сложенной в то время про Ёдо: «выпив, ратует за императора, протрезвев, — защищает сёгунат». Во время войны с силами сёгуна Ёдо, формально поддержав проимператорские силы, отдал, тем не менее, своим войскам распоряжение соблюдать нейтралитет. Во многом именно подобный подход Ёдо обусловил второстепенное положение княжества Тоса после Реставрации. Сам Ёдо также не сыграл заметной роли в новом правительстве: примерно в течение года после Реставрации Ёдо занимает ряд должностей в администрации (например, председателя департамента внутренних дел), но уже в 1869 г. фактически покидает государственную службу, всецело отдаваясь своим любимым занятиям: выпивке, женщинам и стихосложению. Подобный образ жизни негативно сказался на здоровье Ёдо: в возрасте 46 лет он умирает от инсульта головного мозга, вызванного многолетним употреблением алкоголя.
- ⁷ Акидзуки Танэтацу (1833–1904) видный чиновник и деятель просвещения конца эпохи Эдо и эпохи Мэйдзи, личный преподаватель 14-го сёгуна Токугава Иэмоти (с 1863 по 1864 гг.) и императора Мэйдзи (с 1868 по 1873 гг.). В 1895 г. за активную службу в правительстве Мэйдзи и заслуги в формировании новой системы образования Акицуки назначается императорским указом в качестве депутата в Палату Пэров.
  - 8 Самоубийство путём вспарывания живота.
- ⁹ Омура Масудзиро (1824—1869) крупный военный и государственный деятель конца эпохи Эдо и начала эпохи Мэйдзи. Омура, будучи родом из княжества Тёсю, уже с 1860-х гг. активно выступал за реставрацию императорской власти, и в 1866 г., во время второй войны Тёсю с сёгунскими войсками, он принимает командование силами Тёсю на направлении княжества Ивами (совр. преф. Симанэ). В полной мере свой талант стратега Омура проявил во время войны Босин (1868–69), став одним из ключевых военачальников императорских войск на главном, Северо-восточном направлении борьбы с просёгунской коалиций княжеств. После победоносного окончания войны, окончательно утвердившего Реставрацию Мэйдзи, Омура, благодаря своим исключительным военным заслугам, занимает место в центре нового, Мэйд-

зийского правительства. Омура был несомненно одним из наиболее образованных и просвещенных людей в военной среде того времени: будучи признанным экспертом в военных науках, он считался также серьёзным учёным в таких областях, как медицина и «западные науки» (т. е. изучение западного мира). Омура часто называют отцом современных японских вооружённых сил, отчасти поскольку именно он возглавлял военное ведомство Японии сразу после Реставрации Мэйдзи формально Омура являлся лишь заместителем главы военного ведомства при принце крови Комацу-но Мия Акихито Синно (1846-1903) в качестве номинального главы), но главное — поскольку именно Омура первым выдвинул концепию создания единых общенациональных ВС в противовес системе, когда каждое княжество обладало своей армией. Однако начатую реформу Омура не успел довести до конца: 4 декабря 1869 г. его смертельно ранил радикал-консерватор, недовольный активной ломкой Омура самурайских порядков. Тем не менее, идею Омура о создании в Японии «крестьянского войска» (т. е. армии на основе всенародного призыва) воплотил в жизнь его преемник на посту военного лидера Японии, Ямагата Аритомо (1838-1922), и в 1873 г. в Японии была учреждена армия на основе всеобщей воинской повинности.

- 10 Вероятней всего, речь идёт о видном придворном вельможе и крупном государственном и политическом деятеле Огимати Сандзё Санэнару (1820-1909; после 1871 г. — Сага Санэнару). Санэнару происходил из древнего и знатного рода Огимати Сандзё, который выделился из северной ветви рода Фудзивара на рубеже XII-XIII вв., а также был кровными узами связан с императорским родом. Огимати Сандзё, как и многие другие знатные кугэ периода бакумацу (т. е. на заре правления сёгунов Токугава), был убеждённым сторонником движения Осэй фукко (дословно — восставление власти императора). Причём Огимати Сандзё являлся одним из лидеров этого движения, в частности, именно он в октябре 1867 г. передал оппозиционной коалиции Саттё (княжеств Сацума и Тёсю) тайный указ императора о свержении сёгунского правительства. Вполне естественным, таким образом, было назначение Огимати Сандзё в состав первого правительства, сформированного сразу же после Реставрации Мэйдзи, в качестве старшего советника (гидзё) в декабре 1867 г. В дальнейшем Огимати Сандзё продолжал занимать в новой администрации различные ответственные посты (от председателя департамента внутренних дел до главы ведомства по делам просвещения), однако уже в начале 1870-х гг. наметилась тенденция постепенного отхода его от активной государственной службы.
- ¹¹ Ивакура Томоми (1836–1883) крупнейший государственный деятель первой половины Мэйдзи. Ивакура, который, будучи представителем придворной аристократии, уже с 1850-х гг. активно вытсупал за повышение роли императорского двора в государственной жизни, был в числе главных лидеров Реставрации Мэйдзи и после разгрома сёгунских и вовращения верхоного суверенитета императору был одним из тех, кто встал во главе нового правительства. Именно

Ивакура возглавил известную миссию японского правительства, посетившую в 1871–1873 гг. большинство основных западных государств и ознаменовавшую собой новую эру во взаимоотношениях Японии с внешним миром. Ивакура сыграл немаловажную роль и в принятии первой японской Конституции: отнесясь вначале отрицательно к идее внедрения конституционной системе в Японии, он, тем не менее, на рубеже 1870–80-х гг. под влиянием мощных общественных движений изменил своё отношение и начал активно способстовать разработке проекта Конституции, которая была опубликована уже спустя 6 лет после его смерти.

¹² Окухара Сэйко (1837–1913; настоящее имя Окухара Сэцуко) — известная художница эпохи Мэйдзи, особенно прославившаяся своими портретами писателей и литераторов второй половины XIX в.

- ¹³ Сидзё Такаута (1828–1898) знатный придворный аристократ, а также крупный военный деятель конца эпохи Эдо и эпохи Мэйдзи. Такаута, бывший выходцем из древнего рода Сидзё, который являлся одним из ответвлений рода Северных Фудзивара и брал начало в XII в., относился к числу ярых противников сёгунского режима и являлся видным представителем широко распространённого в среде придворных аристократов движения Сонно дзёи (дословно — Уважение к императору и изгнание варваров), направленного на возвращение императору верховного суверенитета в вопросах внешней политики и прекращение всех связей с «варварским» Западом, угрожавшим, как утверждали активисты движения, безопасности и целостности Японии. Уже в 1858 г. Сидзё и ещё 87 единомышленников направили петицию императору с требованием пересмотреть императорское распоряжение о делегированию сёгунам внешнеполитических полномочий. В 1863 г. он снова был в составе группы 11 придворных, составивших аналогичную по содержанию петицию, и в том же году его вместе с шестью другими непримиримыми оппозиционерами выслали из Киото, лишив всех титулов. Сидзё нашёл убежище в княжестве Тёсю, где он принял прямое участие в подготовке свержения сёгуната и Реставрации Мэйдзи. Активную роль Сидзё сыграл и в непосредственных боевых действиях против сёгунских войск, в частности он возглавлял карательные силы на Юго-Западе о-ва Хонсю и на о-ве Сикоку, в провинции Муцу и др. районах. После завершения войны Сидзё избрал военную карьеру: получив в 1869 г. звание генерал-майора он последовательно назначается начальником гарнизонов в ряде крупнейших японских городов: Осака, Нагоя, Сэндай. В 1881 г. Сидзё производят в генерал-майоры. В 1884 г. император жалует ему титул графа, а в 1891 г. маркиза, и практически сразу же Сидзё назначается в Палату Пэров созванного в 1890 г. Парламента.
- ^{14} Имеется ввиду вторая война между Тёсю и правительственными войсками сёгуната в $1866\ \mathrm{r}.$
- 15 Сайго Такамори (1828–1877) один из лидеров Реставрации и руководителей раннего мэйдзийского правительства, названный за свои заслуги одним из «трёх столпов Реставрации». Немотря на то, что

во многом именно благодаря Сайго новое правительство появилось на свет, в 1873 г. Сайго покидает его и уходит в оппозицию, протестуя против отказа группы Окубо Тосимити от силового варианта решения «корейского вопроса», на котором настаивал он и его сторонники. В 1877 г. Сайго возглавил мощный самурайский мятеж на юге Кюсю, получивший в японской историографии название «Юго-западная война». После многомесячных тяжёлых боёв мятежная армия была разбита правительственными войсками, а сам Сайго покончил жизнь самоубийством в плену. Через некоторое время после смерти, однако, Сайго был реабилитирован и восстановлен в звании героя Реставрации.

16 Одна из главных улиц Киото, проходит от годзё (пятого городского проспекта) на юге до нидзё (второго проспекта) на севере.

17 По всей вероятности, имеется ввиду Мадэнокодзи Футисато (1848–1932) — заметный государственный деятель и выходец знатного аристократического рода Мадэнокодзи, ведущего своё происхождение с XIII в., от северной ветви рода Фудзивара. Футисато был старшим сыном видного придворного аристократа Мадэнокодзи Хирофуса (1824-1884), активного участника проимператорских движений Осэй фукко и Сонно дзёи в период бакумацу, впоследствии занимавшего ряд ответственных постов в новом правительстве (гидзё, председателя суда Киото, министра двора и др.) Любопытно, что судьба Футисато во многом схожа с Саиондзи, что, вероятно, может легко объяснить их дружеские отношения: являясь ровесниками, они оба также были наследниками знатных придворных родов, оба принимали непосредственное участие в реставрации императорской власти и отличились в войне с просёгунскими силами, так, Футисато во время войны Босин был начальником штаба карательных сил в северовосточных провинциях Дэва и Муцу. В 1871 г., в тот же год, что и Саиондзи, Футисато отправился на обучение в Европу. В 1875 г. он возвращается со стажировки и поступает на государственную службу, сначала в Министерство по делам промышленности, строительства и инфраструктуры, а потом в Министерство двора, где впоследтсвии он дослужился до камергера. В 1885 г. Футисато получает титул графа, а в 1892 г. становится членом Палаты Пэров от аристократии.

 ^{18} Покушение на Омура произошло 4 сентября ^{1869} г., однако умер он спустя ^{2} месяца — ^{5} ноября того же года.

19 Здесь речь идёт о знаменитой школе Кангиэн и одном из её ведущих преподавателей Хиросэ Сэйсон (1819–1884). Школа Кангинэн, из
которой за годы её существования (1805–1897) выпустилось около 4800
чел. была основана в городе Хида (в совр. преф. Оита) известным педагогом, крупным учёным и специалистом в области китаистики и
конфуцианства Хиросэ Тансо (1782–1856), о котором также упоминает
Саиондзи. В Кангиэн преподавался широкий спектр дисциплин: от
конфуцианства до естественных наук и медицины. Особенностью
Кангиэн было то, что в ней могли учиться на равных условиях все желающие, вне зависимости от возраста, просихождения и даже пола.
Благодаря этому подходу Кангиэн стала едва ли самой крупной по

числу учащихся частной школой за всю эпоху Эдо. Сэйсон (наст. имя Яно Хандзи) был приёмным сыном Хиросэ Тансо и после смерти последнего длительное время возгавлял школу, внеся важный вкалад в ёе успешное развитие.

- ²⁰ Младший советник в правительстве Мэйдзи.
- 21 Окубо Тосимити (1830-1878) один из творцов Реставрации Мэйдзи, вошедший наряду с Кидо Такаёси и Сайго Такамори в историю как один из Исин-но санкэци (трёх столпов Реставрации), и крупнейшая фигура в новом правительстве Мэйдзи. Окубо был лидером т. н. фракции Сацума в японском руководстве и непосредственно принимал участие во всех важнейших мероприятия начального этапа существования правительства Мэйдзи, таких как хансэки хокан (возврат земли и народа императору; 1869), введение системы префектур вместо княжеств (1871), введение всеобщей воинской повинности (1873) и т.д. В 1871 г. Окубо становится одним из руководителей миссии Ивакура Томоми, совершавшей вплоть до 1873 г. турне по западным странам. В 1873 г. Окубо основывает едва ли не самое влиятельное ведоство довоенной Японии — Мнистерство внутренних дел и становится его первым министром. Окубо был в числе тех, кто активно выступил против предпринятой в 1873 г. попытки организовать карательный поход в Корею (т.н. Сэйкан-рон), на котором настаивали его бывшие союзники по антисёгунской коалиции и соратники по государственной работе Сайго Такамори и Это Симпэй. По иронии судьбы позже Окубо придётся скрестить оружие со своими некогда близкими единомышленниками: именно Окубо возглавляет правительственные войска, подавившие мятежи поднятые Это в Сага (1874) и Сайго в Сацума (1877), в результате которых Это был казнён, а Сайго сделал сэппуку. На пике своей карьеры Окубо был убит радикально настроенным экс-самураем из Канадзава Симада Итиро, обвинившим его в «непатриотизме» и «мягкотелой» внешней политике.
- 22 Ито Хиробуми (1841-1909) крупнейший политический и государственный деятель эпохи Мэйдзи. Ито был родом из княжества Тёсю, и после реставрации в 1867 г. власти императора, в которой он принял активно участие, он занял видное место в новом правительстве. За свои способности Ито был высоко оценен тогдашними лидерами правительства Мэйдзи, Окубо Тосимити (1830-1878) и Ивакура Томоми (1825-1883), и вскоре сам стал одной из центральных фигур в государстве. Именно Ито в 1881 г. было поручено разработать проект Конституции, и позднее он был назначен председателем специально созданного для подготовки Конституции Тайного совета при императоре, таким образом не будет преувеличением назвать Ито главным архитектором довоенной политической системы Японии. Вполне логичным выглядело и то, что именно Ито выпала честь возглавить в 1885 г. первый японский кабинет министров. В дальнейшем Ито усановит своего рода рекорд по числу раз, когда он занимал кресло премьера: он сформировал 4 кабинета (1885-88, 1892-96, 1898, 1900-01). Несмотря на то, что Ито был, пожалуй, наиболее влиятельным гэнро (политических

старейшин и пожизненных советников императора) и, соответсвенно, одним из самых авторитетных политических олигархов, постепенно он приходит к мысли о привлечении новых политических сил, которые олицетворяли стремительно укреплявшиеся в конце XIX в. политические партии, к управлению государством с целью достижения сбалансированного функционирования государственного аппарата. В начале XX в., однако, Ито попадает в определённую политическую изоляцию, и его влияние заметно снижается, поскольку его поддержка политических партий испортила его отношения с другими олигархами, а для самих партий он так и не сумел стать «своим» человеком. Однако благодаря своему авторитету, а также чрезычайно тесным связям с императором, необыкновенно сильным доверием и уважением со стороны которого Ито пользовался, он до конца жизни занимал ведущие роли в государстве. Так, с 1905 по 1909 гг. Ито является генерал-губернатором Кореи. Считается, что убийство Ито корейским патриотом в 1909 г. стало сильным ударом для императора Мэйдзи, пережить который он так до конца и не сумел.

²³ Курода Киётака (1840–1900) — крупнейший политический и государственный деятель эпохи Мэйдзи. Курода, будучи потомственным самураем из Сацума, активно поддержал свержение режима сёгунов и стал одним из самых деятельных командиров во время войны Босин, находясь на передовой фактически с первого до последнего дня (от битвы при Тоба-Фусими в январе 1868 г. до взятия Хакодатэ в апреле 1869 г.) В правительстве Мэйдзи Курода первоначально курирует вопросы колонизации и развития Хоккайдо и Сахалина, а после смерти Окубо Тосимити в 1878 г. Курода фактически становится главой политического клана Сацума в японском руководстве. В 1887 г. Курода становится министром сельского хозяйства в 1-м кабинете Ито Хиробуми (1885–88), а в 1888 г. сам встаёт во главе правительства. Наиболее значительным событием за время премьерства Курода (апрель 1888 октябрь 1889 г.) стало опубликование 11 февраля 1889 г. 1-й японской Конституции, известной в историографии как Конституция Мэйдзи. На следующий день после опубликования Конституции Курода выступил с исторической речью, заявив о недопустимости парламенсткого и партийного влияния на деятельность правительства и заложив тем самым основы политики «трансцендентности» (надпартийности) японского рудоводства, которая на долгие годы фактически предопределит основное содержание внутриполитической борьбы в Японии. Примерно в то же время Курода становится гэнро и восходит на высшую возможную ступень карьеры государственного деятеля. Хотя кабинет Курода пал в результате серьёзного скандала (неудача на переговорах с западными державами по вопросу отмены неравноправных договоров 1850-х гг. спровоцировала мощную волну критики, а министр иностранных дел Окума Сигэнобу был тяжело ранен в результате покушения националистов), сам Курода продолжает занимать высшие должности в японском руководстве: советника Тайного (1889-1892), министра связи и коммуникаций (1892-1896), а с 1896 г. и

вплоть до самой смерти Курода является председателем Тайного Совета.

²⁴ Мацуката Масаёси (1835–1924) — один из творцов Реставрации и лидеров правительства Мэйдзи, а также одна из центральных фигур в политическом клане Сацума. Особым влиянием Мацуката пользовался в финансовых и деловых кругах Японии, и при формировании в 1885 г. первого японского кабинета министров более чем логичным выглядело его назначение на пост министра финансов, который он бессменно занимал вплоть до 1898 г. Дважды Мацуката сам становился премьер-министром и формировал правительство (в 1891–92 и 1896–98 гг.) и наряду с Ито, Ямагата, Курода и Иноуэ считался наиболее влиятельным среди гэнро.

²⁵ Сайго Цугумити (1843–1902) — крупнейший военный, политический и государственный деятель эпохи Мэйдзи, младший брат Сайго Такамори (1828-1877). На рубеже 1850-60-х гг. Цугумити — во многом под влиянием старшего брата — активно подключился к охватившему всё княжество Сацума движению Сонно дзёи, причём к его наиболее радикальному крылу. Цугумити, в частности, принимает участие в вооружённом столкновении между силами Сацума и Британским флотом (т. н. Англо-сацумская война августа 1863 г.) Во время битвы при Тоба-Фусими, которая положила начало войне Босин, Цугумити, сражавшийся на стороне проимператорских сил, получает тяжёлое ранение. После войны Цугумити отправляется на стажировку в Европу и по возвращении поступает на службу в военной министерство. Во время политического кризиса 1873 г. Цугумити встаёт на сторону правительства и фактически порывает отношения с Такамори, демонстративно покинувшим правительство. Более того, в 1877 г. Цугумити принимает непосредственное участие в командовании армией, разгромившей мятежные войска его старшего брата. На следующий год Цугумити, будучи уже в чине генерал-лейтенанта (с 1874 г.), впервые получает министерский портфель — сначала министра образования, а затем военного министра и министра сельского хозяйства. В 1885 г. Цугумити становится военно-морским министром в 1-м кабинете Ито Хиробуми (1885-88) и несмотря на частые смены кабинетов остаётся в должности вплоть до 1890 г. (в кабинетах Курода Киётака и 1-м кабинете Ямагата Аритомо). В 1890 г. в рамках кабинета Ямагата он переводится с поста военно-морского министра на пост министра внутренних дел, однако в мае 1891 г. подаёт в отставку в связи с покушением в городе Оцу на цесаревича Николая. Впрочем, отсутствие Цугумити в правительстве было недоглгим: уже в 1893 г. Ито Хиобуми включает его в свой 2-й кабинет в качестве военно-морского министра и Цугумити удаётся сохранять этот портфель на протяжении 4 кабинетов — до 1898 г. (2-й кабинет Ито, 2-й кабинет Мацуката Масаёси, 3-й кабинет Ито, 1-й кабинет Окума Сигэнобу). За это время Цугумити производится в адмирала (1894), а также получает титул маркиза в качестве признания его вклада в победу Японии в японо-китайской войне 1894-95 гг. В 1898 г., при формировании 2-го кабинета Ямагата, Цугумити в последний раз получает министреский портфель (до 1900 г.), на этот раз министра внутренних дел, и в том же году ему присваивается высшее военно-морское звание генерал-адмирала. Примерно во второй половине 1890-х гг. Цугумити причисляется к узкой когорте гэнро — пожизненных советников императора, что является вершиной его государственной и политической карьеры.

²⁶ 3-6 января 1868 г., первое сражение войны Босин, в ходе которого проимператорские силы наголову разгромили двигавшиеся на Киото и превосходящие по численности войска сторонников сёгуна.

²⁷ Сандзё Санэтоми (1837–1891) — крупнейший политический деятель и придворный конца периода Токугава и первой половины Мэйдзи. Будучи одним из высокопоставленных придворных, Сандзё принял самое деятельное участие в реставрации императорской власти, фактически возглавив придворную оппозицию сёгунам, и после свержения сёгуната стал одним из лидеров нового правительства. За короткий срок Сандзё прошёл путь от гидзё, старшего советника в правительстве (1868) до дадзёдадзин, председателя государственного совета (1871), причём в этой должности он оставался вплоть до 1885 г., когда в Японии была введена система кабинета министров по европейскому образцу. В первый японский кабинет (1-й кабинет Ито, 1885–1888) Сандзё вошёл в качестве министра внутренних дел, а с октября по декабрь 1889 г. (в промежутке между кабинетом Курода Киётака и Ямагата Аритомо) сам временно исполнял обязанности премьера.

28 Имеется ввиду судьбоносный для Японии Совет глав крупнейших княжеств и лидеров придворной аристократии, состоявшийся 9-10 декабря 1867 г. в Малом Императорском дворце (на территории Императорского дворца в Киото) сразу после провозглашения в первой половине дня 9 декабря Указа о восстановлении императорской Власти (осэй фукко дагорэй). На Совете обсуждались такие ключевые вопросы, как принципы организации нового правительства и формат участия в нём экс-сёгуна. По началу на Совете возобладала точка зрения сторонников включения бывшего сёгуна в руководящий состав нового правительства — с этой инициативой выступил глава княжества Тоса Ямаути Ёдо, заявивший, что без участия сёгуна восстановление у власти малолетнего императора — не более чем бунт меньшинства. Однако в конечном счёте победила позиция сторонников полной ликвидации сёгуната и безоговорочного отстранения экс-сёгуна от власти, которую наиболее последовательно остаивал Ивакура Томоми. Ивакура также поддержал Сайго Такамори, командовавший отрядом дворцовой охраны, который даже пригрозил в случае дальнейшего упорства Ёдо «решить проблему одним взмахом короткого меча». Таким образом уже утром 10 декабря Совет постановил сформировать правительство без экс-сёгуна, полностью лишить того власти и конфисковать наследственные земли Токугава.

²⁹ Токугава Ёсинобу (1837–1913) — 15-й и последний сёгун из рода Токугава. Ёсинобу стал сёгуном после смерти 20 июля 1866 г. 14-го сёгуна Токугава Иэмоти, однако уже 9 ноября 1867 г. под давлением

оппозиции сёгунскому режимму он был вынужден подписать своё отречение от верховной власти в пользу императора. После этого Ёсинобу удалился в Осакский замок, где попытался повлиять на судьбу нового правительства, с тем чтобы он сам, а также чиновники сёгуната могли занять в нём господствующее положение. После того как подобные попытки Ёсинобу потерпели неудачу, а также после полного поражения его сторонников в ходе войны Босин Ёсинобу смирился с потерей власти и, получив высший титул князя и солидное правительственное жалование, спокойно жил, не вмешиваясь во внутреполитические процессы.

30 Имеется в виду т.н. называемый инцидент в Акаксака Куитигаидзака (Акасака Куитигаидзака-но хэн). 14 января группа недовольных и радикально настроенных экс-самураев из княжества Тоса совершила покушение на занимавшего тогда пост правого министра Ивакура Томоми и нанесла ему ранение в ногу. По всей видимости, причиной недовольства стала твёрдая позиция Ивакура относительно планов военной экспедиции в Корею (Ивакура категорически возражал против этого), вынудившая ряд правительственных лидеров перейти в оппозицию в 1873 г. В числе покинувших правительство в 1873 г. был и наиболее известный политик из Тоса — Итагаки Тайсукэ, что, возможно, объясняет состав группы, напавших на Ивакура. Через некоторое время неудавшиеся убийцы — 9 человек — были арестованы и казнены, подозрения пали и на самого Итагаки, однако прямых доказательств его причастности найдено не было.

31 Франция стала одним из пунктов посещения представительной миссии Ивакура Томоми (1871–1873), ставившей целью улучшения отношений с западными странами и сбор информации о Западе в целом. Одной из приоритетных задач миссии было также попытаться добиться пересмотра неравноправных договоров, которые были навязаны Японии западными странами в 1850-е гг. Эти договоры, известные как Ансэйские — по эре Ансэй (1854–1859), во время которой они и были заключены — предусматривали ряд унизительных для Японии положений, таких как право экстерриториальности западных граждан, лишение Японии таможенного суверенитета и др. Пересмотр договров стал для Японии одной из главных внешнеполитических задач всей эпохи Мэйдзи, и окончательно добиться отмены дискриминационных положений Японии удалось только к 1911 г.

32 Ивакура Томосада (1851–1910) — государственный деятель эпохи Мэйдзи, 3-й сын Ивакура Томоми. Томосада был активным участником войны за свержение сёгуната, командуя карательными силми в различных проблемных районах, прежде всего в северо-восточных провинциях Дэва и Муцу. С января 1870 по май 1872 г. Томосада проходит стажировку в США и по возвращении сразу же поступает на государственную службу. В 1882 г. он, как и Саиондзи Киммоти, отправляется в Европу в составе делегации Ито, уполномоченной собрать материал для подготовки проекта японской конституции. С 1884 г. Томосада становится главой рода Ивакура и наследует высший титул князя. В

1890 г., сразу после открытия Парламента, он поступает в Палату Пэров как представитель аристократии, в 1892 г. назначается советником Тайного Совета, а с июня 1909 г. и вплоть до смерти в апреле 1910 г. занимает пост министра двора.

- 33 Газета «Восточная свобода».
- ³⁴ Вероятно, имеется ввиду Мори Мотонори (1839–1896) 15-й (и последний) глава княжества Тёсю (1869–1871). После того как новое правительство, стремясь усилить централизацию власти, упразднило в 1871 г. княжества и ввело систему префектур, Мотонори переезжает в Токио и в 1877 г. назначается председателем государственного 15-го Банка. Со временем Мотонори получает высший титул князя, а после созыва в 1890 г. Парламента становится членом Палаты Пэров.
- 35 15-й Банк был учреждён по распоряжению Ивакура Томоми (1825–1883) 21 мая 1877 г. Создание банка стало возможно благодаря т. н. «упорядочиванию жалований», т. е. отмене жалований и прочих выплат знати, в качестве единовременных компенсаций за которые были выпущены государственные облигации. Данные облигации, выданные представителям аристократического сословия, и стали основным капиталом 15-го Банка, который в обществе из-за этого получил неофициальное название «Банк Аристократии». Данный банк пользовался крайне высокой репутацией и выполнял также функции своего рода «императорского банка», поскольку именно в нём хранились основные средства Министрества двора. В 1897 г., спустя ровно 20 лет после учреждения, истёк срок функционирования 15-го Банка в качестве государственного, и было произведено его акционирование.
- ³⁶ Мацуда Масахиса (1845–1914), один из крупнейших партийных политиков конца XIX начала XX вв. Мацуда был одним из активистов Дзию минкэн ундо (мощного оппозиционного движения «За свободу и народные права») и зачинателей партийного движения в Японии. С момента создания в 1881 г. первой японской партии Дзиюто (буд. Сэйюкай) возглавлял одну из её крупнейших фракций Кюсю ха. После образования в 1900 г. Сэйюкай стал одной из центральных фигур в партии, наряду с Саиондзи Киммоти и Хара Такаси. Министр финансов в кабинете Окума Сигэнобу и Итагаки Тайсукэ (1898), министр просвещения в 4-м кабинете Ито (1900–01), министр юстиции в обоих кабинетах Саиондзи (1906-08 и 1911–12) и в 1-м кабинете Ямамото Гоннохёэ (1913–14).
- ³⁷ Накаэ Тёмин (1847-1901) крупный публицист, литератор и просветитель периода Мэйдзи. Накаэ был одним из лидеров левого крыла Движения за свободу и народные права. Его прогрессивные взгляды в частности, признание права народа на восстание снискали ему славу «Восточного Ж. Ж. Руссо».
- ³⁸ Касивада Морибуми (1851–1910) политик эпохи Мэйдзи, снискавший славу борца за народные права. Окончив в 1879 г. Кэйо гидзюку (совр. Ун-т Кэйо), Касивада вернулся в свою родную преф. Кагосима, где был избран депутатом законодательного собрания префектуры и стал его председателем. Касивада активно поддержал Движение за

свободу и народные права, а также сыграл заметную роль в развитии партийного движения в Японии: после образования Дзиюто Касивада становится секретарём этой партии. На рубеже XIX–XX вв. Касивада последовательно занимает ряд отвественных постов в правительственных структурах: губернатора преф. Тиба, зам. министра образования (во 2-м кабинете Ямагата), губернатора преф. Ибараги и Ниигата. К числу заслуг Касивада следует отнести и его просветительскую деятельность: помимо активного участия в газете «Тоё дзию» он, в частности, был первым ректором 4-й Высшей школы (совр. Ун-т Канадзава).

³⁹ Таким обобщённым термином в то время называли всех, кто так или иначе принимал участие в оппозиционном правительству Движении за свободу и народные права (Дзию минкэн ундо) середины 1870-х — первой половины 1880-х гг.

⁴⁰ Речь идёт о Токудайдзи Санэцунэ (1839–1919). Род Токудайдзи являлся одним из древнейших в Японии и вёл происхождение от Северной ветви рода Фудзивара, от четвётого сына Фудзивара Киндзанэ, и был тесно связан с двумя другими аристократическими родами — Саиондзи и Сандзё. Токудайзди Санэцунэ был видным придворным сановником. За длительную службу при императоре Мэйдзи в качестве обер-камергера двора, министра двора и министра-хранителя печати ему был пожалован титул маркиза. Младший брат Санэцунэ — Киммоти был в детстве принят домом Саиондзи в качестве приёмного сына, таким образом, Санэцунэ приходился Саиондзи Киммоти родным старшим братом.

41 Хидзиката Хисасимото (1833–1918) — политический и государственный деятель. Хидзиката был родом из Тоса и в период Реставрации Мэйдзи встал на сторону антисёгунской коалиции. После реставрации Хидзиката последовательно занимал ряд высоких постов в новом правительстве: министра двора, советника двора, советника Тайного Совета, председателя государственной академии Кокугакуин (совр. Ун-т Кокугакуин) и т.д. За свои заслуги получил титул виконта.

42 Иноуэ Каору (1836-1915) — крупнейший политический и государственный деятель периода Мэйдзи, один из самых влиятельных, после Ито Хиробуми и Ямагата Аритомо, среди гэнро. Особенно сильным влияние Иноуэ Каору было в финансовых кругах (так, Иноуэ являлся высшим советником корпорации Мицуи), и он считался главным «специалистом по финансовым вопросам» среди высшего японского руководства. Одной из особенностей государственной карьеры Иноуэ было то, что он, несмотря на частое вхождение в те или иные кабинеты (министр иностранных дел в 1885-87 гг. в 1м кабинете Ито, министр с/х и торговли в кабинете Курода Киётака в 1888-89 гг., министр внутренних дел во 2-м кабинете Ито Хиробуми в 1892-96 гг. и министр финансов в 3-м кабинете Ито в 1898 г., министр иностранных дел в 1-м кабинете Окума Сигэнобу в 1898 г.), ни разу сам не вставал во главе правительства: единственная попытка Иноуэ сформировать кабинет в 1901 г. закончилась провалом из-за противодействия Ямагата Аритомо и Кацура Таро. Иноуэ был близким соратником и личным другом Ито Хиробуми, с которым они составляли своего рода стержень гражданского крыла в политическом клане Тёсю. Более того, Иноуэ был фактически единственным среди высшего политического истеблишмента Японии, кто поддерживал планы Ито по созданию политической партии как парламентской опоры павительства: с подобным предложением он выступил ещё в начале 1890-х гг.

43 Такэкоси Ёсабуро (1865–1950) — журналист, историк, политик, творческий псевдоним — Санса. Окончив Кэйо гидзюку (совр. Ун-т Кэйо), Такэкоси поступает в газету «Дзидзи-симпо» и начинает журналистскую карьеру. Через некоторое время Такэкоси знакомится с крупным публицистом Токутоми Сохо (1863-1957) и начинает активно сотрудничать в издаваемой им «Кокумин-симбун». За время работы в этой газете Такэкоси пишет ряд исторических работ — «Кромвель» (1890), «Син-Ниппонси» (1891-92), в которых демонстрирует либеральные взгляды, усиливая тем самым свою репутацию оппозицилонного власти обозревателя. После японо-китайской войны мнения Такэкоси и Токутоми, который всё больше склоняется во взглядах к национализму и консерватизму, расходятся, и в 1896 г. Такэкоси покидает «Кокумин-симбун». Вскоре после этого по рекомендации Саиондзи он становится ведущим журналистом в либеральном журнале «Сэкай-но Нихон», и с этого момента между ним и Саиондзи начинается тесное сближение. Так, в 1900 г., после формирования 4-го кабинета Ито (1900–1901), в котором Саиондзи занимает пост министра образования, Такэкоси получает должность секретаря Саиондзи. Это назначения становится отправной точкой карьеры Такэкоси как политика. В это же время он вступает в партию Сэйюкай, а в 1902 г. избирается депутатом Парламента от преф. Ниигата, переизбираясь в дальнейшем 5 раз подряд. После неудачи на выборах 1915 г. (на которых Сэйюкай столкнулась с серьёзным правительственным давлением) Такэкоси сосредотачивается на публицисткой деятельности. Хотя из мира политики он не уходит (так, в 1922 г. он становится членом Палаты Пэров, а в 1940 г. совеником Тайного Совета) именно литературной работе он посвящает основное время. В частности, Такэкоси пишет 8-томную «Нихон кэйдзайси». Перу Такэкоси принадлежит также одна из наиболее известных биографий Саиондзи — «Тоанко» (1930).

44 По всей видимости, речь идёт об Арисугава-но Мия Тарухито Синно (1835–95) — принце, члене императорской фамилии, который был видным политическим, государственным и военным деятелем. Род Арисугава-но Мия являлся одной из ветвей императорского рода и был основан в 1625 г. седьмым сыном императора Гоёдзэй (1571–1617) — Ёсихито Синно. Тарухито был девятым (и предпоследним) главой рода Арисугава-но Мия. Тарухито принял непосредственное участие в реставрации императорской власти в 1867 г. и сыграл значимую роль в становлении правительства Мэйдзи, в котором сразу же после его формирования занял высшую должность сосай (председателя). Тарухито был главнокомандующим в ходе боевых действий против просёгунских войск на Северо-Востоке и к числу его заслуг, в частности, относится бескровное взятие замка Эдо в апреле 1868 г. После озна-

комительной поездки по Европе (1869–1870) Тарухито вновь занимает видное место в политической жизни Японии, последовательно занимая должности главы военного департамента, губернатора преф. Фукуока, председателя Гэнроин (аналога палаты сенаторов). В 1877 г. он возглавляет военную кампанию по подавлению мятежа Сайго Такамори (1828–1877), по иронии судьбы скрестив тем самым мечи со своим бывшим союзником и ближайшим помощником (в ходе войны Босин Сайго был начальником штаба Тарухито). Арисугава-но Мия Тарухито имел большое влияние на императора Мэйдзи и пользовался его колоссальным доверием, так, именно его в 1882 г. император Мэйдзи послал в Санкт-Петербург на коронацию Александра III в качестве представителя японского двора.

- ⁴⁵ Вероятно, имеется ввиду рескрипт 1875 г., в котором император обещал постепеное введение конституционного правления.
- ⁴⁶ Саиондзи использовал термин *сидзоку*, что подразумевает представителей бывшего самурайского сословия.
- ^{47} «Сочинения восьми мудрецов» сборник классических текстов восьми крупнейших китайских мыслителей и учёных эпохи Тан (618–907) и Сун (960–1279).
- ⁴⁸ Мацудзава Кюсаку (1855–87) активист Движения за свободу и народные права. Мацудзава был сыном крестьянина из провинции Синано. Переехав в Токио, он знакомится с двумя крупными партийными деятелями, Ои Кэнтаро (1843–1922) и Мацуда Масахиса, и некоторое время обучается в основанной ими Юридической академии. Позже Мацудзава работал главным редактором в ряде либеральных изданий, в частности, «Мацумото симбун», а после основания «Тоё дзию-симбун» стал начальником типографского отдела этой газеты. Описываемое Саиондзи протестное воззвание Мацудзава послужило причной ареста последнего. После освобождения Мацудзава некоторое время работал депутатом префектурального собрания Нагано, однако в 1887 г. он вновь попадает в тюрьму, где и умирает от туберкулёза в возрасте 33 лет.
- ⁴⁹ Дзиюто (Либеральная партия) первая полноценная политическая партия в истории Японии. Партия была образована в 1881 г., и первым её председателем стал Итагаки Тайсукэ (1837–1919). Партия просуществала до 1898 г., и за это время стала крупнейшей в стране политической партией.
- 50 Иноуэ Коваси (1843–1895) видный чиновник и политик второй половины XIX века. Поступив в 1871 г. на службу в Министерство юстиции, Иноуэ быстро завоёвывает уважение у Окубо Тосимити (1830–1878) и других руковолителей правительства. В 1877 г. Иноуэ становится секретарём Великого государственного совета (Дадзёкан правительственной струкруры, предшествовавшей введённому в 1885 г. кабинету министров), а несколько позже к ней добавлется должность секретаря Министерства внутренних дел (вероятно, именно эти должности Иноуэ имел ввиду Саиондзи Киммоти, когда упоминал о нём в автобиографии). В 1881 г. Ито Хиробуми привлёк Иноуэ к участию в составлении кон-

ституции Мэйдзи, а в 1890 г. Иноуэ стал одним из соавтров при подготовке текста императорского рескрипта об образовании; активное участие в разработке этих двух важнейших документов стало самым заметным достижением Иноуэ как государственного деятеля. В 1890 г. Иноуэ назначается советником Тайного Совета при императоре, а в 1893 г. получает протфель министра образования во 2-м кабинете Ито Хиробуми. Незадолго до своей смерти в 1895 г. Иноуэ получает в качестве признания за заслуги перед государством титул виконта.

- 51 Вероятно, Иноуэ при составлении докладной записки допустил ошибку, перепутав имена автора скандального обращения Мацудзава и основателя газеты Мацуда.
- ⁵² Вероятно, речь идёт о работе Такэкоси Ёсабуро «То̂анко» 1930 г. (издательство Собункаку). Имеется также издание 1933 г. под названием «То̂анко̂: Саиондзи Киммоти дэн». Тоан творческий псевдоним Саиондзи Киммоти.
- ⁵³ Сансин псевдоним Коидзуми Сакутаро (1872–1937), записавшего данную беседу с Саиондзи.
  - 54 Княжество на территории современной преф. Кумамото.
- 55 Такэдзоэ Синъити (1842–1917) дипломат, крупный китаевед, пользовавшийся авторитетом в научных кругах как Японии, так и Китая, а также доктор наук в области литературоведения и лауреат литературной премии Императорского научного общества.
- 56 Мацуда Митиюки (1839–1882) чиновник конца периода Токугава и первой половины эпохи Мэйдзи. Мацуда поддержал движение за свержение сёгуната, и после Реставрации он последовательно назначается на различные ответственные посты в новой администрации, благодаря солидному опыту государственной работы довольно быстро дослужившись до секретаря Министрества внутренних дел и Дадзёкан (1877). В 1879 г. Мацуда назначили губернатором Токио, и в этой должности он оставался до своей смерти. За время губернаторства Мацуда принял ряд мер по модернизации и улучшению города, так, при его активной поддержке в 1881 г. в Токио прошла 2-я Всеяпонская промыленная выставка, и примерно в это же время в Уэно был открыт ряд музеев и городской зоопарк. Скончался Мацуда на рабочем месте в возрасте 44 лет.
- ⁵⁷ Остров Хатидзёдзима расположен в 290 км к югу от Токио и административно входит в столичную префектуру.
- 58 Имеется в виду книга политика и историка Ито Тию (1867–1938) «Кайкэцу дэн» («Биографии героев нашего времени»), выходившая в разных редакциях и у различных издательств. Возможно под «Второй биографией» подразумевается вторая редакция книги, вышедшая в издательстве «Тюсэйдо» в 1926 г.
- ^{59} Имеется в виду «Саиондзи Киммоти дэн» Сираянаги Сюко (1884—1950), вышедшая вв 1929 г в Токийском издательстве «Нихон хёронся».
  - 60 О Накагава Кодзюро см. в разделе 5 главы «Став гэнро».
  - 61 Китайский мудрец, живший предположительно в 370-301 гг. до н. э.

- 62 Вероятно, имеется в виду 63-томная «Гэндай Ниппон бунгаку дзэнсю», издававшаяся «Кайдэо̂ся» в 1927–31 гг.
- ⁶³ Китайская поэтическая антология «Классика поэзии» (существуют также другие переводы названия антологии: «Книга песен» или «Книга од»), включающая 305 стихов, датируемых XI–VI вв. до н. э. «Ши Цзин» была канонизирована династией Хань (206 г. до н. э. 220 г. н. э.) как одна из «Уцзин» (пяти классик).
- ^{64} Санги государственный советник, одна из высших должностей в правительстве Мэйдзи.
- ^{65} Сонин назначемый императором чиновник 1-го номенклатурного ранга.
- ⁶⁶ Тёкунин назначаемый императором чиновник высшего номенклатурного ранга.
- 67 В 1882 г. Ито Хиробуми было поручено проработать проект конституции Японии. Тогда же было решено направить под его началом делегацию в турне по европейским странам с целью знакомства с европейским конституцуионным опытом, а Саиондзи как человек, имевший большие познания о Западе, был включён в состав делегации Ито.
- ⁶⁸ Торжественная церемония учреждения Сэйюкай прошла в гостинице «Империал» 15 сентября 1900 г. Создание Сэйюкай явилось логичным воплощением тех планов по созданию крупной правительственной партии, которые Ито вынашивал с начала 1890-х гг. Ито хотел объединить в рамках одной мощной партии основные сегменты политической жизни страны с тем, чтобы превратить политические партии из оппозиционной правительству силы в ответственный субъект власти, который помогал бы правительству осуществлять эффективное управление страной. Создание данной партии во главе с Ито сыграло заметную роль в деле утверждения партийной политики в довоенной Японии.
- ⁶⁹ В тексте было употреблено разговорное и почти не встречающееся в настоящее время слово *вагахай*, именно его, по утверждению редактора Кимура, редко использовал в речи Саиондзи.
- ⁷⁰ Дословно название усадьбы переводится как «Сороконожка». Такое название должно было говорить о подчёркнутой скромности владельца.
- 71 Хара Такаси (1856–1921) крупнейший государственный и политический деятель начала ХХ в. Как политик Хара впервые громко заявил о себе в 1900 г., когда Ито Хиробуми включил его в число руководителей новообразованной Сэйюкай. Хара оказался чрезвычайно искуссным партийным полтиком, и уже к середине 1900-х гг. он фактически становится главой партии. Благодаря умелым политическим манёврам Хара удаётся дважды (1906–08, 1911–12) добиться для Саиондзи Киммоти, председателя Сэйюкай, права сформировать кабинет министров, и в обоих кабинетах Хара занимает ключевой пост министра внутренних дел. В 1913 г. Хара вновь получает портфельминистра внутренних дел, на этот раз в 1-м кабинете адмирала Ямамото Гоннохёэ (1913–14). В 1918 г. Хара, официально к тому времени сменивший окончательно отошедшего в 1914 г. от дел партии Саиондзи,

приводит Сэйюкай к власти и формирует первый в истории Японии подлинный партийный кабинет, просуществовавший вплоть до трагической гибели Хара в 1921 г. Несмотря на многочисленные политические компромиссы Хара с антипартийными силами и на граничащую с консерватизмом осторожность в деле осуществления политических реформ, неоспоримой представляется его огромная роль в усилении партии Сэйюкай и прогрессе партийной и парламентской политики в целом.

- ⁷² Имеется ввиду видный дипломат и государственный деятель Японии конца XIX в. Муцу Мунэмицу (1844–1897), бывший патроном и близким другом Хара.
  - 73 В тексте использован термин сому иин.
  - 74 В тексте использован термин сэмму.
- ⁷⁵ Возможно, речь идёт о разразившемся в декабре 1900 г. скандале с получением взяток членами Токийского муниципального собрания, председателем которого был Хоси Тору. Подозрения в коррупции пали и на самого Хоси, и хотя доказательств представлено не было, он был вынужден уйти с поста министра связи, чтобы не повредить репутации недвано сформированного кабинета.
- ⁷⁶ Хоси Тору (1850–1901) крупный политический деятель, один из руководителей бывшей Дзиюто и, несомненно, один из наиболее способных партийных лидеров того времени. Образование Сэйюкай стало возможно во многом благодаря именно его усилиям, таким образом вполне логичным выглядело включение Хоси в сформированный сразу после образования партии 4-й кабинет Ито Хиробуми в 1900 г. в качестве министра связи и коммуникаций.
- 77 Ватанабэ Коки (1848–1901) видный врач, учёный и политик эпохи Мэйдзи. В 1885 г. стал губернатором столичной префектуры Токио, а в 1888 г. первым ректором Токийского императорского университета. В 1900 г. принял активное участие в формировании Сэйюкай.
- ^{78} В 1901 г. Хоси был убит радикалом, обвинившим его в использовании «грязных политических методов».
- 79 Ямагата Аритомо (1838-1922) крупнейший политический, государственный и военный деятель, дважды возглавлявший кабинет министров (1889–91, 1898–1900). Выходец из княжества Тёсю, Ямагата активно поддержал реставрацию Мэйдзи, после которой сразу занял заметное место в новом правительстве. Свои способности и энергию Ямагата направляет главным образом на реформирование японской армии по западному образцу, в частности, к числу его заслуг следует отнести введение воинской повинности. Таланты Ямагата не остались незамеченными: уже в 1883 г. он возглавляет министрество внутренних дел. За время пребывания в должности Ямагата проводит ещё одну важную реформу — внедряет сложную систему местного самоуправления, призванную укрепить централизованную власть и навести порядок в стране, охваченной выступлениями сторонников Движения за свободу и народные права. В это же время Ямагата становится одним из наиболее влиятельных политиков в стране. Наряду с Ито Ямагата являлся самым авторитетным из гэнро, а образованная им политиче-

ская группировка, в которую вошли наиболее переспективные и талантливые представители как армии, так и гражданской бюрократии, на долгое время стала едва ли не наиболее мощной политической силой в стране и во многом благодаря ней Ямагата вплоть до своей смерти оставался на первых ролях в государстве. Ямагата также можно назвать наиболее консервативным среди представителей высшего японского руководства, так, он до последнего противился усилению политических партий и настаивал на принципе «надпартийных» правительств. Борьбу с партиями Ямагата и его последователи считали одним из своих приоритетов, а сближение Ито с партийными полтиками перевело того в разряд непримиримых противников Ямагата. Например, отставка 2-го кабинета Ямагата, о которой идёт речь в автобиографии, была предпринята им именно с целью затруднить Ито формирование стабильного кабинета на базе Сэйюкай.

80 Ватанабэ Кунитакэ (1846–1919). Поддержав Реставрацию Мэйдзи, Ватанабэ сделал успешную карьеру в новом правительстве, прежде всего министерстве финансов, которое он возглавил во время 2-го кабинета Ито (1892–96). Ватанабэ стал одной из центральных фигур при создании Ито Сэйюкай, что позволило ему вновь занять пост министра финансов в 1900 г. Однако чрезмерные амбиции и самомнение Ватанабэ, как показывает Саиондзи, привели к кризису 4-го кабинета Ито и окончанию правительственной карьеры самого Ватанабэ.

- 81 Танака Мицуаки (1843–1939) крупный политик и государственный деятель. Будучи самураем из Тоса, Танака принял активнейшее участие в Реставрации Мэйдзи и последовавшей за ней войне с просёгунскими войсками. После Реставрации занимал ряд ответственных постов в новом правительстве, например, в 1885 г. Танака стал главным секретарём 1-го кабинета министров Японии. С 1898 по 1909 являлся министром двора.
- 82 Тайный Совет при императоре был создан в 1888 г. для подготовки и согласования проекта Конституции. После принятия Конституции, тем не менее, Совет не был упразднён, а, напротив, стал одним из центральных государственных органов. Все ключевые вопросы внутренней и, как правило, внешней политики требовали одобрения со стороны Тайного Совета, председателем которого становились лишь наиболее опытные и авторитетные политики. Хотя на волне политической демократизации конца 1910-х 1920-х гг. Тайный Совет несколько отошёл на второй план политической жизни, в целом же этот орган сохранял свою важнейшую роль в государственной системе вплоть до конца Второй Мировой войны.
- 83 Куратоми Юсабуро (1853–1948), видный государственный деятель. Куратоми начал карьеру как чиновник министрества юстиции, и большая часть его карьеры как профессионального бюрократа была связана именно с юриспруденцией. Весьма успешно продвигался по служебной лестнице в системе Минюста, дойдя до поста главы департамента (1913). В марте 1914 г. был назначен императорским указом в Палату Пэров (до октября 1916 г.) В октябре 1920 г. стал советником

Тайного совета, а с декабря 1925 г. по май 1934 г. занимал должность председателя Тайного совета. В 1926 г. в качестве признания заслуг перед государством получил титул барона.

- 84 Окума Сигэнобу (1838–1922) крупнейший политический и государственный деятель, один из пионеров партийного движения Японии. После Реставрации Мэйдзи, в которой Окума принял самое активное участие, он занял видное место в новом правительстве, за сравнительно кроткое время став одним из его лидеров. Однако в 1881 г. Окума, открыто сочувствоваший оппозиционному власти Движению за свободу и народные права, был вынужден покинуть правительство. Однако из политики он не уходит и в 1882 г. образовывает политическую партию Кайсинто, которая, несмотря на частые переименования, на протяжении всей довоенной истори Японии будет оставаться одной из двух крупнейших политических партий в стране. В качестве партийного политика Окума добился значительных успехов: дважды он назначался премьер-министром (1898, 1914—1916).
- 85 Соэдзима Танэоми (1828–1905), крупный государственный деятель и политик эпохи Мэйдзи, один из руководителей правительства Мэйдзи. Среди главных карьерных достижений пост главы внешнеполитического ведомства в 1871 г. и должность министра внутренних дел в 1892 г.
- ⁸⁶ Такасима Томоносукэ (1844—1916), крупный государственный и военный деятель Мэйдзи и начала Тайсё. Родом из Сацума (совр. преф. Кагосима) Такасима начал карьеру как професиональный военный, принял активное участие в войне Босин (1868—69) на стороне антисёгунской коалиции и в подавлении мятежа Сайго Такамори (1878). В 1883 г. получил звание генерал-лейтенанта, а в 1884 г. титул виконта. Был военным министром в 1-м и 2-м кабинете Мацуката и 2-м кабинете Ито. С 1892 по 1895 и с 1899 по 1916 гг. занимал должность советника Тайного совета.
- ⁸⁷ Кацура Таро (1848–1913) крупнейший политический, государственный и военный деятель эпохи Мэйдзи. Кацура принял непосредственное участие в войне с войсками просёгунской коалиции и, таким образом, после реставрации императорской власти получил возможность для успешного карьерного роста. Потомственный самурай Кацура решил продолжить военную карьеру и спустя некоторое время после реставрации Мэйди он отправляется в Европу для изучения западной военной системы. После возвращения в Японию Кацура поступает на службу в военное министерство и благодаря своим способностям и целеустремлённости почти сразу же заслуживает доверие и уважение Ямагата Аритомо. Под патронажем последнего Кацура стремительно продвигется по службе и к концу XIX в. становится одной из наиболее влиятельных фигур в политическом клане Тёсю и ближайшим соратником Ямагата. После японо-китайской войны, в которой Кацура командовал 3-й дивизией из Нагоя, его назначают генерал-губернатором Кореи, а в 1898 г. Кацура получает портфель военного министра в 3-м кабинете Ито Хиробуми и сохраняет этот пост до 1900 г. (3-й ка-

бинет Ито, 1-й кабинет Окума, 2-й кабинет Ямагата). В июне 1901 г. Кацура, при активной поддержке Ямагата, становится премьер-министром, что символизирует определённую смену поколений в японском истеблишменте — постепенный переход власти от старейшин гэнро ко «второй волне» политиков. Кацура остаётся у власти до конца 1905 г., и за это время благодаря прежде всего внешнеполитическим успехам кабинета (заключение союза с Англией в 1902 г., победа в русско-японской войне 1904-05 гг.) значительно вырастает его политический авторитет. В дальнейшем Кацура ещё дважды сформирует правительство (1908-11 и 1912-13). Хотя Кацура был одним из политических олигархов и поначалу разделял неприязненное отношение Ямагата к партиям, в отличие от многих консерваторов в японском истеблишменте Кацура в начале XX в. приходит к пониманию неизбежности политических изменений и в 1904 г. начинает тесное сотрудничество с политическими партиями, которое в январе 1913 г. увенчалось формированием собственной партии Кацура — Досикай.

⁸⁸ В середине 1903 г., на пике противоречий между кабинетом Кацура Таро и возглавляемой Ито Хиробуми крупнейшей в Парламенте партии — Сэйюкай, Кацура демонстративно подал в отставку, пытаясь с помощью этого демарша изменить политическую ситуацию в свою пользу. Император в итоге отклонил прошение Кацура об отставке, а последовавшее за этим назначение Ито на пост председателя Тайного Совета нанесло серьёзный удар по позициям Сэйюкай, поскольку вынуждало Ито покинуть пост председателя этой партии. Можно сказать, что вся эта ситуация была частью плана Кацура по ослаблению Сэйюкай.

89 Суэмацу Кэнтё (1855–1920), близкий соратник Ито Хиробуми, видный политик и депутат нижней палаты от Сэйюкай. Карьеру Суэмацу начал как журналист и публицист, но после знакомства с Ито поступил на дипломатическую службу и постепенно начал превращаться в крупного государственного деятеля. Успешному продвижению Суэмацу в немалой степени способствовали его ближкие отношения с Ито, так, он был женат на его родной дочери. Суэмацу несколько раз получал портфель государственного министра, в частности, в 1900 г. он стал министром внутренних дел в 4-м кабинете Ито. Суэмацу принял активное участие в создании Сйэюкай как член организационного комитета и в последующем играл важную роль в жизни партии, являясь членом общего отдела.

⁹⁰ Като Такааки (1860–1926) — государственный деятель, дипломат и политик начала XX в. Министр иностранных дел в 4-м кабинете Ито, 1-м кабинете Саиондзи, 3-м кабинете Кацура, 2-м кабинете Окума. Дважды премьер-министр Японии (1924–25, 1925–26). Като Такааки принадлежит особое место в политической истории: возглавляя с 1913 г. партию Досикай (позже Кэнсэйкай) — наиболее либеральную из двух крупнейших партий Японии, он внёс огромный вклад в развитие парламентаризма в довоенной Японии. Именно партия Като сыграла решающую роль в успехе 2-го Движения в защиту конституционного правительства, итогом которого стало формирование партийного ка-

бинета во главе с Като в 1924 г. и окончательное утверждение периода партийных кабинетов, а также в принятии Закона о всеобщем (мужском) избирательном праве в 1925 г.

91 Законопроект о приобретении железных дорог в государственную собственность был разработан ещё 1-м кабинетом Кацура Таро (1901–05), однако опубликован данный закон был 31 марта 1906, и его непосредственной реализацией занимался кабинет Саиондзи. Согласно этому закону государство выкупало у 17 частных компаний сеть железных дорог общей протяжённостью свыше 4500 км и переводило их в управление Железнодорожного агентства при кабинете министров. Таким образом протяжённость государственных дорог увеличивалась в 3 раза, а в ведении частных компаний остались лишь региональные транспортные ветки. Данная реформа была предпринята, с одной стороны, с целью унификации и централизации железнодорожной транспортной системы страны, а с другой, за реформу активно выступал региональный капитал, получавший в результате продажи дорог государству значительные средства.

92 Тэраути Масатакэ (1852–1919), один из крупнейших военных, политических и государственных деятелей конца Мэйдзи — Тайсё. Будучи одним из ближайшим соратников и приближённых Ямагата Аритомо, неоднократно становился военным министром в различных кабинетах, в 1910 г. был назначен первым генерал-губернатором Корее, а с 1916 по 1918 гг. являлся премьер-министром Японии.

⁹³ В 1906 г. кабинет Саиондзи разрешил образование Социалистической партии Японии, за что подвергся суровой критике консервативных политиков. Эта критика усилилась после того, как власти достаточно мягко отреагировали на то, что демонстранты на одном из митингов размахивали красными флагами.

94 Речь идёт о Нагасима Рюдзи, женатом на третьей дочери Кацура — Киёко. Нагасима был профессиональным чиновником. Окончив юридический факультет Императорского университета, он сдал квалификационный экзамен для чиновников и поступил на службу в Минфин, где в последующем дослужился до начальника отдела. Дважды занимал должность секретаря премьер-министра, в частности, в 3-м кабинете Кацура. В начале 1910-х гг. начал принимать активное участие в политике. Так, Нагасима в 1913 г. поддержал создание политической партии Кацура — Досикай.

95 В конце 1912 г. армейские лидеры (Тэраути Масатакэ, Танака Гиити и прочие), недовольные негативным отношением кабинета Саиондзи к увеличению армии и отклонением своих требований направить в охваченный Синхайской революцией Китай, выступили с ультиматумом, в котором призвали кабинет сформировать две дополнительные дивизии. После отрицательного решения кабинета министр Уэхара Тайсаку в одностороннем порядке ушёл в отставку, а армейские круги пошли на демарш, отказавшись выдвигать нового кандидата на министерский пост, и спровоцировали тем самым правительственный кризис и отставку кабинета (декабрь 1912 г.). Считается, что руково-

дители воорудённых сил не могли пойти на подобный шаг без молчаливого согласия Ямагата Аритомо— наиболее авторитетного армейского лидера.

- ^{96} Имеется ввиду сокращение административных расходов государственного аппарата.
- ⁹⁷ Кацура Таро, некогда способствовавший диалогу между обоими правительствами Саиондзи и армией, в данном вопросе занял выжидательную позицию и по сути никак не отреагировал на неоднократные просьбы министра внутренних дел Хара Такаси помочь в преодолении возникшей проблемы. Как можно предположить из дальнейшего развития событий, Кацура, чьи политические позиции в 1912 г. заметно пошатнулись, собирался использовать назревающий кризис для очередного прихода к власти и реализации своих политических планов, в частности, он стремился окончательно отделиться от Сэйюкай и образовать свою собственную политическую партию.
- 98 Имеется ввиду Великое Кантосское землятресение 1 сентября 1923 г., унесшее жизни свыше ста тысяч человек и почти полностью разрушевшее Токио и ряд других городов центральной Японии.
  - ⁹⁹ Личный врач императора Мэйдзи.
- 100 Утида Косай (1865–1936) профессиональный чиновник и дипломат. Занимал различные ответственные посты в МИДе, например, был послом в Китае, США, России. Министр иностранных дел во втором кабинете Саиондзи, кабинетах Хара и Такахаси Корэкиё, Като Томосабуро и Сайто Макото. Сблизившись в 1910-е гг. с партийными силами, в 1930-е гг. Утида сыграет заметную роль в милитаризации Японии, став одним из инициаторов создания Маньчжоу-го и выхода Японии из Лиги Наций.
- 101 Здесь Саиондзи вскользь касается очень интересной истории, связанной с Каваками Садаякко (1871–1946) и Фукудзава Момосукэ (1868–1938). Садаякко была известной Токийской красавицей, пользовавшейся особым расположением Ито, Саиондзи и других первых лиц государства. В 1894 г. Садаякко вышла замуж за популярного актёра Каваками Отодзиро и в составе его труппы в 1899 г. приняла участие в гастролях по Сан-Франциско, где её игра получила самые высокие отклики. Театральный талант Садаякко покорил зрителей во многих западных странах, а газеты сравнивали её с Айсидорой Дункан. Считается, что Пуччини написал «Мадам Баттерфляй», именно вдохновившись её игрой. Особую симпатию Садаякко заваоевала у французской публики, с любовью называвшей её «мадам Садаякко». Садаякко внесла заметный вклад в развитие современного японского театра, и её принято считать первой японской актрисой.

Ещё в конце 1880-х гг. Садаякко познакомилась с Момосукэ, молодым человеком, учившимся в Кэйо гидзюку (совр. ун-т Кэйо). Сохранилась история, что Момосукэ, приёмный сын известнейшего просветитлея и основателя Кэйо Фукудзава Юкити, спас её от нападения стаи диких собак, что и послужило началом их знакомства. После смерти Отодзиро в 1911 г. Садаякко вновь встретилась с Фукудзава Момосукэ,

ставшим к тому времени крупнейшим предпринимателем, названным «королём энергетики» Японии за строительство целого ряда электростанций. Несмотря на многолетний перерыв, их дружба возобновилась, и вплоть до смерти Фукудзава они жили вместе, то в Нагоя, пока в том районе шло строительство каскада гидроэлектростанций, то в Токио. Позже Садаякко основала собственное предприятие по выпуску первосортного шёлка на экспорт, а в 1933 г. в Гифу на её деньги был построен буддийский храм Тэйсёдзи.

102 Ёкота Сэнносукэ (1870–1925) — крупный партийный деятель. Получил прекрасное юридическое образование в Токио хогакуин, после знакомства с Хоси Тору работал при нём в качестве юриста и под его покровительством начал политическую карьеру. В 1900 г. принял деятельное участие в формировании Сэйюкай, а после стал одним из лидеров партии. С 1912 г. 5 раз избирался в палату представителей от преф. Тотиги. Работал в качестве генерального секретаря партии, а в кабинете Хара занимал одну из ключевых должностей — начальника юридического департамента. В 1924 г. был активным участником 2-го Движения за защиту конституционного правительства, в результате чего стал министром юстиции в коалиционном кабинете Като Такааки.

 ^{103} Возможен двоякий перевод на русский — «Эпиграмма» или «Острый кинжал».

104 Япония в мире.

 ^{105} Имеется ввиду один из этапов войны *Босин* против просёгунских сил.

106 Ниннадзи-но Мия Ёсиакира Синно (1846—1903) — принц, член императорского рода, видный военный деятель эпохи Мэйдзи. Ёсиакира был сыном принца Фусими-но мия, а позже стал приёмным сыном императора Нинко. После усыновлления императором Ёсиакира был назначен настоятелем храма Ниннадзи, название которого по давней традиции и стало его фамилией. Во время войны против сёгунских войск принц Ниннадзи-но Мия проявил себя умелым военачальником и вдальнейшем он оставался верным военной службе, в качестве командира приняв участие в нескольких войнах и конфликтах: волнения в преф. Сага (1873), мятеж Сайго Такамори (1876), японо-китайская война (1894—95). В 1886 г. Ниннадзи-но мия стал генералом армии, а в 1897 г. получил звание маршала. Впрочем, к тому моменту он уже именовался Комацу-но Мия Акихито Синно, поскольку в 1881 г. основал собственный род, названный Комацу (по древнему названию своего родового храма Ниннадзи).

107 Ито Миёдзи (1857–1934) — видный политик и чиновник Мэйдзи, Тайсё и начала Сёва, а также близкий соратник Ито Хиробуми. К числу его заслуг относится, в частности, активное участие в составлении конституции Мэйдзи в качестве личного серкетаря Ито Хиробуми. На протяжении своей карьеры занимал ответственные посты в кабинете министров, Палате Пэров, Тайном Совете и других государственных структурах.

108 Старший советник в правительстве Мэйдзи.

- ^{109} Известный буддийский монастрырь школы Дэёдо, основанный в $1657~\mathrm{r.}$ и расположенный в районе Рёгоку в Токио.
  - 110 Борец высшего класса в борьбе сумо.
  - ¹¹¹ Чемпион по борьбе сумо.
  - 112 Вероятно, речь идёт о Коноэ Тадахиро (1808–1898).
- 113 Коноэ Фумимаро (1891–1945) трижды премьер-министр Японии (1937–39, 1940–41, июль 1941 октябрь 1941). Фумимаро был протеже Саиондзи и поддерживал его мирный внешний курс. Однако в начале 1930-х гг. Фумимаро встал на сторону милитаристов и отдалился от Саиондзи. Именно во время кабинетов Фумимаро началась полномасштабная война с Китаем и Тихоокеанская война с США. В декабре 1945 г. покончил с собой, не дожидаясь официального выдвижения обвинений в военных преступлениях.
- 114 Коноэ Ацумаро (1863–1904) отец Фумимаро, крупный государственный и политический деятель, председатель Палаты Пэров (1892–1904) и советник Тайного Совета (1903–1904). Один из главных противников политических партий и последовательный сторонник «жёсткого» внешнего курса, основой которого он считал продвижение Японии на азиатский материк. Им был создан ряд националистических организаций Тоа добункай, Кокумин домэйкай, Тайгай коха досикай, а также одиозная Тайро досикай (Антирусская лига).
- ¹¹⁵ Ядо Киндзан (1849–1920) известный поэт, писавший *канси* стихи в китайской традиции.
- 116 Вероятно, Саиондзи имеет ввиду Санномия Ёситанэ (1843–1905), известного патриота и монархиста, с конца эпохи Токугава выступавшего за реставрацию императорской власти и принявшего активнейшее участие как в Реставрации, так и в последующих боевых действиях против сёгунских войск. После Реставрации Санномия занимал различные государственные должности, дослужившись в 1873 г. до обер-церемониймейстера двора, должности, которую он занимал до своей смерти. В 1895 г. Санномия за заслуги был пожалован титул барона. Возможно, Коан (допускается также прочтение Хироясу) было одним из имён Санномия.
- 117 Комура Дзютаро (1855–1911) государственный деятель и дипломат второй половины эпохи Мэйдзи. Профессиональная карьера Комура началась в Минюсте, но главные его достижения связаны именно с дипломатической службой. Министр иностранных дел в 1-м и 2-м кабинетах Кацура Таро (1901–05, 1908–11). Комура был сторонник жёсткой внешней политики, прежде всего в отношении России, главной целью которой видел установление преобладающего влияния Японии в восточно-азиатском регионе. Возглавлял японскую делегацию в Портсмуте в 1905г.
- 118 Витте Сергей Юльевич (1849–1915) граф, российский государственный деятель; с 1889 г. директор департамента железных дорог Министерства финансов, с августа 1892 г. по 1903 г. министр финансов, с августа 1903 г. председатель Комитета министров. В 1905 г. возглавлял русскую делегацию, подписавшую Портсмутский мирный договор России с Японией. С октября 1905 г. по апрель 1906 г. глава

Совета министров. Член Государственного совета и председатель Комитета финансов до 1915 г.

- ¹¹⁹ «Полтора года» (1901) последняя работа Накаэ, его «прижизненное завещание», начатое им после того, как в 1900 г. врач вынес Накаэ вердикт, что тому не прожить более полутора лет.
- 120 Сёги называли исполнителниц танцев и песен под музыкальный аккомпонемент.
  - 121 Сирабёси исполнительницы одноимённых танцев в XII-XIV вв.
- 122 Накаи Хироси (1838–1890) политик и высокопоставленный чиновник. Будучи выходцем из княжества Сацума, после Реставрации Накаи занял видные посты в новом правительстве: работал губернатором преф. Сига, Киото, являлся членом Гэнроин. Однако прославился Накаи не только своими достижениями на государственной службе, но и стихотворным творчеством. Среди его близких друзей и почитателей были такие выдающиеся люди эпохи, как Ито Хиробуми, Иноуэ Каору, Гото Сёдзиро и другие.
- 123 Кумои Тацуо (1844—1870) самурай и чиновник в правительстве Токугава. Кумои не принял Реставрацию Мэйдзи и поддержал сторонников сёгуна. После завершения гражданской войны и разгрома просёгунских войск Кумои попытался воздействовать на новое правительство с помощью петиций, но потерпел неудачу. Тогда Кумои собрал вокруг себя группу недовольных с целью насильственного свержения правительства Мэйдзи. План был раскрыт, и в декабре 1870 г. Кумои и 11 его товарищей были казнены. С учётом радикальных взглядов Кумои становится понятен холодный сарказм Саиондзи, преданного монархиста, в ответ на цитирование Накаи стихов Кумои.
- ^{124} Князь (ко:) высший титул в придворной иерархии. Лишь наиболее заслуженные государственные деятели получали этот титул, например, князем был сам Ямагата Аритомо.
- 125 Ямамото Гоннохёэ (1852–1933) крупнейший военный и государственный деятель конца XIX первой половины XX вв. Будучи самураем из Сацума, Ямамото после войны Босин, в которой он принял активное участие на стороне императорских сил, выбрал карьеру офицера флота. Благодаря выдающимся способностям к концу XIX в. становится одной из центральных фигур как в Военно-морском министерстве, так и в политическом клане Сацума, а к концу эры Мэйдзи их общепризнанным лидером. С 1898 по 1905 гг. бессменно занимал пост военно-морского министра (2-й кабинет Ямагата, 4-й кабинет Ито, 1-й кабинет Кацура), дважды (1913–14, 1923–24) вставал во главе правительства Японии. За заслуги во время русско-японской войны получил титул графа.
- 126 Вероятно, неприязнь Ямагата к Като можно объяснить как «радикальной», с точки зрения Ямагата, позиции его партии, главным образом в вопросе всеобщего избирательного права, так и чрезмерной самостоятельностью Като, стремившегося исключить влияние гэнро на государственную политику, прежде всего дипломатию. Так, Ямагата не мог простить Като выдвижения им «21-го требования» Китаю в 1915 г.

без консультаций с ним и другими гэнро, что стало причиной серьёзного внешнеполитического кризиса. Под давлением Ямагата в 1915 г. Като был вынужден оставить пост министра иностранных дел.

127 Хирата Тосукэ (1849–1925) — видный государственный деятель и политик конца XIX — начала XX вв. Являясь одной из центральных и наиболее близких к Ямагата фигур в политической группировке Ямагата, занимал такие важные посты, как глава законодательного департамента кабинета министров во 2-м кабинете Ямагата, министр торговли и с/х в 1-м кабинете Кацура, министр внутренних дел во 2-м кабинете Кацура, и т. д. В 1922 г. Хирата был назначен министром-хранителем печати, и ему был пожалован титул графа. Разделял концепцию «трансцендентности» правительств и выступал против роста влияния политических партий, для чего, в частности, использовал своё влияние в Палате Пэров, куда он был назначен в 1890 г.

128 4 ноября 1921 г. на Токийском вокзале Хара зарезал правый радикал, обвинивший его, в частности, в «мягкотелой» внешней политике. Известно, что Хара был сторонником «политики кооперации» между державами и внешнего курса с упором на экономическую, а не военую экспансию. Итогом этой политики было и вступление Японии в Лигу Наций, и участие в Вашингтонской конференции по ограничению морских вооружений, и значительное сокращение масштабов Сибирской интервенции, начатой предыдущим кабинетом.

129 Такахаси Корэкиё (1854–1936) — крупный государственный деятель и политик. Начав карьеру чиновника в 1873 г., постепенно добился признания и в 1911 г. был назначен председателем Банка Японии. В 1913 г. Такахаси вошёл в кабинет Ямамото Гоннохёэ как министр финансов, одновременно вступив в Сэйюкай. Ещё за время 2-го кабинета Саиондзи (1911-12) Такахаси стал близким соратником Хара, поддержав его «позитивную» финансовую политику поощрения промышленности. Естественно поэтому, что в 1918 г. Хара включил его в свою кабинет в качестве министра финансов, а также что после смерти Хара именно Такахаси стал следующим председателем Сэйюкай (до 1925 г.) и возглавил новое правительство (1921-1922). В 1924 г. Такахаси, поддержавший Движение в защиту конституционного правительства, вступает в кабинет Като — на этот раз как министр торговли и с/х. В последующие годы Такахаси, пользовавшийся колоссальным влиянием в деловых кругах и большим политическим авторитетом, ещё дважды становился министром финансов: в кабинете Танака Гиити (1927-29) и Инукаи Цуёси (1931-32).

130 Токутоми Сохо (1863–1957). Настоящее имя — Токутоми Иитиро. Видный журналист, историк, критик, обозреватель и публицист. Токутоми, начав деятельность как либеральный журналист, постепенно меняет позицию и ко 2-й половине 1890-х гг. становится приверженцем идей о сильном государстве и одним из главных идеологов императорского абсолютизма. Подобные взгляды способствуют сближению в 1890-е гг. Токутоми с консервативными фигурами в правительстве — Ямагата и Кацура. Тогда же Токутоми возглавляет проправительственную газету «Ко-

кумин-симбун». Особые лавры Токутоми снискал в 1930-е гг., когда его идеи о сильном государстве с опором на императорскую фамилию фактически ложатся в основу идеологии пришедших к власти консервативных и милитаристских сил. В 1937 г. выходит главный исторический труд Токутоми — «Современная история японского народа», за который он получает ряд государственных премий. В 1942 г. Токутоми возглавляет «Дайниппон гэнронхо кокукай», организацию созданную в целях контролирования мыслей и мобилизации поддержки для правящего режима. За деятельность во время войны в 1945 г. Токутоми относят к категории военных преступников класса «А» и пожизненно запрещают занимать общественные должности.

131 Макино Нобуаки (1861–1949) — крупнейший политик и государственный деятель довоенной Японии, сын Окубо Тосимити. Начав в 1880 г. карьеру в министерстве иностранных дел, Макино очень успешно продвигается по должностой лестнице, и уже в 1906 г. становится министром образования в 1-м кабинете Саиондзи. Во 2-м кабинете Саиондзи Макино получает портфель министра с/х и торговли, а в 1-м кабинете Ямамото — министра иностранных дел. Успешной карьере Макино способствовали как и его незаурядные способности, так и тесные связи с Ито и Саиондзи. Эта близость во многом обусловлена их схожими взглядами на внешнюю политику. Будучи, как и Саиондзи, либералом, Макино выступал за политику мирного сотрудничества между державами и против военной экспансии. Вполне логично, что именно он стал главным помощником Саиондзи на Парижской мирной конференции. С 1921 по 1925 гг. Макино, по рекомендации Саиондзи, занимал должность министра двора, а с 1925 по 1935 гг. — министра-хранителя печати. На этих должностях Макино старался способствовать как либерализации императорского двора, так и внутренней политики в целом. Макино, получивший в 1935 г. титул графа, пользовался таким доверием и авторитетом у императора, что по одной из версий, его слова об отставке в 1935 г. вызвали слёзы у императора Сёва.

132 Икки Китокуро (1867–1944) — юрист, политик и государственный деятель. После окончания в 1887 г. юридического факультета Императорского ун-та поступил на службу в Министрество внутренних дел. С 1890 по 1894 гг. обучался праву в Германии. В 1902 г. стал начальником законодательного департамента в 1-м кабинете Кацура, в 1925 г. был назначен министром двора, а в 1934 г. — председателем Тайного Совета при императоре. Икки поддерживал лежавшую в основе «Демократии Тайсё» конституционную теорию Минобэ Тацукити, трактовавшую институт императора как один из органов государственной власти, в связи с чем стал одним из объектов нападок со стороны милитаристов в 1930-е гг.

133 Окада Рёхэй (1864–1934) — чиновник и политик эпох Мэйдзи и Тайсё и начала эпохи Сёва, старший брат Икки Китокуро. После окончания в 1887 г. Императорского ун-та Окада поступил на службу в Министерство образования, где сделал весьма успешную карьеру и уже в 1908 г. стал заместителем министра во 2-м кабинете Кацура (1908–1911).

Получал портфель министра образования в кабинетах Тэраути Масатакэ (1916–18), Като Такааки (1924–26) и 1-м кабинете Вакацуки Рэйдзиро (1926–27). С 1904 по 1929 гг. являлся членом Палаты Пэров, а в 1929 г. был назначен советником Тайного Совета при императоре.

¹³⁴ Накагава Кодзюро (1866–1944) — племянник Накагава Кэндзиро, бывшего директором Токийской высшей педагогической школы для женщин (совр. ун-т Отяномидзу), и близкий соратник Саиондзи в вопросах национального просвещения. Как и свой дядя, Кодзюро занял видное место в истории японского образования. После окончания Токийского императорского ун-та Накагава поступает на службу в министерство образования. В 1895 г., когда Саиондзи стал министром образования во 2-м кабинете Ито, Кодзюро получает должность секретаря министра и становится правой рукой Саиондзи в деле распространения высшего образования в Японии, например, Кодзюро наряду с Саиондзи принял активнейшее участие в основании Киотосского ун-та и Японского женского ун-та. В 1900 г. Накагава Кодзюро, при поддержке Саиондзи, основывает Киотосскую юридическую школу, которая позднее получает название ун-т Рицумэйкан. В 1906 г., после формирования 1-го кабинета Саиодзи, Накагава Кодзюро возвращается в правительство, заняв должность секретаря премьер-министра. В дальнейшем Кодзюро продолжал занимать ответственные государственные посты: начальника департамента в управлении Карафуто (Сахалина), председателя банка Тайваня, пожизненного члена Палаты Пэров и т. д.

135 Като Томосабуро (1861–1923) — адмирал флота, видный военный, государственный и политический деятель Мэйдзи и Тайсё. В 1914 г. Като стал военно-морским министром во 2-м кабинете Окума (1914–16), и сохранял этот портфель вплоть до 1922 г. (кабинеты Тэраути, Хара, Такахаси). Като был одним из наиболее либеральных представителей военного руководства Японии. Осознав изменение реалий международной жизни после 1-й мировой войны, Като поддержал политику Хара, направленную на свёртывание военной экспансии и мирную кооперацию с другими державами. Более того, Като лично возглавил японскую делегацию на Вашингтонской конференции по ограничению морских вооружений (ноябрь 1921 — февраль 1922 гг.). При этом ему удалось не только заставить различные силы в военно-морском ведомстве поддержать принятые в Вашингтоне постановления, но и убедить флот согласиться на замещение премьером Хара — гражданским лицом — поста военно-морского министра на время отсутсвия Като. В 1922 г. Като становится премьер-министром Японии и остаётся в должности вплоть до смерти в 1923 г. За время правления Като удаётся выполнить 2 важные задачи: провести существенное сокращение военно-морских сил и положить конец Сибирской интервенции.

136 Танака Гиити (1864–1929) — крупный политик и государственый деятель. Танака, выходец из Тёсю и профессиональный военный, в начале ХХ в. становится одной из наиболее заметных фигур в военном крыле клана Тёсю. Будучи по сути одним из протеже Ямагата Аритомо,

Танака поначалу разделяет его антипартийные взгляды, однако к концу 1910-х гг. постепенно меняет свои убеждения, осознав политические партии как мощную и эффективную силу. В 1918 г. Танака входит в партийный кабинет во главе с Хара Такаси (1918–1921) как военный министр и обеспечивает лояльное отношение армии к новому правительству. В 1925 г. Танака сам становится председателем Сэйюкай, а в 1927 г. возглавляет очередное партийное правительство. Тем не менее, Танака можно назвать наиболее консервативным партийным премьером, в частности, именно при нём было приняты многие реакционные законы по противодействию «опасным мыслям», а также проведены репрессии против левых политических сил. Танака также не справился с растущим произволом в поведении армии, прежде всего расквартированных на материке частей, одним из следствий которого стало убийство японскими войсками китайского генерала и фактического главы северо-восточных провинций Китая Джан Дзо Линя и резкое ухудшение как японо-китайских отношений, так и внутриполитического климата. В 1929 г. император Сёва, серьёзно обеспокоенный усиливающимся неповиновением в войсках, лично сделал суровый выговор Танака, предопределив отставку его кабинета.

137 Вакацуки Рэйдзиро (1866–1949) — крупный государственный деятель и политик первой половины XX в. Вакацуки был ярким представителем класса профессионального чиновничества: окончив с блеском Императорский ун-т (средний экзаменационный балл Вакацуки был 98 из 100 возможных), он поступил на службу в Минфин, где сделал очень успешную карьеру, и уже в 1912 г. стал министром финансов в 3-м кабинете Кацура Таро. Портфель министра финансов Вакацуки получает и во 2-м кабинете Окума Сигэнобу (1914–16). В это же время происходит сближение Вакацуки с политическими партиями, стремительно набиравшими силу в этот период, а именно — с Досикай (буд. Кэнсэйкай и Минсэйто). В 1924 г. Вакацуки в качестве одного из лидеров руководимой Като Такааки Кэнсэйкай активно поддержал 2-е Движение в защиту конституционного правительства, итогом которого стало формирование коалиционного кабинета, где Вакацуки занял пост министра внутренних дел. После смерти Като в 1926 г. именно Вакацуки стал его премником как на посту премьера, так и председателя Кэнсэйкай. В 1927 г. Вакацуки вынужден уйти в отставку из-за разразившегося финансового и банковского кризиса, и в следующий раз кабинет он возглавляет в апреле 1931 г., сменив смертельно раненного ультра-правыми националистами премьера Хамагути Осати (1870-1931). Возглавив правительство, Вакацуки продолжает политику, начатую своим предшественником и характерную для Минсэйто в целом, которая была направлена на свёртывание внешней экспансии и установление гражданского контроля над армией и флотом, однако его усилия вызывают серьёзный протест различных правых и реакционных сил, что приводит к кризису и отставке кабинета уже в декабре того же года. На Токийском трибунале Вакацуки выступал как один из ключевых свидетелей по делу о преступлениях милитаристов, в частности, о Манчжурском инциденте.

- ^{138} Имеется ввиду Киото, как противопоставление восточной столице Токио.
- 139 Киёура Кэйго (1850-1942) крупный политик и государственный деятель, профессиональный чиновник и юрист. Выдающиеся способности Киёура были отмечены самим Ямагата Аритомо, по рекомендации которого он был уже в возрасте 34 лет назначен главой полицейского управления Японии. В дальнейшем Киёура становится одной из ключевых фигур в политической группировке Ямагата и тесные связи между ними будут в значительной степени способствовать карьерному росту Киёура. Киёура входит как министр юстиции во 2-й кабинет Мацуката (1896-98), 2-й кабинет Ямагата (1898-1900) и 1-й кабинет Кацура (1901-1906), а в 1906 г. получает должность советника Тайного Совета при императоре, председателем которого становится после смерти в 1922 г. Ямагата. Одновременно Киёура является главой крупнейшей фракции Палаты Пэров — Кэнкюкай. К началу 1920-х гг. Киёура становится одним из наиболее влиятельных политиков в Японии, и в 1924 г. Саиондзи рекомендует его в качестве премьер-министра. Киёура, в попытке создать «нейтральный» кабинет, комплектует его почти исключительно членами Палаты Пэров. Этот кабинет, прозванный в обществе «привиллегированным», оказался одним из самых коротких в довоенной истории Японии: он не просуществовал и 5 месяцев и был "сметён" 2-м Движением в защиту конституционного правительства, организованным крупнейшими партийями нижней палаты для борьбы с «неконституционным» правительством Киёура.
- ¹⁴⁰ Имеется ввиду Великое кантосское землетрясение сентября 1923 г., унесшее жизни ста с лишним тысяч человек.
- 141 Речь идёт о Саиондзи Хатиро (1881–1946). Строго говоря, Хатиро был сыном не Саиондзи, а Мори Мотонори (1839–1896) даймё княжества Ямагути, сыгравшего заметную роль как в Реставрации Мэйдзи, так и в дейтельности мэйдзийского правительства и получившего в 1884 г. за заслуги высший титул книзя. В 1906 г. Хатиро вступает в брак с незаконной дочерью Саиондзи Син (1886–1920) и становится не только зятем Саиондзи, но и его приёмным сыном и законным наследником. Главные карьерные достижения Хатиро связаны со службой в министерстве двора, где он занимал различные ответственные должности. После смерти Саиондзи в 1940 г. Хатиро наследует его титул князя и становится главой рода Саиондзи.
  - ^{142} Джордж Вашингтон (1732–1799) первый президент США.

История и культура традиционной Японии / Отв. И 90 ред. А.Н. Мещеряков. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2008. 558 с. (Orientalia et Classica: труды Института восточных культур и античности; вып. 16)

ISBN 978-5-7281-0934-1

Статьи настоящего сборника, посвященные различным аспектам истории и культуры Японии, охватывают период с древности до XX в. Характерной особенностью книги является обилие комментированных переводов памятников, многие из которых никогда не переводились на западные языки.

> УДК 008.001(520) ББК 63.3(5Япо)я43

Научное издание

История и культура традиционной Японии

Ответственный редактор *А.Н. Мещеряков*

Оригинал-макет подготовлен в Институте восточных культур и античности

Компьютерная верстка *А.А. Ковалев*

Подписано в печать 20.11.2007. Формат $60\times90^1/_{16}$. Усл. печ. л. 35,5. Уч.-изд. л. 35,0. Тираж 300 экз. Заказ № 48

Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета 125993 Москва, Миусская пл., 6